

Билл Каннингем

Модное восхождение

Воспоминания первого стритстайл-фотографа

Билл Каннингем

Модное восхождение

Воспоминания первого стритстайл-фотографа

Перевод с английского Юлии Змеевой

МОСКВА
«МАНН, ИВАНОВ И ФЕРБЕР»
2019

УДК 687
ББК 37.24-2
К19

Bill Cunningham
Fashion Climbing: A Memoir with Photographs
Издано с разрешения The Bill Cunningham Foundation LLC
На русском языке публикуется впервые
Научный редактор Наиля Марятова
Возрастная маркировка в соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ: 16+

Каннингем, Билл
К19 Модное восхождение. Воспоминания первого стритстайл-фотографа / Билл Каннингем ; пер. с англ. Юлии Змеевой. — М. : Манн, Иванов и Фербер, 2019. — 272 с. : ил.

ISBN 978-5-00117-735-7

Билл Каннингем — легенда стрит-фотографии и один из символов Нью-Йорка. Но звездой и любимцем публики он стал еще в середине XX века, когда шил экстравагантные шляпы и вел колонки в модных изданиях.

В этой автобиографической книге Каннингем рассказывает о своих первых шагах в городе свободы и гламура, о золотом веке высокой моды и о пути к высотам модного олимпа. Закулисье модного мира и свои в нем приключения Билл описывает живо, остроумно и безжалостно.

УДК 687
ББК 37.24-2

С. 110, 113, 160, 162, 183, 242, 247, 254, 263, 265, 267, 269: фотографии Билла Каннингема.

С. 2, 49, 57, 64, 105, 121, 141: фотографии Энтони Мэка.

С. 13, 17, 69, 74, 82, 99, 107, 133, 152, 179: фотографии предоставлены The Bill Cunningham Foundation LLC.

ISBN 978-5-00117-735-7

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав

Fashion Climbing © The Bill Cunningham Foundation LLC, 2018. First published by Penguin Press. Translation rights arranged by AJA Anna Jarota Agency and The Clegg Agency, Inc., USA. All rights reserved

© Перевод на русский язык, издание на русском языке. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие ♦ 7

Ворота в рай ♦ 14

Я становлюсь William J. ♦ 42

Мое первое ателье ♦ 53

Шлем в цветах ♦ 76

Блаженная свобода ♦ 95

Нона и Софи ♦ 148

Магазинчик в Саутгемптоне ◊ 156

Модный фингал ◊ 187

На модном олимпе ◊ 208

О светском обществе ◊ 253

О вкусе ◊ 260

Философия Лоры Джонсон ◊ 271

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я любил его, не зная, как его любить. Если говорить о любви как о действии — сознательном и взаимном обмене — разве мог кто-то, кому посчастливилось знать Билла Каннингема, легендарного фотографа рубрик «На улице» и «Вечерние часы» в New York Times, писателя, бывшего шляпника и истинного модного гения, предложить ему что-то, кроме себя самого? Я имею в виду не «себя» в смысле своего «я», открывающегося лишь при самых глубоких, тесных контактах. Нет, общение с Каннингемом было основано на чем-то еще. Оно было глубоким, но по-другому.

Полагаю, все дело в том, на *это* вас вдохновляло общение с ним и *это* вам хотелось отдать ему, повстречав его на улице или в позолоченном парадном зале. Вам хотелось вручить ему свою веру в него и гордость за него. Билл хорошо разбирался

во внешности, но никогда не уставал и продолжал искать самое неуловимое качество одежды — стиль. Вам же хотелось помочь Биллу в его поисках исключительных обликов — то есть красиво одеваться и выглядеть интересным. Даже если вы не становились героем его фотографий и не удостаивались его неподражаемой улыбки во все тридцать два зуба, до чего же приятно было наблюдать, как учащается его сердцебиение при виде очередной обворожительной модницы, озарившей его день своим появлением. Это был всего лишь один из подарков Билла Каннингема миру: он радовался возможности увидеть вас.

Часто можно было заприметить художавую фигурку Билла, склонившегося над объективом у Bergdorf's на углу Пятой авеню и Пятьдесят седьмой улицы — в его обычном месте — и фотографирующего чей-нибудь каблук, или в погоне за чей-нибудь юбкой. И в этот момент вам резко хотелось собраться, сгрести в кучу все яркие осколки своего «я» и весь свой экзистенциальный мусор, потому что это был ваш единственный шанс продемонстрировать свою любовь человеку, который жил для того, чтобы увидеть, что вы собой представляете.

Билл был большим энтузиастом, и эти мемуары буквально пронизаны его энергией. Они были напечатаны уже после его смерти и рассказывают о тех далеких годах, когда Билл работал в индустрии моды, еще до того, как он взял в руки фотоаппарат. При жизни у него вышла всего одна книга, «Облики» (Facades) 1978 года, в которой его старая подруга, фотограф Эдитта Шерман, щеголяла в исторических костюмах, собранных Биллом за долгие годы. Книга ему самому не понравилась,

но Билл был перфекционистом, совершенно не склонным к самоанализу. Да и разве книга могла удовлетворить его потребность постоянно двигаться вперед? Во многих смыслах мемуары Каннингема — его самый необычный проект. И, разумеется, он заканчивает их размышлениями о будущем моды.

Оптимист от природы, Билл никогда не ощущал себя одиноким, ведь у него был он сам. Он родился в семье ирландских католиков, представителей среднего класса, в Массачусетсе эпохи Великой депрессии и вырос в пригороде Бостона. Он любил моду с детства, и эта любовь оказалась сильнее жажды быть принятым своим окружением, которое он считал очень скучным. Его мемуары начинаются так.

«Мое первое воспоминание о моде — день, когда мама застала меня, четырехлетнего, дефилирующим по дому в лучшем платье сестры. Мы были обычной католической семьей, принадлежащей к среднему классу, и жили в ирландском предместье Бостона, в краю окон, занавешенных тюлем. Меня всегда привлекала женская одежда, она будоражила мое воображение. Но тем летним днем 1933 года мать прижала меня к стене гостиной и избивала до полусмерти, пригрозив переломать все кости в моем тогда еще не знавшем запретов теле, если я осмелюсь снова надеть девчачий наряд».

Типичная история: подвергаться нападкам за то, что проявляешь интерес к своему истинному «я». Но дальше Билл совершенно беззлобно продолжает: «Призвав на помощь всю свою бостонскую сдержанность, мои дорогие родители постановили, что лучшее лекарство для меня — держаться подальше от любого искусства и моды». Это оказалось невозможным.

Он остался собой до конца, несмотря ни на что. Еще юношей устроился на работу в престижный бостонский универмаг и больше не оглядывался. Теперь его было не остановить. После Бостона он переехал на Манхэттен и некоторое время жил с родственниками, которые тоже в нем разочаровались, затем устроился в универмаг Bonwit Teller и стал делать свои первые шляпы. Его оптимизм поражает. В 1950 году, в тридцать один, его призвали в армию. «Сначала я очень расстроился, мне казалось, что годы тяжелого труда пойдут насмарку, — пишет он. — Но я никогда не умел надолго заикливаться на плохом и всегда верил, что в любой ситуации можно найти что-то хорошее». Так и вышло, несмотря на все невзгоды, которые выпали на его долю.

Мемуары Билла очень кинематографичны: вот он после увольнения из Bonwit Teller работает уборщиком в нью-йоркском особняке в обмен на аренду комнаты, где он может шить свои шляпы. Его соседи словно сошли со страниц «Завтрака у „Тиффани“» Трумена Капоте, но несмотря на творящийся в доме хаос — там был даже потоп — Билл не унывает. А мы с каждым словом любим его все больше и больше, потому что он принимает окружающих такими, какие они есть, но очень требователен к себе. В период безденежья он пьет по чашке какао в день и питается модой и красотой, которые в избытке находит в сверкающих витринах бутиков, продающих ныне позабытые вещи. Мне кажется, вполне уместно сравнить Билла с коллекционерами Джоном и Доминик де Менил. Как и Каннингем, они были католиками и считали свою увлеченность красотой и помощью художникам духовной практикой

и упражнением в любви: любовь к Богу может выражаться в любви к его творениям и *их* творениям. В документальном фильме 2010 года «Билл Каннингем, Нью-Йорк» есть момент, который смотреть почти невыносимо, — когда Билла спрашивают о его вере, католичестве. Это единственный раз, когда он отворачивается от камеры и весь съеживается, точно уходит в свою раковину. В этот момент я отвернулся от экрана, как и когда сияющий Билл получал почетную награду Юджинии Шеппард от Совета модных дизайнеров Америки в 1993 году. Разумеется, он приехал на вручение на велосипеде. Как можно быть таким замечательным человеком? В мире *моды*? Такая нежность убила бы любого и убила бы Билла, если бы одновременно он не обладал и твердостью. Он осознавал ценность моды, но относился к ней без капли сентиментальности.

Мемуары Билла заканчиваются на том, что шляпы выходят из моды и его оригинальный стиль никому не нужен. «Мода живет и дышит постоянными переменами». Билл доказывает, что недостаточно интересоваться модой, чтобы иметь индивидуальный стиль. Он был уверен, что стиль *вырастает* из индивидуальности, которая никогда не смотрится в модное зеркало. Как сказал писатель Кеннеди Фрейзер, стиль — своевольная сестра моды, «анархистка», которой чужды любые правила. В заключительной части мемуаров Билл замечет, что «важно, чтобы одежда соответствовала времени и месту». Потому что одежда рассказывает историю — не только о том, кто ее носит, но и о своей эпохе. Разве можно игнорировать мир, в котором мы живем; мир, наполненный восхитительной трагедией происходящего; мир, который никогда не повторится?

Билл обращается к тем, кто действительно понимает моду, и к их последователям, и его слова звучат как молитва.

«Будем надеяться, что модные дизайнеры никогда не перестанут творить для тех, кто их вдохновляет и кто готов носить вещи, порожденные полетом их фантазии, ведь именно благодаря таким музам мода и становится живым искусством. В моде есть лишь одно правило, о котором не стоит забывать ни клиентам, ни дизайнерам: когда вам начнет казаться, что вы все знаете и уловили дух времени, в ту самую секунду забудьте обо всем, чему вы научились, переверните это с ног на голову, найдите новое применение старой формуле».

Свет, который теплился внутри Билла Каннингема и озарял все вокруг, — свет его сердца — был светом человека, который считал себя счастливым лишь потому, что он жил. И я уверен, что Билл знал о привилегии, данной каждому человеку в жизни, — нашей способности *надеяться*, благодаря которой мы продолжаем жить.

Хилтон Элс

ВОРОТА В РАЙ

Мое первое воспоминание о моде — день, когда мама застала меня, четырехлетнего, дефилирующим по дому в лучшем платье сестры. Мы были обычной католической семьей, принадлежащей к среднему классу, и жили в ирландском предместье Бостона, в краю окон, занавешенных тюлем. Меня всегда привлекала женская одежда, она будоражила мое воображение. Но тем летним днем 1933 года мать прижала меня к стене гостиной и избивала до полусмерти, пригрозив переломать все кости в моем тогда еще не знавшем запретов теле, если я осмелюсь снова надеть девчачий наряд. Я ревел, и слезы заливали розовое платье с пышной юбкой. Призвав на помощь всю свою бостонскую сдержанность, мои дорогие родители постановили, что лучшее лекарство для меня — держаться подальше от любого искусства и моды. В нашем

пригороде это было несложно, ведь единственными проблемами в унылом пуританском существовании были Рождество, Пасха, парад на День благодарения, Хеллоуин, День святого Валентина и маскарад в день летнего солнцестояния в детском саду. Я жил ради этих особенных дней, когда можно было наконец воплотить все мои безумные затеи. Сильнее всего я отрывался на Рождество и начинал заворачивать подарки за несколько месяцев до праздника, когда о нем еще никто и не вспоминал. Елочные игрушки лежали на чердаке, и уже в середине лета я начинал стирать с них пыль и продумывать схему украшения дома к грядущему сезону.

За время рождественских праздников я успевал нарядить елку раз пять, хотя стояла она всего неделю. С наступлением Нового года, когда елку выбрасывали на улицу, я начинал упаковывать все мои сокровища и блестящую мишуру до следующего года, и в предвкушении этого бесконечно длящегося ожидания меня охватывала глубокая депрессия. Единственное, что делало мою жизнь сносной, были мысли о Дне святого Валентина с ажурными сердечками.

Следующим поводом для счастья было пасхальное воскресенье. Я помню все шляпы своей матери — тогда они казались мне чем-то из ряда вон выходящим, но теперь я понимаю, что на самом деле они были довольно консервативными. На Пасху двух моих сестер и брата Джека (он у нас был спортсмен) наряжали во все новое. Для меня это был редкий повод помодничать. После службы я не помнил ни слова из того, что говорил священник, зато во всех подробностях мог описать костюм любой из двухсот присутствовавших в церкви дам

и в следующие несколько воскресений вел дотошный учет, подмечая, кто из них дольше всего проносил цветочные бутоньерки (их хранили в холодильнике и доставали только по воскресеньям).

Дальше по календарю следовал день летнего солнцестояния и костюмированное торжество. Наряды для него делали из креповой бумаги. К стыду своих консервативных родителей, за годы пребывания в детском саду я умудрился побывать фиалкой, анютиными глазками и нарциссом. Я всегда обожал переодевания и предпочитал играть с девочками, ведь у них были самые красивые костюмы роз, — и обычно я получал по первое число, если мать заставляла меня за этим процессом. Мальчишек наряжали пчелами и гусеницами, а меня это ни капли не интересовало.

Летом мы жили в нашем маленьком пляжном домике на южном берегу Бостонской бухты и носили только купальники и шорты. Просоленный пляж тянулся на многие мили в обе стороны, и мы ходили жутко обгоревшие. Никто не надевал ничего цветного и веселого. Единственным приключением оставалась воскресная служба: нас с братом и сестрами наряжали в крахмаленную белую одежду и белые как мел туфли. Пока священник читал проповедь, я разглядывал женщин и решал, какая из них самая элегантная. Это была чудесная игра, и к концу лета я составлял рейтинг самых интересных женщин с пляжа.

Возвращение в школу было кошмаром. Я питал полное безразличие к чтению, письму и арифметике, и те отвечали мне взаимностью. Я переходил из класса в класс главным образом

потому, что ни один учитель не хотел снова видеть меня на следующий год. Из школы я помню лишь часовые занятия искусством раз в неделю. У нас была замечательная, немного странноватая учительница. Она читала нам «Винни-Пуха» и рассказывала о венецианском дворце Изабеллы Гарднер в центре Бостона. Целый час я проводил в мечтах и фантазиях. Разумеется, я сразу влюбился в Изабеллу Гарднер и ее позолоченный дворец, и она до сих пор остается моим источником вдохновения.

Можно сказать, что с первым визитом в музей Изабеллы Гарднер началась моя жизнь. Наша чудесная учительница

отвела нас поглазеть на «великолепие Ренессанса». Для меня открылись врата рая, и с тех пор мое желание создать мир, полный экзотической красоты, было уже не унять. Сколько бы раз мать ни ловила меня в нарядном платье из персикового атласа (а я надевал его чаще сестры), сколько бы мне ни доставалось за это, я уже тогда понимал, что моя судьба — делать женщин прекрасными.

Жизнь после школы была веселее: я прятался в комнате и строил модели аэропланов и театральные декорации. Каждый месяц я сооружал новую декоративную композицию согласно времени года, а еще вечно подбивал соседских девчонек участвовать в драматических постановках, для которых сам делал все костюмы из креповой бумаги. Самая высокая корона всегда доставалась мне, как и самый длинный пурпурный шлейф, украшенный горностаевыми хвостами из отцовской бумаги для заметок.

Еще я постоянно тайком доставал и примерял мамино свадебное платье, расшитое жемчугом и крошечными атласными розочками. В нашем доме это была единственная красивая вещь.

Сильное влияние на меня оказало радио: думаю, именно ему я обязан своим развитым воображением. Вместо того чтобы делать домашнюю работу, я слушал «Стеллу Даллас», «Хелен Трент» и мою любимую Хелен Хейс, которая жила в Нью-Йорке и вела там роскошную жизнь. В своем воображении я одевал героинь мыльных опер и придумывал для них великолепные наряды.

В детстве нам разрешали ходить в кино только в субботу днем, когда показывали ковбойские фильмы с погонями

и драками. Мне это было совершенно неинтересно, я мечтал попасть туда в субботу вечером и посмотреть кино с Гретой Гарбо, Кэрл Ломбард и «Унесенных ветром». Увы, мне это ни разу не удалось, и я впервые увидел эти ленты лишь в 1950-х во время повторных показов.

Я рос, и важной частью моего воспитания были подработки в свободное от школы время. Мне очень нравилось работать, ведь за это платили деньги, которые я тут же тратил на что-нибудь яркое и красивое в ближайшем магазине «Все по пять и десять центов». Я очищал от снега длинные дорожки от улицы к дому и на заработанные деньги покупал роскошные подарки матери и сестрам. Я готов был заниматься этим хоть целый день, лишь бы в мои замерзшие руки упала пара долларов, на которые потом можно было купить что-то красивое. Как-то раз я купил все необходимое, чтобы самому сделать шляпку. И у меня получилась самая дурацкая шляпа в мире: над правым глазом нависала огромная роза, похожая на капустный кочан, а сзади шляпа завязывалась на ленточки. Увидев ее, мать чуть не упала в обморок от стыда.

В двенадцать лет я устроился разносчиком газет и каждое утро вставал в полшестого, садился на велосипед и ездил по району. Мне платили пять долларов в неделю. Я откладывал деньги и через месяц поехал в Бостон и купил платье — самое шикарное во всем городе, как мне тогда казалось. Из черного крепа, косого кроя, с тремя красными сердечками на правом плече — и с мамой, как обычно, чуть не случился припадок. Теперь я еще и одежду покупать ей вздумал! «Что скажут соседи?» — причитала она. Это была любимая фраза моих родителей.

Они все не теряли надежды, что я стану священником. Как-никак, любая уважающая себя семья ирландских католиков мечтает, что их старший сын примет сан. А моя тяга к женской моде никак не вязалась с их планами. Я же всегда знал, что священник из меня не выйдет, и к шитью меня подталкивает дьявольское пламя, горящее где-то в потайных уголках моей души.

Работа почтальона подарила моей жизни смысл, ведь теперь у меня были деньги, чтобы предаваться модным фантазиям. Но все мои стильные покупки мама тут же возвращала в магазин. Я не останавливался: покупал еще одно платье или браслет с искусственными бриллиантами. Потом я устроился курьером к местному портному мистеру Каплану — доставлял по адресам заказы. Именно у Каплана я начал понимать, как шьется красивая одежда. Я научился кроить пальто и костюмы, освоил тонкое мастерство отутюживания и придания формы. Я также стал больше зарабатывать, и вскоре мои две сестры пали жертвой моей страсти к покупке женских платьев. Я тайком ездил в город и наведывался в модные магазины. Моим любимым был Jay's на Темпл-плейс. Терракотовый фасад здания украшали силуэты женщин, одетых по моде 1910-х годов и сидящих на французских стульях. Внутри витали ароматы духов и шампанского, а пол был устлан ковром от стены до стены. В этом магазине мне хотелось купить все. Тут были самые красивые фирменные пакеты в Бостоне: с женским силуэтом и надписью Jay's. Его обладатель сразу приобретал особый статус, и я вышагивал с этим пакетом по своему району, гордый, как павлин. Хуже меня во всем городе сноба не было.

К моменту, как мне исполнилось двенадцать, мои родные дошли до крайней степени отчаяния, пытаясь выбить из меня артистическую дурь. Наконец, они решили, что единственным моим спасением может стать техникум, где меня научат ручному труду. Я поступил в Высшую школу прикладных искусств и стал учиться на столяра. Мои столы с фигурными ножками производили фурор, но вызывали массу недовольства у людей, которым нужны были обычные столы с прямыми ножками. Но положив деревяшку на токарный станок, я уже не мог удержаться и вырезал самую причудливую форму, на которую только был способен мой инструмент. Занятия в техникуме были далеки от мира моды. Мы работали с листовым металлом, а самое веселье творилось в кузнице. Видели бы вы, что я творил с паяльником и наковальней! За что бы я ни брался, все выходило с изгибами и завитушками, — я изобрел стиль «ирландское барокко». Помимо занятий в мастерской, у нас была алгебра, в которой я не смыслил ни шиша, и история — вот тут я преуспел, но только в том, что касалось костюмов. Я не знал наизусть ни строчки из Шекспира, зато мог нарисовать костюм любого героя любой его пьесы.

Выжить в эти годы мне помогала работа в Jordan Marsh — крупнейшем городском универмаге. В два тридцать я выходил за ворота своей тюрьмы (читай — школы) и шел по модной Бойлстон-стрит, впервые за весь день ощущая легкость в сердце. Я разглядывал витрины всех самых модных магазинов Бостона. Особый восторг у меня вызывали разодетые в пух и прах вдовушки из Бикон-Хилл, направляющиеся на чаепитие в Ritz. Я часто ошивался у дверей отеля с одной

лишь целью — поглазеть на шикарно разодетых дам. Здание Jordan Marsh располагалось напротив Бостон-Коммон, делового района Бостона, в окружении Filene's и других крупных универмагов, где я мог пропадать часами. В Jordan Marsh я служил кладовщиком и днями напролет возил по универмагу тележки с товаром. У меня были любимые отделы: вечерние платья, меха, сумки. В начале 1940-х годов, когда я там работал, это был очень элегантный универмаг, но вскоре от той атмосферы не осталось и следа. Гигантская лестница поднималась к потолку центральной ротонды, а по обе стороны высокого первого этажа тянулись витрины, отделанные красным деревом. Это был истинный бостонский шик.

Уже через пару недель я мог отличить лучший товар от посредственного, на каждый день. Я уговаривал других кладовщиков меняться со мной отделами и наконец выбил себе место в отделе вечерних платьев. Я отвозил туда вешалки с нарядами и дотошно разглядывал все платья, прежде чем повесить их на место.

В отделе сумок я разгружал товар так, будто то были императорские драгоценности. Я ставил сумки на прилавки с такой торжественностью, что у покупателей не оставалось сомнений: они видят перед собой нечто уникальное. Если продавщицам не удалось продать товар во время моего представления, я жутко расстраивался. Отдел перчаток меня не интересовал, но байер этого отдела носила самые невероятные шляпки. Она ходила в высоченных тюрбанах — таких я не видел ни на одной жительнице Бостона. Эти тюрбаны словно сошли с театральных подмостков. А еще она была первой, кто

стал носить воротники из чернобурки без голов, лап и хвостов. Это был шок — ведь повсюду в Бостоне женщины никак не могли с ними расстаться. Их носили еще много лет и не думали обрезать! На зарплату за первые полгода я купил пару таких воротников для матери. Но та почти ни разу их недела: ей казалось, что это слишком откровенно и вызывающе.

Примерно в то же время я стал носить рубашки и галстуки неприлично ярких цветов. Тогда же я купил свое первое пальто с подкладкой из искусственного меха и огромным меховым воротником (самым большим, который смог найти) и чуть не свел с ума свое семейство, надев его в первый же прохладный день в сентябре. Мне не терпелось показаться в этом пальто в школе, хотя я чуть не умер от жары в трамвае в час пик. Одежда была для меня всем, и каждый день я только и думал о том, что надену на следующей неделе.

Работа в универмаге была раем, и если бы за нее выдавали дипломы, мне бы полагался диплом с отличием. Хотя однажды меня чуть не уволили. Дело было во время парада в честь окончания Второй мировой войны. Мне казалось, что в такой день нужно украсить универмаг по-особенному. Вообщем-то на фасаде, выходящем на Вашингтон-стрит, уже вывели громадный американский флаг — самый большой в мире, по сравнению с ним флаг на Filene's казался почтовой маркой. Но я решил, что этого недостаточно, обошел все мужские туалеты в универмаге, собрал рулоны туалетной бумаги и отнес их на крышу на угол Вашингтон-стрит и Саммер-стрит, на самый оживленный перекресток в Бостоне, где собралось больше всего людей. Насобирав несколько десятков рулонов,

я стал раскручивать их над головами марширующих внизу солдат. Это был несомненный успех: бумага широкими белыми лентами вилась по ветру! Толпа обезумела от восторга, а картонки с остатками неразмотавшейся бумаги падали на головы полицейским. Через пятнадцать минут перекресток был запорошен туалетной бумагой, как снегом; некоторые ленты запутались в флагштоках соседнего Filene's, и у них ушло несколько месяцев, чтобы их размотать. В своем восторженном порыве я ненароком занавесил бумагой окно президента универмага мистера Миттона, находившееся как раз под тем местом, где я стоял. Не успел я размотать последний рулон, как меня схватили охранники универмага, администрация и бостонские полицейские, и я предстал перед весьма раздосадованным мистером Миттоном.

Так спустя три года в отделе женской модной одежды за проступок с бумагой меня приговорили к заключению в отделе «Все для дома». Единственной отрадой там были ткани и цвета, особенно в отделе полотенец и домашнего текстиля. Торговля шла полным ходом: в годы войны постельное белье бостонцев значительно поистрепалось, и все пополняли запасы. В моей тележке теперь высились двухметровые горы полотенец роскошных цветов: фламинго, голубые, зеленые, розовые. До сих пор в моей жизни встречались только белые полотенца, и какой же восторг я испытывал, раскладывая все эти краски на прилавке, — я чувствовал себя почти художником. Эта работа дала мне ценные знания о редких кружевах и тканях, из которых шили скатерти, и я много узнал о структуре материалов. Ассистенткой байера у нас была

замечательная девушка, Нэнси Пекхэм, которая носила самые красивые шляпки. Именно Нэнси впервые показала мне журнал *New Yorker*: мы прятали его в кладовой и читали, как Библию, в пятницу после обеда. Сам байер был очень молчаливым человеком, а его взгляд замораживал почище снежной бури. Но ко мне он был добр и подарил мне мой первый фрак, который я носил на многочисленные школьные балы и танцы, которые в то время случались чуть ли не каждый день.

Эти танцы были для меня настоящим событием, и я никогда не отказывался, если меня приглашали. Я одаривал свежими цветами своих любимых (на тот момент) девушек, а девушек я, естественно, выбирал по одежке. Стоило моей пассии надеть недостаточно модное, на мой взгляд, платье — и все, прошла любовь. В первый год обучения в старших классах у меня было две фаворитки: Барбара с внешностью классической красавицы-дебютантки, она одевалась респектабельно и со вкусом; и Глория — моя Бренда Старр. Мы с Глорией сошлись на почве любви к голливудской роскоши. Она мечтала о норковой шубе, а наше совместное появление на местных балах неизменно становилось сенсацией. Соседям было о чем поговорить еще пару недель. Нас считали юными наглецами. Глория вдобавок водила автомобиль с откидным верхом и красила волосы под цвет машины. Она была прекрасна, и все мальчишки мечтали с ней встречаться, но после первого же свидания пугались до смерти. А все потому, что Глория только и делала, что мечтала вслух: о норковых шубах, каникулах во Флориде, новых машинах и особняках с двадцатью комнатами и пятью служанками. В нашем мире среднего

класса такие мечты не приветствовались. Поэтому мы с Глорией нашли друг друга. Я помню танцы в крайне консервативном отеле Vendome, где шестнадцатилетняя Глория произвела фурор. Все девчонки пришли в нарядных платьях пастельных цветов, но Глория — Глория сшила свое платье сама, пустив на него тридцать метров темно-синей сетчатой ткани. Топ без бретелек и переднюю часть юбки украшали вышитые стразами звезды. Это было ошеломляющее платье, и мы бы с ней стали королем и королевой бала, если бы не сестра Глории, которая была, пожалуй, самой красивой девушкой в Бостоне в то время. Она пришла в обтягивающем платье из крепа, собранном складками с одного бока, как у кинозвезд, и за это платье нас троих чуть не исключили из школы. Наверное, это и был стиль вамп в своем раннем виде.

В последний год моего обучения в техникуме роскошный нью-йоркский универмаг с Пятой авеню купил и начал ремонтировать здание старого Музея естественной истории. Здесь должен был открыться новый универмаг — первый филиал сети Bonwit Teller в Бостоне. Я проходил мимо этого здания каждый день по пути на работу. Новый магазин был отменно расположен: чудесное старинное здание из красного кирпича стояло посреди парка, занимавшего целый квартал, в самом центре элитного торгового района. Восторг по поводу открытия бостонского филиала был неопишем. Весь год ни одно чаепитие в городе не обходилось без обсуждения тщательства нью-йоркской сети, потратившей миллион долларов на ремонт и отделку старого здания музея. Окна занавесили белой тканью, а работами управляли из Нью-Йорка

в атмосфере строжайшей секретности. Близился сентябрь и открытие, и все гадали, что же это будет за магазин. Новые витрины в здании музея устанавливать не стали. Ходили слухи, что оно так и останется похожим на частный дом. Внутренний декор поручили Уильяму Палманну: для Бостона он был как для Нью-Йорка Элси де Вульф. Ежедневно из антикварных магазинов Европы и с Третьей авеню привозили громадные ящики. Напряжение убивало, а ведь я каждый день проходил мимо по пути из техникума в Jordan Marsh. За месяц до открытия появился первый анонс в газете, повергший весь Бостон в шок: расточительные ньюйоркцы купили целую полосу и поместили на ней крошечную карикатуру Сола Стейнберга: пять разодетых вдовушек с Бикон-Хилл стоят на платформе в верхнем углу, обвешанные мехами, и лихорадочно машут лорнетами в сторону пустой страницы. Газеты печатали эту рекламу в течение месяца — и ни разу на странице не появилось название Bonwit Teller. Платформу, на которой стояли вдовушки, поддерживал длинный столб, тянувшийся из верхнего угла к нижнему и завершающийся скоплением колесиков и шестеренок. Каждый день дамы на платформе опускались чуть ниже. В день открытия все бостонские газеты украсили две совершенно пустые полосы: платформа наконец опустилась, и пять вдовушек сломя голову неслись по развороту к крошечному — всего пять сантиметров — рисунку нового универмага Bonwit Teller, своим великолепием напоминающего дворец. Эта рекламная кампания захватила воображение всех и каждого и действительно заставила бостонцев наострить лорнеты. Я же проходил мимо здания Bonwit

Teller каждый день и больше не мог выдерживать напряжения. Мне хотелось быть в самой гуще событий. За два дня до открытия я уволился из Jordan Marsh вопреки предостережениям вице-президента Камерона Томпсона, твердившего, что Bonwit Teller долго не протянет и к концу года все его сотрудники останутся без работы. Но меня было не удержать. Вся эта роскошь ослепила меня. Мое место было там и только там.

Меня приняли на работу в Bonwit Teller в тот же день, как я уволился из Jordan Marsh, — кладовщиком в отдел дизайнерской одежды. Теперь я заведовал творениями Диора и Эдриана. Пробираясь между вешалками с великолепными нарядами, я чуть в обморок не падал от восторга. Когда очередь дошла до романтических бальных платьев, я решил, что от счастья умру. Универмаг открылся ясным солнечным днем в разгар бабьего лета. Вокруг здания разбили красочные клумбы с цветущими хризантемами и кустарниками; идеально подстриженные газоны были гладкими, как бархатное платье. Гигантскую лестницу устлали красной ковровой дорожкой, которая тянулась до самой улицы. По обе стороны от лестницы на мраморных колоннах высились два застекленных металлических каркаса — это были витрины, единственное свидетельство того, что вы находитесь в магазине. Белые полотнища убрали, и в каждом окне засияли ослепительно прекрасные хрустальные люстры. На первом этаже гостей встречала роскошная французская мебель, казавшаяся еще более шикарной на фоне бледных пастельных стен, ковров и обивки с узором «дамаск». (В то время пастельные цвета в интерьере было использовать не принято, преобладали темно-зеленые и серые

оттенки.) Единственная витрина во всем четырехэтажном универмаге стояла в главном лобби, в ней были выставлены редчайшие французские духи. По обе стороны от просторного входного зала располагались четыре салона, каждый отделанный в стиле определенного периода французской истории. Нигде не было даже намека на то, что это магазин, пока продавщица, одетая в вызывающий (для Бостона того времени) костюм от Dior в стиле ню лук — узкий лиф, широкая юбка до середины икры, — не продемонстрировала всем сумочки, туфли, белье и перчатки, размещившиеся в четырех комнатах. Большинство посетительниц, пришедших на открытие, все еще носили юбки до колена по моде военного времени. Попад в Bonwit Teller, они словно очутились в Париже, или, наоборот, Париж каким-то чудом перенесся в Бостон. Исчезли чучела птиц и змей, засушенные пчелы и бабочки, что когда-то заполняли эти залы, но остались перья, кожа и хрупкие крылышки, превратившиеся в роскошные сумочки из аллигатора, боа из страусиных перьев, туфли из кожи змеи и шелковые чулки, нежные, как крылья бабочек. А мрачное гнездо шелковичных червей стало сияющим салоном с коллекцией самого соблазнительного в мире шелкового белья.

Но главным объектом восхищения был потолок большого салона на втором этаже. Здесь, на тринадцатиметровой высоте, когда-то висел гигантский кит, приводя в восторг миллионы бостонских детишек. Это был мой любимый зал во всем музее, и теперь, стоя в центре громадного салона, я вытаращил глаза так, что те чуть не выскочили из орбит. Словно волшебная палочка превратила эту комнату в самый роскошный

бальный зал, который только можно представить, это был зал, достойный императриц. Три гигантские хрустальные люстры поблескивали и переливались под золоченым потолком на месте, где когда-то спал гигантский черный кит. Вместо витрин с чучелами акул, летучих рыб и прочих морских красавиц зал был уставлен редчайшими французскими антикварными креслами, столиками и диванами, обитыми атласом и бархатом. Темные мрачные дубовые панели заменили на зеркала и позолоту, отчего создавалось впечатление, будто ты находишься в подводном гроте. На девятиметровых окнах, выходивших на королевский балкон, появились рубиново-красные шторы с золотой бахромой.

В четырех залах, отходящих от большого салона, раньше размещались львы, тигры, леопарды и десятки других ценных чучел диких животных. Теперь там были примерочные и складские помещения, где хранилась одежда от лучших в мире дизайнеров. Костюмы нью лук от Dior висели бок о бок с русскими соболями за тридцать тысяч долларов. По залам расхаживали три девушки и обрызгивали посетителей редчайшими духами из флаконов каменного хрусталя, стоявших на серебряных подносах с подушечками из жемчужного атласа. Мне часто казалось, что дикие звери, так долго спавшие в этих залах, все еще притаились где-то в углах. Иногда эти стены оглашали пугающие вопли истеричек, примерявших дорогие платья, и я понимал, что дикие звери из джунглей и мы, цивилизованные люди, не так уж сильно отличаемся.

Над вторым этажом находился полуэтаж, где когда-то бостонские ребятишки, покрепче схватив родителей за руки,

восторженно разглядывали грозных горилл и около сотни разных обезьян, резвящихся в стеклянных витринах: теперь здесь разместился великолепный шляпный салон, оформленный в стиле Наполеона III. Здесь были самые фривольные шляпки в мире, и обезьянки зашлись бы визгом, увидев, как почтенные жительницы Бостона водружают на свои головки эти причудливые порождения парижской моды.

Третий этаж, некогда вмещавший коллекцию раковин и прочих природных материалов, теперь был отделан в стиле загородного дома, здесь разместилась одежда в спортивном стиле, привлекавшая юных студентов.

Церемония открытия была роскошной: знаменитые нью-йоркские дизайнеры бок о бок с четырьмястами богатыми жителями Бостона попивали бесплатное шампанское. Здесь собралась вся местная аристократия, все сливки Бикон-Хилл и Коммонуэлс-авеню. Администрация Bonwit Teller наняла продавцов из «Аристократического реестра», и все было бы прекрасно, если бы не одно «но»: очень скоро нью-йоркцы выяснили, что бостонцы не привыкли тратить много денег на одежду. По правде говоря, бостонцы покупали новую одежду крайне редко. Я хорошо помню первую неделю работы универмага. На открытии царила атмосфера такой невиданной роскоши, такого снобизма, что после женщины боялись заходить внутрь. Однажды зашла вдовушка-аристократка с Луисбург-сквер и принесла платье двадцатилетней давности — хотела перешить. Я чуть не умер со смеху. Склады ломились от новой одежды, а наши лучшие клиенты голубых кровей приносили старье, чтобы его перешить! Тогда-то

ню-йоркские шишки прозрели и всерьез задумались о перспективах своего бизнеса. Они хотели, чтобы их универмаг был совершенно эксклюзивным, и не отправили приглашения богатым еврейкам. Как вы, наверное, можете себе представить, это их прегрешение в Бостоне обсуждали десятилетиями, и еврейское сообщество объявило новому Bonwit Teller полный бойкот. С момента открытия владельцам универмага пришлось немало постараться, чтобы хотя бы выйти в ноль, и в итоге магазин перешел к совершенно другим хозяевам, лишенным столь глупого снобизма и не догадавшимся оскорбить целую прослойку бостонского сообщества. После войны это была большая тема: человечество едва успело положить конец зверствам Гитлера, как группа снобов-ретроградов решилась на столь вопиющий акт сегрегации в универмаге, якобы открывшем свои двери для широкой публики!

Но самым убийственным в этом скандале был вопрос: какой коммерсант в своем уме станет игнорировать еврейское сообщество? История закончилась тем, что в течение года бостонских аристократок, нанятых на руководящие посты в универмаге, вышвырнули под зад и на место управляющей наняли миссис Розалинд Дехарт из Техаса. Ей предстояла долгая и трудная задача по восстановлению репутации магазина.

*

Со сменой владельцев от оригинального роскошного декора не осталось почти ничего. Через год в универмаге пола не было видно от нагромождения прилавков и вешалок с товаром. Элегантную французскую мебель заменили встроенными шкафами для белья и платьев — для бизнеса, пожалуй, так было лучше.

Но несмотря на все перипетии, для меня этот первый год прошел чудесно. Каждое утро я приходил на работу ни свет ни заря и помогал разгружать грузовики, прибывшие из Нью-Йорка. Все до единого товары проходили через мои руки, я узнавал все больше о дизайне и материалах и мог точно сказать, где в каком отделе висит какая вещь. Мне предоставили полную свободу, и это было чудесно, я мог заходить во все кладовые и ателье. Сотрудники универмага были одной счастливой семьей, здесь работали очень приятные люди, все ладили, и девушки-продавщицы часто разрешали мне помогать им обслуживать покупателей. Мне тогда было всего восемнадцать лет. У одной продавщицы, Долли, была фантастическая клиентка, каждый раз она покупала несколько десятков вещей. У нее были две красивые дочки, и Долли разрешала мне демонстрировать им одежду, пока сама занималась матерью. Однажды я продал восемнадцатилетней дочери этой леди свое любимое пальто. Оно было из коллекции Бена Рейга, из мягкого коричневого меха под шиншиллу, с узким лифом, пышной юбкой и глубоким разрезом сзади до самой талии, застегивающимся на двенадцать черных пуговиц размером с монету в пятьдесят центов. Пальто стоило 395 долларов. Я чуть не продал второй сестре бальное платье Dior за 1800, но мать девочек пресекла мои попытки. Это такое прекрасное чувство: продать кому-то вещь, которую ты любишь, которая точно доставит удовольствие. Продажа одежды haute couture — такое же искусство, как ее создание. Увы, в наше время это искусство недооценивают. Нынешнее поколение считает продажи низким занятием. Какое заблуждение! Вспомните великих

арт-дилеров, продававших картины знаменитых художников. Искусство продажи красивого платья утеряно с приходом огромных гипермаркетов с толпами людей, где личный, интимный интерес уже не важен. Вот почему в Америке одежда haute couture от знаковых дизайнеров теперь продается в маленьких частных бутиках. Ни одна элегантная дама, готовая потратить на платье несколько сотен долларов, не будет толкаться в универмаге.

В Bonwit Teller все работали вместе. Когда на город обрушились снежные бураны, все мужчины от управляющих до грузчиков взялись за лопаты и помогали чистить тротуары длиной в квартал. Тогда электрических лопат еще не было, и уборка снега представляла собой изнурительный ручной труд. Раз в сезон в универмаге устраивали большой вечерний показ новых коллекций и коктейль для сотрудников. Ах, с каким удовольствием я помогал наряжать продавщиц (они были вместо манекенщиц) и подбирать аксессуары для них! А во время показа бегал по залу с пятидолларовой камерой и фотографировал все новейшие модели. Миссис Розалинд Харт, вторая по счету управляющая магазином, преподавала мне один из важнейших уроков в моей жизни. Она научила меня наблюдать за женщинами, подмечать, как те одеты, какие аксессуары используют, — а потом мысленно разбирать этот образ на составляющие и заменять элементы более подходящими, создавая идеальный костюм. С тех пор, шагая по улице или входя в комнату, я автоматически подбирал костюмы для всех присутствующих там женщин. Наверное, именно так я развил в себе модное чутье.

Летом первого года работы президент нью-йоркского магазина оплатил мне двухнедельную поездку в Нью-Йорк со всеми расходами, чтобы я увидел, как работает универмаг на Пятой авеню. Восторгу моему не было предела. Наконец-то я побываю в самом роскошном городе мира! Поездку запланировали на первые недели августа. Я не спал ночами, и мое воображение рисовало картины фантастического города. Настал день отъезда. Стояло жаркое воскресенье. Я должен был ехать на поезде «Мерчантс Лимитед», отходившем в семнадцать часов со станции Бостонс-Бэк-Бэй. Стоит ли говорить, что уже в семь утра я собрался и оделся, готовый к путешествию в неизвестность! Мать чуть не запретила мне ехать, ведь, по ее мнению, Нью-Йорк был самой безбожной в мире дырой и там жили одни иностранцы. Но потом отец напомнил, что ее брат, вполне респектабельный человек, живет в Нью-Йорке, а мне как раз предстояло остановиться у него. Мой дядя мистер Харрингтон возглавлял крупную рекламную фирму, и компании мне должны были составить кузены. А моя тетя была маминной подругой детства. На этом все успокоились и решили, что в городе небоскребов мне все же ничего не грозит. Отец повез нас и мой единственный чемодан на вокзал. Мы ехали из пляжного домика, а в воскресенье дорога с пляжа была так забита машинами, что двигатель то и дело закипал. Нам приходилось останавливаться и ждать, пока он охладится, и я думал, с ума сойду от страха опоздать на поезд. Но, к счастью, у папы была привычка всегда приезжать на час раньше.

Когда я сел на поезд, ни мама, ни папа не проронили ни слезинки. Я же так волновался перед первым долгим

путешествием на поезде, что почти ничего не помню. Помню лишь, что пытался казаться очень искушенным. Я сел на свое место и тут же стал есть приготовленные мамой бутерброды, а потом достал журнал *Women's Wear Daily*, решив, что так буду выглядеть настоящим профессионалом, — ведь именно на этом поезде в город ездили все байеры.

Поезд ехал долго, несколько часов, а я так нервничал, что раз десять сходил в туалет. Когда мы наконец прибыли на Центральный вокзал, я уже совсем не боялся. Я чувствовал себя очень важной персоной! Дядя с тетей не пришли меня встречать: они до понедельника отдыхали в летнем домике. Универмаг оплатил мне одну ночь проживания в отеле *Fourteen* на Восточной шестидесятой улице. Такси проносилось мимо высоток на Мэдисон-авеню, и улицы казались пустынными. Я раньше никогда не жил в отеле, был очень впечатлен и не сомневался, что этот отель — шикарный, так как мебель в нем выглядела французской.

Первым местом, где мне очень хотелось побывать в Нью-Йорке, был отель *Waldorf Astoria*. Хелен Хейс в своей радиопередаче вечно рассказывала о том, как она входит в *Waldorf* или выходит из него в своем шикарном вечернем платье. Кое-как разобрав чемодан, я вышел из отеля в десять вечера и своим самым утонченным высоким голосом велел таксисту отвезти меня в *Waldorf* на Парк-авеню. Когда мы приехали, я не хотел выходить, так как решил, что таксист привез меня не туда. Здание, у которого мы остановились, напоминало уродливый офис страховой компании. Я не мог поверить, что это тот самый великолепный *Waldorf*, из дверей которого

выходили кинозвезды! Я вошел, и в лобби меня ждало второе разочарование: я не увидел здесь ни капли старинного шика. Огромный зал был каким-то облезлым, обставленным в вальгарном стиле 1930-х. Все мои мечты разбились. Здесь не было великолепных хрустальных люстр, а те немногие люди, что проходили мимо, ничуть не напоминали Хелен Хейс. Мое сердце было разбито, и я пошел пешком обратно в свой отель с французской мебелью. Я брел по Пятой авеню, и яркие огни и стильно оформленные витрины внушили мне надежду, что не все еще потеряно. Нью-Йорк снова взбудоражил меня. Я проходил мимо Saks, Bonwit Teller, Bergdorf's и других магазинов, и во всех витринах юбки были выше пола на двадцать сантиметров. Это был тот самый нью лук, о котором в Бостоне все читали, но никто не осмеливался такое носить. Проходя мимо универмага Bergdorf's, я вспомнил, как одна дама из Нью-Йорка, жившая в Бостоне, рассказывала про невообразимо роскошных женщин, которые выходили из этого супермаркета, разодетые в пух и прах. Платья в витринах были совсем не похожи на то, что носили в Бостоне, — никаких пастельных оттенков. Летние платья были черными, коричневыми и других темных цветов. Я понял, что попал в то место, где одеваются стильные люди.

Вернувшись в отель, я заметил, что на первом этаже того же здания находится ночной клуб Sorcerer. Я заглянул туда, но метрдотель в смокинге заморозил меня взглядом. В лобби отеля я купил открытку с изображением скандально известного ночного клуба. Ее я и отправил в Бостон, сообщив родителям, что прибыл в целости и сохранности. Позднее мне

рассказывали, что мама чуть не упала в обморок, получив открытку с почти голыми танцовщицами, дефилирующими по сцене клуба, — решила, что ее милого сыночка развратили в первый же вечер в большом городе. Родители подумали, что в дирекции Bonwit Teller сидят какие-то темные личности, раз они устроили меня ночевать в отеле, где творятся такие непристойности. А на самом деле отель был очень респектабельный и к тому же находился всего в трех кварталах от универмага.

Наутро я пришел в Bonwit Teller за несколько часов до открытия. Президент сети универмагов мистер Рудольф принял меня в своем кабинете, походившем на картинку из голливудского фильма. Меня представили всем байерам, и я с удовольствием приступил к двухнедельной программе обучения. Мне показали и объяснили всю подноготную работы универмага. Все были очень добры ко мне, и многие, с кем я познакомился тогда, до сих пор остаются моими друзьями. К удивлению своему, я обнаружил, что ньюйоркцы ничем не отличаются от бостонцев, и я ни разу не увидел ни одного «подозрительного иностранца», которых так опасалась моя мать. Я заметил лишь одно различие: люди в Нью-Йорке модно одевались. Поездка прошла чудесно. Каждая минута моего пребывания в этом городе была связана с модой. Байер костюмов впервые отвел меня на Седьмую авеню, в шоурум Давидова, где шили костюмы, пользовавшиеся огромной популярностью в Бостоне, — с тонкими лацканами, из мягчайшего твида. Мистер Давидов и его брат оказались добродушными и абсолютно нормальными людьми, ни капли не похожими на напыщенных дизайнеров из голливудских фильмов. Шоурум у них была

очень скромная, модели ничуть не напоминали экзотических роковых красоток с киноэкрана (я черпал из кино все свои познания о том, как должен выглядеть мир гламура, и это не подготавливало меня к реальности).

Универмаг Bonwit Teller в Нью-Йорке оказался двенадцатиэтажной громадиной, начисто лишенной камерного очарования своего бостонского филиала. В здании шел ремонт, и большинство торговых этажей (всего их насчитывалось девять) пока еще были оформлены в старомодном стиле 1930-х годов. Хотя интерьеры первого этажа и шестого, где находился магазин вечерних платьев, чем-то напоминали обстановку бостонского универмага, там не было той дружелюбной атмосферы. Больше всего мне нравился отдел пошива шляп на заказ и частный салон Chez Ninon. Владелицы Chez Ninon миссис Парк и миссис Шоннард были близкими подругами Ховингов, которым тогда принадлежала сеть Bonwit Teller. Мистер Ховинг хотел, чтобы в его универмаге располагался престижный бутик, и сдал девятый этаж эксклюзивному Chez Ninon. Я сразу же безумно влюбился в этот салон, ведь там придумывали и шили самую потрясающую одежду, которую я только видел в жизни. Меня посадили в отдельную комнату, выдали мне огромную стопку белой бумаги и несколько карандашей и дали шанс показать, на что я способен: я должен был придумать свой дизайн. Дверь закрыли, и я остался наедине со своим большим шансом. Я чуть не умер от страха, в голову ничего не шло, поэтому я сделал несколько ужасно смешных набросков всех платьев, которые помнил по кладовым в Бостоне. После дня, посвященного

рисованию, меня отвели в святилище верховных жриц — кабинет миссис Парк и миссис Шоннард с плюшевыми диванами. Там они восседали как дрезденские герцогини. Бело-снежные волосы миссис Парк были выкрашены в голубой и кучерявились вокруг головы пушистым нимбом. На ней было простое черное платье, а шею и запястье опоясывали жемчужные нити, которые она то снимала, то надевала; образ дополняли броши и кольца с сияющими голубыми сапфирами под цвет ее прозрачно-голубых глаз. Она сидела на краешке низкого дивана, обитого бежевым атласом с узором «дамаск», на ногах были очень удобные туфли, что-то вроде домашних мюлей. Миссис Шоннард сидела за столом. Она дружелюбно улыбалась, в то время как миссис Парк держалась бодро и очень деловито. Миссис Парк происходила из семьи филаделфийских аристократов: ее отец, Уильям Гиббс Макаду, служил министром финансов при президенте Уилсоне. Рядом с миссис Шоннард, настоящей красавицей с вкрадчивым голосом, полным южного гостеприимства, я чувствовал себя более раскованно. Ее золотистые волосы мягко обрамляли лицо, на плечи она накинула большую шаль из белого органди, застегнув ее спереди брошью в виде золотой ракушки. Две дамы, у которых, по мнению многих, был лучший вкус в Нью-Йорке, просмотрели мои наброски. Из всей кучи они выбрали одно платье — единственное, которое я придумал сам. Восхищению моему не было предела: они сумели разглядеть творческую мысль. Хотя миссис Парк постановила, что я безнадежен и дизайнера одежды из меня не выйдет, миссис Шоннард решила дать мне шанс.

Ворота в рай

Две недели пронеслись как два дня. Вторую неделю я прожил в пятнадцатикомнатных апартаментах своих кузенов на Парк-авеню, хотя их самих не видел, так как они уехали на лето. Там было шикарно, а когда мимо, как раз под сияющей роскошью Парк-авеню, проходили поезда нью-хейвенской железной дороги, стены в квартире дребезжали. Помню, как в первую ночь в этой квартире, расположенной на десятом этаже, я обошел все комнаты и закрыл все окна, по-прежнему немного опасаясь большого города.

Я СТАНОВЛЮСЬ WILLIAM J.

Я вернулся в Бостон, но после ослепительной роскоши Нью-Йорка все было не то. Bonwit Teller оплатил мне учебу в Гарварде, куда я пошел в сентябре 1948 года. Но после нью-йоркского блеска скучная жизнь в Кембридже едва ли могла мне понравиться. Я понял, что меня ничто не остановит: я хотел жить и работать в Нью-Йорке. Гарвард казался тюрьмой, я чуть не свел с ума родителей своими мольбами и уговорами отпустить меня на свободу.

В результате пространной переписки я убедил администрацию Bonwit Teller предоставить мне место в стажерской программе нью-йоркского универмага, а тетя и дядя готовы были принять меня у себя. Месяц я донимал родителей, и наконец те согласились разрешить мне попробовать. Всю неделю до отъезда я расписывал, как здорово будет в Нью-Йорке,

и обещал писать каждый день. Мама с папой пришли к выводу, что жить со мной в таком состоянии, в каком я пребывал на тот момент, все равно невозможно, и лучше уж я поеду, а там, глядишь, и избавлюсь от своей навязчивой идеи. Кроме того, они не сомневались, что мне станет одиноко, я соскучусь по друзьям и вернусь в Бостон еще до истечения месяца. А я никогда в жизни не был одинок — мне даже немного стыдно в этом признаваться. Так что я умчался в Нью-Йорк со скоростью кометы. А родители потом всю жизнь жалели, что отпустили меня. Ну не верили они, что можно так влюбиться в город. Когда я приехал в Нью-Йорк, моя семья установила одно правило: по вечерам я должен был продолжать образование и ходить в Нью-Йоркский университет каждый день после работы. Но уже через несколько дней я начал прогуливать, так как по понедельникам мне нравилось ходить в оперу и наблюдать за богемными старушками. В другие дни я ходил на модные приемы и балы, где подмечал все стили, старые и новые, и смотрел, как платья ведут себя в движении, как выглядят драгоценности, как уложены волосы у гостей. Это и стало моим образованием. Я прогуливал все занятия, которые оплачивали родители, — хотя они так никогда об этом и не узнали. До сих пор мое любимое времяпровождение — наблюдать за людьми. Это лучшее в мире образование.

Это преступление, что родители не обращают внимания на естественные склонности своих детей и не подталкивают их к тому, что получается у них легко. Мои безумные идеи, видимо, напугали моих родителей до смерти, поэтому они противились моему выбору всеми силами. Тяга к творчеству

у ребенка в американском обществе воспринимается как что-то дурное. Родители не должны стыдиться этого, не должны думать, что мужчина, интересующийся балетом, оперой, различными сферами дизайна, — «не мужик». Сколько семейных драм вызвал этот стереотип! В нашей стране было бы гораздо меньше психических заболеваний, если бы родители принимали своих детей такими, какими их создал Бог, не пытаясь навязать им более «приемлемую» судьбу.

Я поселился в Нью-Йорке в ноябре 1948 года, в понедельник — день открытия оперы. Тем самым вечером в антракте богатая матрона миссис Флоренс Хендерсон положила ноги на стол в ресторане Louis Sherry's. Наутро газеты всего мира пестрели ее фотографиями, и я понял, что мое восхождение на модный олимп началось. Этот акт публичного неповиновения старому порядку могла бы совершить Изабелла Гарднер лет пятьдесят назад и потрясти закоренелый Бостон — но со времен Изабеллы Гарднер в Бостоне таких смельчаков не нашлось. А теперь я оказался в самой гуще событий: день открытия оперы и ноги миссис Хендерсон вызвали настоящий переполох.

Но блеск Нью-Йорка омрачало для меня проживание с Харрингтонами, очень богатой и очень консервативной семьей. Мой дядя и кузены — Дик и Дональд — стыдились рассказывать своим друзьям, что я хотел стать дизайнером модной одежды и шить женские платья. Тетя, не желая ввязываться в семейную ссору, сохраняла нейтралитет, заявляя, что у каждого есть право заниматься выбранным делом, коль скоро это угодно Господу Всемогущему.

Харрингтоны жили в роскоши: каждый вечер мы ужинали при свечах, а еду готовила и подавала горничная. Выходные проводили в прекрасном загородном доме в Коннектикуте. Все это резко отличалось от нашей очень скромной и тихой жизни в Бостоне, где мы ели фасоль из банки и гамбургеры по субботам. Иногда богатые друзья моих кузенов заезжали за нами на лимузинах с шоферами, и мы ехали по Парк-авеню на вечеринку в чью-нибудь потрясающую квартиру. Помню одну, где все краны в ванной были из чистого золота.

*

В Bonwit Teller я месяц обучался работе каждого отдела — потрясающая практика, за которую я буду благодарен всю жизнь. Заведующая складом мисс Росс и байер мисс Доусон рассказывали мне о фирменном стиле знаменитых дизайнеров и объясняли, почему дизайнерская одежда стоит так дорого. Меня совершенно завораживал отдел шляп, и если выдавалась свободная суббота, я проводил ее в ателье — учился шить шляпы. Молодые шляпники объяснили мне азы этого дела. Почти каждый день я видел дам из бутика Chez Ninon — они стали моими ангелами-хранителями. Первое Рождество я отработал в «Клубе 721» — салоне на втором этаже универмага, где мужчинам помогали выбирать подарки для дам. Это было восхитительно — ходить по всему магазину и искать подходящие подарки для женщин. Мужчины тем временем сидели и попивали коктейли, их обхаживали красивые продавщицы, и продажи у нас были феноменальные.

Все праздники нью-йоркское высшее общество проводило фантастические благотворительные балы и маскарады,

и гости неизменно приходили туда в шляпках. Были и небольшие танцевальные вечеринки, куда приглашали лишь лучших из лучших. То было начало лавины благотворительных балов, ставших главным развлечением для сливок нью-йоркского общества 1950-х. У меня, разумеется, никогда не было билетов на эти вечеринки, и я являлся без приглашения — просто поглазеть. Я прятался за шелковой портьерой или пальмой в горшке и выглядывал оттуда. Первый бал, который я помню, — прием с обязательными шляпками в старом отеле Ritz. На него пригласили многих клиентов и друзей Chez Ninon. Нона Парк и Софи Шоннард предложили мне сделать для бала причудливые головные уборы, которые бы подходили к вечерним платьям. Сказать, что я обрадовался, значит ничего не сказать. Это был мой первый настоящий дизайнерский заказ, и шляпки, которые мне предстояло сшить, должны были надеть известнейшие представительницы нью-йоркского общества, а шил я их как дополнение к самым оригинальным вечерним платьям из Парижа. Тетя разрешила мне переоборудовать комнату одной из горничных под крошечное ателье. Это была моя первая мастерская, и там я работал каждую ночь до утра. По комнате летали перья и цветы: моим главным источником вдохновения были птичьи крылья. Какими романтичными казались мне их грациозные движения! Вскоре я познакомился со всеми поставщиками шляпников с Тридцать восьмой улицы и откопал на складе огромные черные крылья, пролежавшие там с 1910-х годов. Я сделал двадцать девять головных уборов, а дядя и кузены даже не подозревали, чем я занимаюсь, так как крайне редко заходили

в комнаты за кухней. Но в вечер бала, когда я лихорадочно заканчивал работу, дядя захотел узнать, почему я не пошел в Bonwit Teller и не явился к ужину. Тут тетя не сдержалась и все ему рассказала, он ворвался в мое «ателье» и чуть меня не прибил.

То, что я работаю с женской одеждой, — одна беда, но придумывать и шить шляпы под его собственной крышей — этого мой дядя стерпеть уже не мог. Весь следующий год он почти со мной не разговаривал, и всем остальным в доме запретили говорить о моде. Мы жили бок о бок как совершенно незнакомые люди, к моему большому сожалению, и мне очень жаль вспоминать об этом, потому что дядя был добрейшим человеком на земле. Думаю, он до смерти боялся гомосексуалов, которых в мире моды, по слухам, было пруд пруди. Но тетя пыталась поддерживать мир. Правда, когда мои кузены хотели навлечь на меня неприятности, они «случайно» проговаривались, что я опять шью шляпы, пока остальные ужинают, — и меня ждал очередной скандал.

К концу первого года в Нью-Йорке я работал в рекламном, информационном и художественном отделах Bonwit Teller и шил шляпы в ателье при универмаге, потому что дома мне это делать запретили. Одна из наших художниц, мисс Дженет Кегг, очень любила мои шляпы и с удовольствием носила их на ланчи в надежде, что привлечет мне клиентов. Часто так и случалось. Дженет также разработала мой фирменный логотип — даму с несколькими шляпами на голове, одна поверх другой. Этот логотип пользовался большим успехом на протяжении всей моей карьеры.

Как-то раз мы с Дженет работали в художественном отделе и решили устроить показ моих шляп. Мы назначили встречу с президентом универмага мистером Рудольфом, взяли большую шляпную коробку с эмблемой Bonwit Teller и приклеили сверху этикетку с именем дизайнера: чтобы мои родные не возмутились, я решил назваться William J., опустив фамилию. В салоне дизайнерской одежды мы взяли напрокат черное креповое платье Traina-Norell — облегающее и расклешенное трубой от колен. В отделе мехов одолжили шарф из чернобурки. Дженет надела длинные висячие сережки и во всех этих великолепных нарядах казалась мне роковой красоткой и лучшей моделью всех времен. Мне хотелось, чтобы, увидев ее, президент упал со стула. В назначенный час мы вошли в его кабинет. Дженет перебрасывала через плечо концы мехового шарфа, я нес замаскированную шляпную коробку. Мистер Рудольф, кажется, был шокирован этим зрелищем. Дженет больше напоминала проститутку, чем элегантную даму: платье было мало ей на размер и сильно обтягивало зад. Длинные сережки плясали в ушах, не останавливаясь ни на секунду, а чертов лисий хвост заезжал мне по носу каждый раз, когда Дженет перекидывала его через плечо, а я доставал очередную шляпу.

Когда показ закончился, мистер Рудольф велел нам вернуть одежду на место и заметил, что шляпная коробка выглядит как-то подозрительно знакомо. А еще он дал мне самый лучший и добрый совет в моей жизни: сначала, сказал он, стань настоящим творцом и используй исключительно собственные идеи — так и только так ты достигнешь успеха. Он

деликатно намекнул, что я нахожусь под влиянием всех дизайнеров сразу и мои шляпы нельзя назвать оригинальными. Он посоветовал мне сделать шесть новых шляп, используя лишь свои идеи, какими бы ужасными они ни показались мне или окружающим. Зато, сказал он, это будет отражение моего истинного «я». Это был самый сложный урок — отбросить внешние влияния и создать свой фирменный дизайн.

Информационный отдел Bonwit Teller использовал одну из шляп с этого показа для фотографий, опубликованных в «Вестнике христианской науки». Я очень обрадовался, увидев свои шляпы в газете, хотя их никто так и не купил. Вскоре после показа жена владельца Bonwit Teller миссис Ховинг на какой-то вечеринке увидела свою подругу в моей шляпе и спросила, где та ее взяла. «Такие шляпки делает милый парнишка из вашего магазина», — ответила подруга. А миссис Ховинг и не догадывалась, что какие-то милые парнишки в ее универмаге шьют шляпы; она навела справки и выяснила, что я работаю в ателье по субботам и продаю свои шляпы клиентам Chez Ninon. Она подняла бучу, и меня уволили (за что я буду ей вечно благодарен, так как именно этого пинка мне не хватало, чтобы начать свое дело). Нона и Софи из Chez Ninon были так недовольны поступком миссис Ховинг, что запретили ей вход в свой бутик. Но, по правде говоря, миссис Ховинг была противной клиенткой и вечно сводила с ума замерщиков и портных, требуя перешивать каждую вещь по десять раз, так что Нона и Софи были только рады от нее избавиться.

Вскоре после того как меня уволили из Bonwit Teller, 5 декабря 1949 года, состоялся фантастический маскарад, для

которого мне поручили изготовить причудливые маски. Тут уж я дал волю воображению! Я сделал почти пятьдесят масок, а работал в подсобных помещениях дядиной квартиры, где меня прятали горничная и кухарка. Накануне бала дядя с тетей чуть не устроили из-за меня побоище: супруга министра военно-воздушных сил все время звонила нам домой и требовала сделать еще масок для своих друзей. Миссис Тэлботт была милой женщиной и очень помогла мне в начале карьеры, порекомендовав меня всем своим подругам из высшего общества. Она даже взяла меня на бал и посадила за свой столик как гостя. На деньги, заработанные на этих масках, я на следующий же день открыл собственное дело.

Главное, что побудило меня начать свой бизнес, — мечта сделать мир счастливее, одевая женщин так, чтобы те вдохновляли самих себя и всех, кто их видел. Мне хотелось, чтобы мода несла счастье в мир; боже, каким же я был идеалистом! Путь, который мне предстояло пройти, был усыпан шипами. Ведь женщины использовали моду, чтобы произвести впечатление на подруг, подняться по социальной лестнице и еще бог знает для каких целей, — но никак не для чистого удовольствия. В 1930-е и 1940-е годы попытки пробиться в высшее общество стали главной нью-йоркской забавой. Ареной, где происходило все действие, были роскошные ночные клубы, некогда предназначенные лишь для узкого круга. А я понимал, что в мире моды будет происходить то же самое. Поскольку в Америке не было королевской семьи, не существовало герцогинь Техаса и герцогов Бруклина, единственным отличным знаком для аристократии должна была стать мода.

Я знал, что маркировкой социального статуса для богачей будет дизайнерская одежда. Пресса, вечно гнавшаяся за новыми историями из серии «кто с кем» и «кто в чем», заглотила эту наживку и трубила о том, что одежда от такого-то и такого-то дизайнера придает владельцу особый статус. Дизайнерам модной одежды совсем скоро предстояло стать новыми знаменитостями, не уступающими славой кинозвездам старого Голливуда. Жак Фат, Кристиан Диор и большинство других парижских дизайнеров стали лакомой добычей, на них охотились все конкурирующие между собой светские львицы. Фат с его вечеринками был сенсацией, а его одежда — самым воплощением невиданного счастья. В Париже ваше происхождение не интересовало никого, коль скоро вы были одеты в оригинальную вещь от Фата или Диора. «Модные аристократки» взбирались по социальной лестнице с ошеломляющей скоростью, к вящему неудовольствию старой гвардии. Появилась даже международная богема, которую не удовлетворяли высшие круги лишь одного Нью-Йорка, Парижа и Рима: эти светские персонажи поставили себе цель покорить весь мир. Впрочем, американские дизайнеры завоевывали себе имя очень медленно, и первым великим американским статусным дизайнером стал Норман Норелл лишь в конце 1950-х.

Дизайнеры, добравшиеся до верхов, те, чьи модели стали символом целого поколения, глубоко ощущали дух времени. Истинный талант — это не просто красивая отделка платья, по-настоящему талантливый дизайнер испытывает внутреннее мистическое откровение, становится источником света и озаряет мир.

МОЕ ПЕРВОЕ АТЕЛЬЕ

В ноябре 1948 года я принялся искать место под мастерскую, не имея ни малейшего представления о том, как это делать. Тогда я не знал, что в New York Times есть целый раздел с объявлениями об аренде, и думал, что надо просто ходить по улице и искать пустые витрины. Так я и сделал — обошел все здания с пустыми витринами, что попадались мне по пути, расспрашивая, не сдастся ли помещение в аренду. Я ходил по улицам, закутавшись в пальто с меховой подкладкой, которое носил еще в школе, и вид у меня был как у юнца, только что окончившего колледж. Я решил, что мое ателье должно находиться где-то между Парк-авеню и Пятой авеню, не ниже бутика Хэтти Карнеги на Восточной сорок восьмой улице и не выше Пятьдесят седьмой улицы. Какой же я был глупый и наивный! Я влетал в двери зданий, запыхавшись

от возбуждения, и большинство владельцев решали, что это какой-то розыгрыш. Когда я увидел пустую витрину на втором этаже бутика Хэтти Карнеги и зашел напрямик в ее роскошный салон, продавщица смирла меня ледяным взглядом и процедила, что, конечно же, Хэтти просто мечтает сдать мне второй этаж своего магазина. Затем она добавила, что Хэтти с удовольствием встретится со мной, и записала на бумажке ее адрес, где меня должны были принять с распростертыми объятиями. Я был так уверен в себе, в моем кармане лежали триста долларов, и мне казалось, что весь мир у моих ног! Распираемый гордостью, я помчался по адресу, указанному продавщицей, и оказалось, что она направила меня в психиатрическое отделение больницы Бельвью. Похоже, мое воодушевление лишило меня способности мыслить здраво. Да кто я такой, чтобы просто врываться к Хэтти Карнеги и требовать у нее сдать мне второй этаж?

На следующий день я вновь взялся за дело с энтузиазмом и, кажется, нашел более реалистичный вариант. В очаровательном маленьком коттедже по адресу Восточная пятьдесят вторая улица, 62 в 1820 году находилась резиденция мэра Нью-Йорка, а в 1920-е годы — скандальный подпольный бар. Поднявшись по лестнице, я очутился в изящном холле, обставленном в стиле неоренессанс, за ним располагался огромный банкетный зал, напоминавший голливудские декорации к фильмам о Средневековье, с шестью столами, расставленными по обе стороны гигантского камина. Тут ко мне обратилась девушка с круглым веснушчатым лицом лет примерно двадцати восьми. Она оказалась секретарем шести бизнесменов,

арендовавших офисы в этом трехэтажном здании. Ее звали Кэти Кин. Когда я спросил ее про пустующее помещение на втором этаже и изложил свой план по открытию ателье, она решила, что я немного того, но пригласила меня внутрь, чтобы я согрелся (на улице было десять градусов). Мы разговорились, она, кажется, перестала считать меня чокнутым и, наконец, велела вернуться на следующий день: на верхнем этаже здания действительно пустовало небольшое чердачное помещение. На второй день спозаранку я уже сидел на крыльце, когда мисс Кин пришла отпирать дом. До прихода начальства оставался час, и она научила меня, как произвести впечатление, ведь ее боссы ни за что не стали бы разговаривать с каким-то сумасшедшим парнишкой, которому взбрело в голову снять комнату. Кэти была потрясающая девушка, она велела мне сообщить ее начальнику имена клиенток, для которых я делал маски, так как тот мечтал пробиться в высший свет. Наконец, он приехал и вызвал меня в свой кабинет. Когда я начал излагать ему свой план стать величайшим шляпником в мире и перечислять имена своих клиенток, он чуть не упал в обморок. Решил, что удача сама приплыла к нему в руки и с моей помощью он познакомится со всеми этими великосветскими дамочками. Так мне разрешили арендовать чердак.

Наверху узкой винтовой лестницы располагался офис скаутской фирмы, выискивающей таланты для киноиндустрии, фирму возглавляла племянница Дэвида Селзника. Рядом находилась штаб-квартира телестудии, здесь несколько десятков забытых радиоведущих 1920-х и 1930-х годов отчаянно пытались вернуть себе былую славу. За первой дверью верхнего этажа

обитал писатель, автор детективов, — он наводил на меня жуть. В глубине же расположился мой первый салон. Это была комната три на четыре метра с двумя большими окнами, выходящими в некогда прекрасный сад с фонтанами и статуями, который двадцать лет простоял заброшенным и был в плачевном состоянии. Наконец, мы перешли к вопросу оплаты, а платить за аренду мне было нечем. Владелец назначил цену в пятьдесят долларов в месяц. Я тут же ответил, что мне это не по карману, но вместо оплаты я мог бы ежедневно наводить порядок во всем доме до восьми утра. Владелец несколько опешил, столкнувшись со столь необычным предложением, но решил, что это вовремя, и мы заключили сделку. (Спасибо мисс Кин: это она предупредила, что им нужен уборщик, зная, что денег у меня нет.) И вот через два дня я покинул роскошь и комфорт дядиной квартиры на Парк-авеню с тремястами долларами в кармане и поселился в своей мансарде. Я был беден, но хотел казаться богатым: сразу пошел в комиссионный магазин Армии спасения и купил слегка поеденные молью австрийские портьеры и поддельную французскую мебель. Кажется, я всю комнату обставил долларов на тридцать пять, не больше. Расположившись среди этого французского шика, я приступил к изготовлению новых шляп.

Отгородившись от своего роскошного салона трехпанельной картонной ширмой, за которой притаилась моя мастерская, я стал делать шляпы, вдохновленные самой природой. Я украшал шляпы из красного фетра яблоками в натуральную величину; оборачивал гирляндами из маргариток клетчатые кепи; делал соломенные шляпки в форме фруктов. Это

были счастливые времена, и я тихо ждал, когда же мой первый клиент взбежит по узкой лестнице. Но, честно говоря, клиенты не ломались мне в дверь, и очень скоро мои триста долларов испарились. Тогда я устроился в аптеку на углу Мэдисон и Пятьдесят второй улицы — доставлял обеды. Мне платили хорошие чаевые, а еще бесплатно кормили. Я не унывал, самую большую радость в жизни мне приносило изготовление шляп, и я не сомневался в успехе. Я устроился на вечернюю работу на Бродвее — зазывалой в театр «Палас Водевиль». Отработав несколько недель на жутком холоде, я получил повышение и переместился внутрь: зрители субботних спектаклей не жалели пары четвертаков на чаевые, а я подыскивал им места получше. Я проработал в театре примерно четыре месяца, а потом устроился в ресторан Говарда Джонсона напротив «Радио-сити-мьюзик-холла»: там можно было бесплатно наесться до отвала, а барменам давали щедрые чаевые. Я работал с пяти вечера до двух ночи. И в промежутке между этими заработками продолжал делать шляпы. Все заработанные деньги шли на материал, поставщикам теперь было чем заняться, ведь я платил им мелочью — горстями монет по пять и десять центов, чаевыми с предыдущего вечера. Я никогда не стыдился работы и брался за любую, лишь бы честно оплачивать счета, хотя моему бедному семейству, конечно, было стыдно за меня. Наверное, я причинил им много страданий, но я должен был пробиться сам, я это чувствовал.

По утрам я вставал в шесть часов и вычищал до блеска маленький кирпичный особнячок. Затем шил шляпы, изредка заходили клиентки, присланные кем-нибудь из старых знакомых

по универмагу. Теперь я понимаю, что вход в темный особняк и подъем по узкой маленькой лестнице наверняка до смерти пугали многих дам. По воскресеньям, сходяв на утреннюю церковную службу, я бродил по нью-йоркским улицам и любовался чудесно оформленными витринами — пожалуй, лучшее бесплатное развлечение во всем Нью-Йорке. А заканчивалась моя прогулка неизменно в публичной библиотеке на Пятой авеню. Там я проводил весь вечер — разглядывал подшивку журналов *Vogue* и *Harper's Bazaar* и великолепную коллекцию книг по истории костюма. Впервые я взял в руки журнал мод в семнадцать лет, в моей семье такое баловство не допускалось, и единственными журналами, которые мне доводилось листать, были журналы про кино, принадлежавшие сестре.

*

В июле 1949 года я выпустил свою первую коллекцию для прессы — работал день и ночь, чтобы подготовить пятьдесят моделей. Мне помогала моя первая модистка, чудесная тихая женщина, у которой была сестра-алкоголичка: та являлась в ателье в самый неподходящий момент и требовала дать ей денег на виски. Дикая ругань и драки между сестрами были не редкостью.

Наступил день показа. Я пригласил прессу и многих дам, для которых делал маски и роскошные шляпки для балов. Но меня ждало разочарование: элегантные дамы не желали покупать мои шляпки. Вскоре я понял, что им нужны были копии дизайнерских шляп из Парижа, только более дешевые, изготовленные молодым неизвестным модельером. А мои шляпы были слишком оригинальными, и дамы боялись, что их раскритикуют и решат, что они одеваются в «неправильном»

месте. Путь истинного творца долог и труден, а признания в самом начале ждать не приходится. Это жестокая битва, но награда за успех в любимом деле высока: взобраться на модный олимп — все равно что достичь ворот рая.

Тем временем, все еще пребывая на грешной земле, я пользовался кухней в подвале, так как чайник на газовой плите закипал гораздо быстрее, чем на электрической, что стояла у меня в мансарде. Чтобы делать шляпы, мне нужен был пар. Однажды я поставил чайник, и, к моему удивлению, из носика стали вылетать фасолины. Оказывается, кто-то из обитателей нашего дома напился и попытался приготовить обед в моем отпаривателе для шляп. В нашем доме снимали кабинеты весьма колоритные персонажи, от них чего угодно можно было ожидать. Я был очень наивен и не догадывался, почему в приемной так часто ошиваются коллекторы, подстерегая здешних бизнесменов. Двое мужчин, снимавших офисы на втором этаже, часто скандалили, отпугивая моих степенных покупателей, которые предпочитали больше не возвращаться. А однажды, когда я примерял шляпку-колокольчик на одну очень робкую даму с Парк-авеню, на второй этаж ворвались полицейские, и двое его обитателей бежали, перепрыгнув через ограду на соседнюю Пятьдесят третью улицу.

Потом как-то раз кинопродюсерша, на которую устроил охоту сам шериф, пришла посреди ночи и собрала свои вещи. Ей помогал нынче известный и всеми уважаемый киноактер. Они бежали в Калифорнию, но перед отъездом решили забрать из офиса антиквариат. Антиквариатом оказалось биде из туалета на втором этаже, и эти два дурака взяли пожарный

топор и обрубili главную водопроводную трубу. Я проснулся от звука хлещущей воды, по винтовой лестнице стекали ручьи, а на полу первого этажа стояла вода по пояс.

Несмотря на творившиеся вокруг меня дикости, мой первый показ прошел великолепно. Владельцы разрешили мне провести его в старом заросшем саду и большом холле в стиле неоренессанс: все, кто работал в нашем здании, надеялись познакомиться с моими клиентами. Я очень обрадовался, что меня пустили в заросший сад, и провел немало счастливых часов, расчищая его и расставляя огромные букеты пионов в шарообразных стеклянных вазах, которые на самом деле были плафонами от неработающих потолочных ламп. Я вкопал их в землю, вычистил центральный фонтан и посадил в его носик пальму. Моделями на моем показе были девушки из Bonwit Teller. Из семидесяти пяти приглашенных гостей, которых я надеялся увидеть, пришли лишь шестеро моих клиенток — все были в новых шляпках моего авторства, — а представительница прессы явилась только одна, зато самая влиятельная и важная во всем Нью-Йорке: Вирджиния Поуп из New York Times. Большинство посчитали бы такое мизерное количество пришедших провалом, но я чувствовал себя так, будто на мой показ пришла сама королева Англии: кроме Вирджинии, мне никто больше был не нужен. Весь показ она грациозно просидела на стуле. Она пришла ко мне, а ведь могла бы потратить это время в другом месте! На следующий день в рубрике моды New York Times появилась крошечная заметочка в один абзац: Вирджиния писала обо мне как о новом достойном внимания дизайнере. Для меня это была самая важная моральная

поддержка, у меня появилась причина продолжать борьбу — а борьба мне предстояла серьезная, в этом не сомневайтесь!

Настали выходные Дня независимости, четвертого июля. Помню, мне было нечего есть, кроме банки какао, я расходовал по три чайных ложки в день. Когда голод становился невыносимым, я выходил на улицу, смотрел на витрины и питался красотой. Особенно сытными были витрины декоратора Роуз Камминг — ее магазин находился на углу Пятьдесят третьей улицы и Мэдисон-авеню. Я прижимался носом к окну и разглядывал интерьер, обставленный с удивительным вкусом, — это было вдохновляющее зрелище. Все здесь было необычным, все отличалось от привычного мне: я никогда не видел таких материалов, цветов, сочетаний. А посреди этой экзотики восседала сама Роуз Камминг: с фиолетовыми волосами, в платье с тигриным принтом. Я познакомился с ней лично лишь много лет спустя, но в те голодные дни ее магазин вызывал во мне жгучее желание бежать домой и делать новые шляпы. По выходным, когда другим обитателям коттеджа на Пятьдесят второй улице не нужно было идти на работу, мисс Кин звонила мне, и мы убирали все вывески из окна на первом этаже и устраивали там выставку шляп. Как-то раз, в момент особенно глубокого отчаяния, я вывесил шесть шляп на фонарный столб перед домом. К моему удивлению, несколько штук купила жена врача, которая шла по улице и предавалась размышлениям о своей несчастной жизни. Увидев шляпы на столбе, она восприняла это как знак, лучик солнца, и бросилась в дом расспрашивать меня о них. Потом она призналась, что мои шляпы спасли ее от самоубийства.

Были дни, когда мне приходилось закладывать велосипед в ломбарде на Третьей авеню, чтобы купить еды или материалов для шляп. Велосипед был моим единственным способом передвижения по городу, на нем я развозил шляпы и часто колесил по Парк-авеню, обвесив руль шляпными коробками.

Однажды в пятницу вечером я получил заказ на две шляпы, но денег на материалы у меня не было. Велосипед уже стоял в ломбарде, а вырученные деньги я отнес в банк, чтобы мой чек не отвергли. И тогда мисс Кин заложила пишущую машинку своего начальника и дала мне двадцать долларов, чтобы я смог сшить шляпы. Позднее это не раз повторялось. Однажды начальник неожиданно наведлся в офис в выходные, и мисс Кин быстро подсунула под чехол для пишущей машинки два толстых телефонных справочника; он ничего не заметил.

Напечатанные ярлыки для шляп мне были не по карману, и в свободное время я аккуратно выписывал на квадратиках, вырезанных из льна, буквы «William J.». А осенью 1949 года случилось чудо: взшла моя звезда. Некая мисс Элизабет Гриффин, дочь мадам Шуматофф (художница, писавшая портрет Рузвельта перед самой его смертью), зашла ко мне в мастерскую, и ей понравились мои шляпы. На следующий день она вернулась и привела еще двух дам. Одной из них оказалась миссис Уильям Хэйл Харкнесс, мультимиллионерша, владелица нефтяной компании Standard Oil. Дамы решили финансировать мой бизнес, вложив в него три тысячи долларов, заработанные на мюзикле «Парни и куколки», в который они инвестировали небольшую сумму, — а мюзикл оказался хитом.

Не прошло и месяца, как мы с миссис Харкнесс стали партнерами и открыли роскошный салон на Восточной пятьдесят седьмой улице — белый с золотом, со множеством хрустальных люстр. Богатство свалилось на меня так неожиданно, что я потратил почти все три тысячи долларов на декор. Миссис Харкнесс сама прежде никогда не занималась бизнесом и даже не подумала полюбопытствовать, есть ли у меня деловое чутье

(а его у меня определенно не было никогда). Но в любом случае ей было не о чем волноваться, за ее спиной стояла армия адвокатов с Уолл-стрит: ее подруга недавно лишилась пары сотен тысяч долларов, связавшись с модным дизайнером, который решил, что ему можно не работать, а на деньги этой дамы просто развлекаться с девушками.

Тогда-то я и нашел свою вторую модистку, покупая подержанные зеркала в магазине, который закрывался и распродал обстановку. Девушки из этого магазина порекомендовали мне свою лучшую шляпницу — миссис Нильсен. Мы с миссис Нильсен договорились встретиться, и я немного побаивался, так как шляпы в том магазине показались мне старушечьими. Но я зря волновался: у нас с миссис Нильсен случилась любовь с первого взгляда. Я признался ей, что у меня нет денег, но я надеюсь заработать, она не устояла и захотела мне помочь. К тому же я выглядел так молодо, что ей с трудом верилось, что у меня свое дело. Брюки у меня износились и просвечивали на коленках.

Первый показ в новом салоне состоялся в январе 1950 года и, в отличие от моего премьерного показа в саду, куда пришла лишь Вирджиния Поуп, на этот раз в мои двери ворвался весь модный бомонд. Люди слетались на деньги миссис Харкнесс как пчелы на мед. В одночасье меня «открыли» все модные личности, жадно набрасывающиеся на все новое с деньгами.

Первым магазином, закупившим мои шляпы оптом, был Gunther Jaeckel. Байера звали мисс Лагош, она приобрела шляпы из моей первой весенней коллекции, и я до сих пор помню волнение, которое испытал, увидев свои творения в витрине магазина на Пятьдесят седьмой улице. Лучший комплимент

для дизайнера — видеть свои вещи выставленными на продажу. За Gunther Jaeckel последовал Erlebacher's — магазин из Вашингтона. Им понравились мои самые безумные модели, особенно одна, с которой я дал волю фантазии, — это была шляпа из губок для посуды, купленных в магазине «Все по пять и десять центов». Я обтянул ее золотым ламе и украсил длинными, торчащими во все стороны черными перьями. Конечно, основной доход приносили консервативные модели, но ближе по духу мне были фантазийные, причудливые шляпы. Меня всегда вдохновляли птицы и природа. Птица, взмывающая в воздух, грациозно расправив крылья, — именно этот образ побуждал меня на создание лучших шляп. К сожалению, покупательницы не разделяли мою точку зрения, и мне пришлось раздать все свои лучшие шляпы, чтобы освободить место для новых. Много лет спустя я узнал, что дизайнеры Парижа и Нью-Йорка раздают свои самые потрясающие и новаторские модели знаменитостям бесплатно, в рекламных целях. Так было всегда. Самая невероятная одежда, которую вы видите в глянцевых журналах, продается крайне редко. Зайдите в любой дорогой бутик на Пятой авеню в конце сезона, и вы увидите, что все самое потрясающее продается за четверть от исходной цены. Необычную одежду закупают, чтобы разбавить скучные повседневные вещи интересными, — ведь это и побуждает женщин покупать.

На заре своей карьеры я действительно был очень глуп. Я даже не знал имен голливудских знаменитостей. Однажды мисс Кин позвонила мне из приемной на первом этаже и сообщила, что ко мне поднимается Дороти Ламур посмотреть на шляпы. Кэти была жутко взволнована: впервые к нам

в гости заглянула знаменитость. Когда я спросил, кто такая Дороти Ламур, она готова была меня убить!

Еще у меня была клиентка, для которой я шил шляпы целых семь лет, прежде чем мне сказали, кто она. В следующий визит я спросил ее — это была Кэй Фрэнси: правда ли, что она кинозвезда? Мисс Фрэнсис смеялась надо мной несколько недель и вспоминала, как здорово мы ладили все эти годы. Я относился к ней как к хорошему другу, без придыханий и дурацкого преклонения. И дело не в том, что знаменитости не производили на меня впечатления: просто я верил, что все люди равны. Как-то раз, еще до того, как меня уволили из Bonwit Teller, мистер Ховинг сказал: «Билл, да ты никого не боишься». Я в великом изумлении взглянул на него и произнес: «Ни один человек не должен бояться другого, хотя может уважать его за высокое положение».

В первые годы работы шляпным дизайнером я начал посещать костюмированные балы в Нью-Йорке. Накануне этих балов я давал волю воображению и придумывал совершенно фантастические костюмы для себя и друзей. Я не догадывался, что у каждого бала есть тема, и в создании костюмов руководствовался тем, что вдохновляло меня в текущий момент. Я сшил первый костюм для Кэти Кин, нарядив ее самым сексапильным страусом, которого вы когда-либо видели. За основу костюма я взял старый купальник Jantzen, мы распили его перьями и стразами и прицепили длинный шлейф из страусиных перьев, делавший Кэти похожей на танцовщицу из «Фили-Бержер». На голову ей я водрузил тюрбан, украшенный павлиньими перьями, — ну и птица из нее вышла! Меня ничуть

не волновало, что я смешал разные перья, а Кэти в этом костюме чувствовала себя райской птичкой. Она дала мне полную творческую свободу с единственным условием: костюм должен был открывать ноги, ведь они были ее главным достоинством. Что до меня, я оделся как балерун и взял с собой двух живых куриц: белую и черную. Я позолотил их блестками, сунул под мышку, и мы направились в Waldorf, где бал уже был в самом разгаре. Я планировал внести позолоченных куриц в зал и выпуливать их там на поводках, украшенных драгоценными камнями, но в лобби отеля собралась большая толпа зевак — они толкались и пихались, пытаясь разглядеть костюмы, — и я решил, что можно уже сейчас показаться им во всем великолепии. Кэти дефилировала по лобби, а я тем временем выпустил куриц... и тут разразился такой переполох! Проклятые птицы обезумели и стали отчаянно рваться каждая в свою сторону, поводки натянулись, грозясь лопнуть. Наше роскошное шествие превратилось в полную неразбериху, зеваки хохотали, а моему достоинству был нанесен существенный урон. Я скакал по отелю, пытаясь поймать золоченых куриц, устроивших настоящий тарарам в ресторане «Павлинья аллея», дамы подняли визг, официанты носились как угорелые, пытаясь отловить птиц. Одну курицу вернуть так и не удалось: она вылетела через двери, ведущие на Парк-авеню, вызвала переполох у входа в отель, но кто-то из прохожих поймал ее и отказался отдавать — видимо, это был защитник птиц, который хотел сдать нас в полицию.

Короче говоря, приз за лучший костюм мы не выиграли, и на следующий день нам пришлось зарезать вторую курицу, потому что у нас не было денег на еду и иначе в выходные

мы бы голодали. (В детстве я часто рубил головы цыплятам на тетиной ферме, так что меня этот момент не смутил.) Когда подошло время следующего бала, моя птичья мания еще продолжалась. На этот раз я нарядил Кэти цыпленком, вылезающим из половинки яйца. Я также изготовил двухметровую проволочную клетку, в которую «цыпленок» должен был залезть. Бедняжка Кэти ужасно провела вечер, пытаясь танцевать в клетке, но я не разрешал ей снять ее, так как это испортило бы костюм. На третьем балу мы наконец выиграли приз — заняли последнее место, а также чуть не устроили пожар в бальном зале отеля Astor. Наша костюмированная братия состояла из пяти друзей и меня. Вшестером мы изображали сцену на ферме: взяв громадный каркас криолина в духе Марии-Антуанетты, я соорудил на его основе трехметровый *стог настоящего сена*. Внутри мы поместили самого стеснительного нашего друга. Кэти снова выпало быть птицей, а я играл большого злого волка в страшной маске с потрясающе эффектными верхними клыками. Чтобы доставить стог из салона на бал, нам пришлось нанять фургон для переезда (а до этого стог висел посреди магазина на люстре и приводил в ярость многих клиентов из числа тех, что приходили за серьезными шляпами). А чтобы пронести стог в отель, мы накрыли его муслином, ведь пожарные не разрешили бы нам проникнуть на бал в легковоспламеняющихся костюмах. Но вот началось парадное шествие, мы сдернули покрывало, и наш стог продефилировал по бальному залу. Администрация отеля и пожарная охрана чуть не рухнули замертво от этого зрелища, и разразился грандиозный скандал: пожарные схватили стог и начали

утаскивать его из зала, опасаясь, что кто-нибудь кинет в него спичку. Я клялся, что стог пожаробезопасный, хотя знал, что это не так, а мой стеснительный друг, прятавшийся в стоге, жутко рассердился, ведь его вместе с костюмом утащили с бала. Поэтому, когда его достали из стога, он вмазал кулаком по носу первому человеку, попавшемуся на его пути, — и началась потасовка. Мой друг ушел с бала с фингалом. Когда полицейские наконец вытащили проклятый стог на Сорок четвертую улицу, они решили проверить мое утверждение о его пожаробезопасности и поднесли к нему спичку. Как вы понимаете, стог вспыхнул словно сияющие неоновые огни на Бродвее!

Для дизайнеров эти костюмы и фантазийные балы были очень важны, ведь они отпирали двери воображения и давали нам полную творческую свободу. В повседневной работе мы были скованы ограничениями, и напряжение копилось. Людям нужна возможность выпустить пар. Поэтому костюмных вечеринок должно быть больше. В то время я каждый год создавал фантастические костюмы и четыре раза выигрывал первое место. Однажды мы с друзьями пришли на бал, одетые римскими завоевателями. Я построил из папье-маше слона в натуральную величину: за основу взял стремянку высотой три с половиной метра, водрузил фигуру на платформу и посадил внутрь человека, который управлял слоном вручную. Каркас сделал из проволочной сетки и обмазал его бумажной смесью из старых газет, муки и воды — получился гигантский зверь. Кэти должна была изображать римскую императрицу: она была почти голая и ехала верхом на голове слона. Другая наша подруга играла христианскую рабыню, ее безжизненное

тело лежало на спине у слона. Я вручил третьему нашему другу большой пляжный зонт из белого атласа с золотой бахромой, еще один приятель махал полутораметровым опахалом из павлиньих перьев. В какой-то момент моя фантазия вышла из-под контроля, и наша процессия начала походить на цирк, нам даже пришлось получить разрешение у полиции, чтобы пройти в таком виде по Пятой авеню до отеля Plaza. Наступил вечер бала, и мы двинулись к отелю в сопровождении полицейских, правда, опаздывая на два часа: Кэти была у парикмахера, а я не мог сдвинуть с места слона. Видите ли, я даже не подумал о том, как выволоку на улицу эту чертову штуку. Мы протискивали несчастную зверюгу в дверь, сжимали ее, и в конце я расплакался: столько часов работы, и все насмарку! Когда наконец жемчужно-серый зверь оказался на улице, мы починили его с помощью краски-спрея. К тому времени двое полицейских и участники нашей труппы уже побратались под действием многочисленных выпитых мартини. Мы зашагали по Пятой авеню, опаздывая на несколько часов, я бил в громадный китайский гонг, а мой друг с зонтиком все время спотыкался и отчаянно пытался удержать шатающийся зонт над головой слона. В отель Plaza нам пришлось войти через большой грузовой лифт. У нас было только пять билетов на семь человек, поэтому я раскрыл брюхо слона, и двое друзей-безбилетников забрались внутрь. Мы вкатили нашего троянского слона в бальный зал. Перед началом шествия наш зонтоносец вырубился. К счастью, я не пью: должен же кто-то сохранять трезвость рассудка. Я призвал на помощь официанта, наспех обернул друга белой скатертью, мы вышли в центр зала

и произвели сенсацию. В это трудно поверить, но тем вечером мы ничего не выиграли, я был в отчаянии. А потом мой друг, художник, сказал, что призы на этом балу давали только учащимся художественного колледжа, который организовал мероприятие. Вопиющая несправедливость! Но на следующий год я попросил своего друга купить для нас билеты от его имени, и мы, естественно, заняли первое место.

В период истерии, предшествующей балам, дела в салоне вела миссис Нильсен. Однажды она пошла на бал с нами, но была так потрясена, увидев бегающих по залу голых людей, что пригрозила уволиться. Она сидела за столиком, и тут в зал зашла одна девушка, одетая по моде французского двора эпохи Марии-Антуанетты. Миссис Нильсен начала восхищаться этим очаровательным созданием в костюме, но тут обернулась и увидела позади себя совершенно обнаженную девушку в позолоченной раме в стиле барокко: та изображала картину. Миссис Нильсен чуть не рухнула в обморок и выбежала из зала, убежденная, что этот бал — проделки самого дьявола. Что до меня, я никогда не интересовался оргиями, происходившими за кулисами этих балов, и даже не видел ничего такого: я танцевал весь вечер, а не сидел и не смотрел по сторонам.

Один из лучших костюмов, который я сделал, был и самым простым. Он тоже выиграл главный приз: мы с моей подругой Эллен, работавшей моделью, нарядились Гретой Гарбо и Морисом Шевалье. На нас были обтягивающие черные трико и громадные шляпы из натуральной соломы, закрывавшие половину туловища. У Эллен это было огромное канотье с полутораметровыми полями: она изображала Мориса

Шевалье в накрахмаленной манишке с бамбуковой тростью. Я же исполнял роль Греты Гарбо — под гигантской соломенной шляпкой-колокольчиком. Среди других костюмов-победителей, созданных мной за годы, была пара громадных белых ракушек и группа из четырех великанских фруктов и овощей — соломенные морковь, томат, арбуз и апельсин. Но самым потрясающим костюмом, который мы когда-либо шили, была «Страсть дьявола». Этот мой проект выиграл приз в тысячу долларов, я использовал для него тонны красных перьев и страз, создав очень закрытый костюм для себя и очень открытый — для своей красавицы-подруги. Балы всегда проходили в апреле, как раз перед началом работы над осенней коллекцией, и для меня это была отличная возможность воплотить все самые бурные фантазии, чтобы потом тихо и мирно засесть за создание новых осенних шляп.

Мой салон на Пятьдесят седьмой улице понемногу обретал известность. Пресса меня заприметила: не то чтобы меня расхваливали на все лады, но обо мне хотя бы писали. Меня взяла под крылышко мисс Клэр Уэйл, покровительница шляпников. Магазиновые байеры делали небольшие пробные заказы. Салон De Pinna's оплатил нам первую рекламу в газете: на ней была изображена шляпка в форме вишневого пирога с одним отрезанным кусочком, из которого выглядывал модный шиньон того времени. Реклама дала хороший отклик, и мы с миссис Нильсен впервые стали работать до полуночи каждый вечер: шили шляпки в форме вишневых пирогов, пока не прокляли все на свете и в первую очередь Джорджа Вашингтона, который срубил это чертово вишневое дерево!

ШЛЕМ В ЦВЕТАХ

В мае 1950 года мне пришла повестка от дяди Сэма: армия Соединенных Штатов любезно приглашала меня вступить в ее ряды. Сначала я очень расстроился: мне казалось, что годы тяжелого труда пойдут насмарку. Но я никогда не умел надолго заикливаться на плохом и всегда верил, что в любой ситуации можно найти что-то хорошее. Помню, я подумал: а ведь меня могут отправить во Францию, и у меня будет потрясающая возможность увидеть Европу! Мысль о том, что я воочию увижу парижских дизайнеров, вызвала у меня необычайный восторг. Я загорелся этой идеей и тут же начал учить французский. Разумеется, шанс, что меня отправят во Францию в то время, когда идет война с Кореей, был один на миллион. Но эта мысль просто втемяшилась мне в голову. Узнав, что меня призывают в армию, миссис Харкнесс и ее

адвокаты пришли в ярость: их шестьдесят процентов бизнеса только-только начали давать прибыль.

Адвокаты повели себя очень некрасиво и потребовали возмещения всяческих убытков, а также подали на меня в суд, чтобы я вернул вложенные миссис Харкнесс три тысячи долларов. Они писали моим родным высокомерные письма, обращаясь с ними как с низкородными крестьянами, но тут вмешался дядя и поставил их на место. Должен сказать, дядя повел себя очень благородно. Хотя он презирал мое занятие модой, он пришел на помощь, когда я действительно в нем нуждался. Он понял, что люди, которые заявили права на шестьдесят процентов бизнеса в начале нашего партнерства, решили, что у меня начисто отсутствует деловое чутье и они могут делать, что им вздумается. Как бы то ни было, дяде удалось избежать судебного разбирательства, и он выплатил адвокатам миссис Харкнесс половину от тех трех тысяч, хотя и не должен был этого делать. Он также выплатил долги, когда миссис Харкнесс вышла из дела. Впоследствии я вернул дяде все до последнего цента, и это был для меня хороший урок: никогда не принимать финансовую помощь от других, ведь инвесторов интересует только одно — выжать из художника максимум прибыли. Творчество их совершенно не заботит. Я никогда не винил в случившемся миссис Харкнесс: она попала под влияние своих бездушных адвокатов.

Первый же день в армии ознаменовал для меня начало чудесного времени — сплошные новые впечатления. В лагере, где мы проходили базовую подготовку, я был звездой камуфляжа. На моем шлеме красовался потрясающий маленький

сад из цветов и травы. Мы отрабатывали наступление на пустынных равнинах Форта-Дикс в Нью-Джерси. Помню, как мой вид раздражал сержанта, ведь мой великолепный головной убор посреди пустыни цвел подобно Эдемскому саду, а наш замаскированный отряд должен был подкрасться незаметно. В результате меня постоянно ставили часовым и заставляли маршировать вокруг какой-нибудь одинокой водонапорной башни. Слава богу, было лето. Я тысячу раз обходил кругом проклятой башни, представляя, что моя винтовка — это букет страусиных перьев, и все это время придумывал дизайн новых шляп, учил французский и думал о Франции, хотя наш отряд готовили к отправке в Корею.

Когда закончилось обучение в базовом лагере, нас выстроили длинными шеренгами и разделили на две группы. Одной предстояло отправиться в Корею, другой — в Германию. Я попал во вторую. Мой восторг был так велик, что я бросился в магазин при военной базе и купил все книги на французском, которые там продавались, хотя в документах черным по белому было написано: «Германия». Но какая разница, думал я? Франция же совсем рядом, и я уже чувствовал витающие в воздухе ароматы Парижа. В Бруклине мы сели на военный корабль. Уверен, ни один из Вандербильтов не испытывал такого восторга, садясь на роскошный пассажирский лайнер в Европу, как я в тот момент. Прежде я катался только на лодочках в форме лебедей в пруду Бостонского парка, но теперь мне предстояло пересечь Атлантику, и это казалось мне самым большим счастьем на свете, хотя и означало, что мне придется спать в одном помещении примерно с сотней солдат. Очередь на обед начинала

выстраиваться уже часов в десять, и вообще на этом корабле мы только и делали, что стояли в очередях. Я купил и прочитал книгу по анализу почерка, и каждый день, пока мы ждали еды, группа печальных солдат приносила мне любовные письма своих подруг и просила расшифровать почерк. Это было потрясающе. Парни верили всему, что я им говорил, а мне позволялось читать интереснейшие письма. Крошечная книжка толщиной всего в тридцать пять страниц сделала меня экспертом за час. Удивительно, как меня не выкинули за борт, ведь я говорил солдатам довольно скандальные вещи!

Дни пролетали быстро, погода стояла холодная и солнечная, кроме двух дней штормов, которые половина из трех сотен солдат на борту провела, свесившись за борт. Пару ночей я провел на палубе, но причина была не в морской болезни, а в запахе, витавшем в коридорах и спальных каютах: у меня от него волосы дыбом становились. Мы прибыли в Германию 28 сентября, и чарующие сельские пейзажи осенней Баварии навсегда запечатлелись в моей памяти.

Я не пробыв в Германии и двух дней, когда пришел приказ: требовалась сотня солдат в новые лагеря во Франции. Претенденты должны были говорить по-французски (для общения с местными, ведь в то время по Франции как раз прокатилась волна демонстраций с лозунгом «Американцы, проваливайте домой»). Также считалось плюсом высшее образование. Я попал в список лишь потому, что в моих документах значилось «учился в Гарварде». Какое счастье, что там не уточнялось, как долго я там проучился! К тому моменту я довольно хорошо знал французский: мои самостоятельные занятия не прошли

даром. Видимо, сила позитивной мысли действительно работает. Я был в таком восторге, что накануне прибытия в Париж в ночном поезде почти не спал. А конечным пунктом нашего путешествия был юго-запад Франции и маленький портовый город Ла-Рошель.

По прибытии в Париж я просто лопался от энтузиазма. Мы стояли в Париже шесть часов. С вокзала я выбежал бегом и остановил старое тряское такси с люком на крыше. В такси я встал, высунул наружу голову и плечи и просто дышал парижским воздухом. Стоял холодный солнечный день, деревья на бульваре были подернуты инеем, сияли краски осени — какое правильное время, чтобы впервые увидеть столицу моды!

Я совсем не знал город, но сразу приказал водителю везти меня на Вандомскую площадь, где находились бутики многих модных дизайнеров. Мы ехали по улицам города мимо статуй и фонтанов, мостов, величественного Лувра, собора Нотр-Дам и рядов старинных домов, напоминающих декорации к опере «Богема». Я чуть шею не свернул, разглядывая все это из люка такси. На улице Сен-Оноре я увидел парижанок в прекрасных твидовых пальто длиной до середины икры, колокольчиком расходившихся от талии вниз; они быстро шагали, кутаясь от осеннего ветра. Их головы украшали элегантные широкополые шляпки с длинными фазановыми перьями. Все вокруг было еще более французским, чем я себе представлял. Мы въехали на Вандомскую площадь, я увидел перед собой вывеску Schiaparelli, и все мое существо исполнилось торжеством. Наконец я здесь, на вершине модного олимпа, думал я, разглядывая витрину бутика Schiaparelli, совершенно

фантастического, полного невероятных форм и шокирующих оттенков розового. Больше всего мне запомнился атласный диван в виде гигантских губ.

Я нырнул обратно в такси, и мы поехали к жемчужно-серому каменному особняку короля моды Кристиана Диора. Помню, как я заглядывал во все двери и боялся заходить внутрь. Повсюду витал запах духов, и я стал мечтать о том дне, когда поднимусь по роскошной лестнице и своими глазами увижу показ.

Шесть часов пролетели как шесть секунд, и вскоре наш поезд отбыл с парижского вокзала. Дорога петляла меж живописных старинных деревушек: мы ехали по Центральной Франции.

Нашим новым домом стало старое ветхое здание, принадлежавшее французской армии и после войны находившееся в плачевном состоянии. Потолок обваливался, и в целях безопасности нам пришлось установить над койками тенты. В доме не было ни ванны, ни туалета, и двадцать солдат из моей группы устроили по этому поводу жуткий скандал. А вот меня условия ничуть не волновали, так как нам предоставили полную свободу. Во-первых, нам разрешили не носить форму: французские гражданские были не в восторге от возвращения американских солдат на их землю, и коммунисты ополчились против людей в форме. Во-вторых, все армейские занятия для нас прекратились, нас предоставили самим себе, а офицеры стали подыскивать жилье в другом месте. Хотя за год наши ряды пополнились почти на триста солдат, я так и не узнал, что это на самом деле такое — служба в армии.

Через две недели после приезда мы с ребятами рыли туалетную яму, и тут в лагерь прибыла сотня новых солдат —

помогать обустройства штаб-квартиру. По вечерам ребята топили свои горести в местных барах — напивались, чтобы забыть о проблемах. Я не пью алкоголь, так как он притупляет ум и мне не нравится вкус алкогольных напитков. При виде моих товарищей, которые просиживали вечера за барной стойкой, зря тратя свое время и деньги, мне стало очень грустно, и я набрался смелости, подошел к командиру и сказал, что нужно что-то сделать для поднятия морального духа ребят. Командир смерил меня взглядом, говорившим «Вот наглец!», однако я ничтоже сумняшеся изложил ему свой план. Я предложил

устраивать вылазки выходного дня к местным достопримечательностям на армейском автобусе. Мне казалось, что это может солдатам развлекаться, перестать жалеть себя и начать воспринимать двухлетнюю службу как нечто, что может оказаться приятным. Себя я выдвинул на роль экскурсовода. Когда командир спросил, есть ли у меня опыт, я ответил: «Я пересек океан, объехал всю Европу и, безусловно, знаю, что заинтересует моих товарищей». Чисто технически я не врал: я действительно только что пересек Атлантику, и мне казалось, что уж я-то смогу организовать небольшие поездки в интересные места.

К моему удивлению, на следующий день мне дали добро на экскурсионную деятельность. Мне выделили старую ветхую пристройку, чтобы я убрался в ней и переоборудовал ее под офис. Экскурсии выходного дня пользовались такой популярностью, что в наш автобус набивалось по сорок солдат за раз — хотя, подозреваю, их интересовали не столько мои информативные туры, сколько возможность сбежать от однообразия и серости армейских будней. В течение недели я как можно больше читал о местных достопримечательностях, а если не находил какой-то информации или ничего интересного, то все придумывал. Никто никогда не сомневался в правдивости моих слов. Впоследствии мы стали выезжать не только на выходные, но на две, три недели — в отпуск. Таким образом за два года я исколесил всю Европу и Северную Африку с караваном из сорока благодарных солдат. Я всегда очень реалистично оценивал ожидания своих подопечных. Трехдневная поездка в Париж произвела фурор: вместо того чтобы силком тащить ребят в оперу и музеи, я остановил автобус

у «Фоли-Бержер», выдал парням белые карточки с адресом нашего отеля и временем отъезда в воскресенье и предоставил им полную свободу. Я столько раз побывал на представлениях в «Фоли-Бержер», что мог заранее сказать, какие предметы туалета танцовщица снимет, а с какими ни за что не расстанется, чтобы ребята даром не свистели. Я бронировал отели и туры в интересные места по ценам, которые были солдатам по карману: я знал законы оптовой торговли и понимал, что группа может потратить на путешествие четверть суммы, заплаченной путешественником-одиночкой. Я выторговывал нам билеты в театр, столики в ресторанах, номера в отелях по всей Европе. Ребята платили совсем немного — ведь мы проходили как группа военнослужащих, и лишних денег с нас не брали. Особенно забавной вышла поездка на французскую Ривьеру — как же мы тогда хохотали! В конце выходных мне приходилось вытаскивать солдат из борделей; наш водитель останавливался у всех значных мест и собирал войска. В одну из первых поездок на Ривьеру мы ехали по главной улице Ниццы, и я не умолкая рассказывал об отелях и роскошных вечеринках, а потом мы подъехали к знаменитому военному мемориалу с видом на пляж. Сорок солдат вышли из автобуса, чтобы осмотреть мемориал и выслушать мой длинный рассказ о нем, когда же я обернулся спросить, остались ли у них вопросы, выяснилось, что за моей спиной никого нет: они все перебежали на ту сторону бульвара и разглядывали красивую женщину, загоравшую на пляже в чем мать родила. Все при этом щелкали фотоаппаратами. Потом явились французские полицейские и положили этому конец, загородив фигуристую даму.

Зимой мы ездили на выходные на модные горнолыжные курорты в швейцарские Альпы. Там у меня была возможность сколько угодно наблюдать за элегантными дамами, да и лыжи — мой любимый вид спорта. На склоне в Санкт-Морице в полвосьмого утра я был единственным катающим: высший свет на этом шикарном курорте показывал свои напудренные личики лишь ближе к двенадцати.

Я несся по горному склону, усыпанному свежим снежком, меж елей с пушистыми снежными шапочками, и не передать, что это было за прекрасное чувство. Я мчался вперед на невероятной скорости и чувствовал себя так, будто во всем мире не было больше никого! Мне всегда казалось, что нет лучшего места для общения с Богом, чем горы.

Такой шанс, какой выпал тогда мне, выпадает, наверное, только один раз. Я увидел людей, ведущих совершенно разный образ жизни, я узнал истинную мотивацию, побуждающую женщин носить модную одежду. Когда вы знакомитесь с привычками и повседневным распорядком женщин во всех частях света, вас настигает прозрение. Увидеть красивое платье и скопировать его в разных тканях — это может каждый, истинный дизайнер смотрит глубже и понимает причину создания вещи. Он видит ее дух. Так мы разглядываем произведения искусства в знаменитых музеях мира — не чтобы скопировать, а чтобы попытаться уловить то, что вдохновило художника на их создание. Часто людям, объехавшим всю Европу, так и не удается почувствовать истинный смысл искусства: они привозят домой лишь ворох поверхностных впечатлений.

Я прятал в своем шкафчике журналы мод, и это была, пожалуй, главная тема для шуток в нашем лагере. Я подписался на газету *Women's Wear Daily* и специализированное издание *Nats*. Знали бы вы, какой это вызвало скандал! Но через некоторое время ребята тоже захотели изучить эти журналы — главным образом, чтобы поглазеть на хорошеньких девушек. Помню, однажды в выходные я гулял по Парижу со Стеллой Дофрей — одной из самых красивых парижских моделей. Компания ребят из моего лагеря сидела в уличном кафе и тут увидела, как я прохаживаюсь по Елисейским полям под руку с этим восхитительным созданием. Они лишились дара речи. Парни понять не могли, как дятел вроде меня смог заполучить в подружки эту роскошную девчонку, хотя сами они сидели здесь все выходные и даже ни с кем не познакомились!

Тем вечером я вернулся в лагерь уже за полночь, и почти все легли спать. Я тихо разделся, лег в кровать, и тут включился весь свет, а парни потребовали отчет: где я подцепил такую красотку? У них-то сложилось впечатление, что я провожу все свободное время в музеях.

*

Через три месяца после моего прибытия в лагерь нашему командующему офицеру позвонил главнокомандующий соседнего лагеря. Он не сообщил, зачем звонит, лишь сказал, что ему нужно встретиться с рядовым Каннингемом. Это было очень необычно, и я понятия не имел, что могло понадобиться ему от меня, обычного рядового. В штаб-квартире меня встретили будто любимого родственника. Затем меня проводили в кабинет генерала, награжденного двумя звездами,

и представили этому высокому, подтянутому, почтенному джентльмену. Тот, кажется, был слегка смущен и сразу перешел к сути дела: оказалось, его жена узнала, что в свободное время я работаю в местной шляпной мастерской. Это была правда. Я готовил коллекцию шляп, намереваясь отправить их в Париж и продать парижским дизайнерам. По лагерю прошел слух, что один солдат шьет женские шляпы. Узнав, что мой секрет раскрылся, я чуть не упал в обморок. Вообразил, что на остаток службы меня посадят в карцер. Из головы улетучились все мысли, но генерал улыбнулся и сказал, что хотел бы использовать мой талант и открыть школу для офицерских жен и воинского персонала, поскольку в таких тяжелых жизненных условиях всем нужна отдушина. В мгновение ока в штаб-квартире соседнего лагеря обустроили класс и мастерскую, и теперь дважды в неделю к нашему ветхому лагерному общежитию подъезжал генеральский лимузин со звездочками и забирал меня со всеми моими перьями и лентами. Это было жутко смешно: смотреть, как я выхожу из барака и загружаю в машину ворох женских штучек. Командир нашего лагеря взирал на это с отвисшей челюстью.

Теперь в лагере все боялись взглянуть на меня косо и думали, что я какой-то родственник генерала. И никто больше не смеялся над тем, чем я занимаюсь. Для армейских нет ничего важнее иерархии, и так я, обычный рядовой, заручился всеобщим уважением, потому что разъезжал по округе на генеральской машине и делал шляпы для офицерских жен. А мои занятия по шляпному мастерству пользовались большим успехом. Теперь в перерывах между партиями в бридж — главным

развлечением здешних дам — жены офицеров украшали перьями и стразами головные уборы собственного изготовления.

Однажды в лагере воцарился настоящий переполох: из штаб-квартиры позвонили и сообщили, что сам генерал приедет повидаться с рядовым Каннингемом. Всем двумстам солдатам тут же велели наводить порядок. И вот машина генерала остановилась во дворе, и вышла его жена. Видимо, солдат, принявший звонок, все перепутал: на встречу с рядовым Каннингемом направлялся не сам генерал, а его жена. Я не принимал участия в уборке, так как был в городе в аукционном доме, где делал ставки на антикварную вазу. Полковник отправил за мной сержантов. Вернувшись, я обнаружил в своей кабине такую небывалую чистоту, что не поверил глазам. Шестеро солдат в ожидании инспекции вымыли пол и стены. Но никакой инспекции не было: мы с женой генерала просто приятно поболтали.

Как видите, я окончательно перешел на особое положение.

*

В свободное время я сшил несколько десятков шляп и в двухнедельную увольнительную направился в Париж, где как раз открывалась французская Неделя моды. Я показал свои шляпы многим дизайнерам, но никто ничего не купил. Хотя мадам Скиапарелли выглянула из-за шторы, когда я показывал свои модели персоналу ее салона. И в следующем сезоне в ее коллекции появились две модели, как две капли воды похожие на мои!

В Париже я пошел на встречу с представителем Madcaps — американской компании масс-маркет, каждый сезон закупавшей в Париже самые эксклюзивные модели. Агент сидел

в роскошном отеле с видом на Круглую площадь и дымил толстенной сигарой. Он напустил столько дыма, что я с трудом его нашел. Он мельком взглянул на мои шляпы и сказал: «Сынок, если ты не запустишь крутую рекламную кампанию в модном журнале, твои шляпы нужны мне как собаке пятая нога». Очень характерная позиция для американской моды: производителям и магазинам на тебя плевать, если твои шляпы не продвигаются в крупных СМИ. Мне кажется, они готовы продать ночной горшок вместо шляпы, если про него напишут в модном журнале. Неудивительно, что дизайнеры так боятся прессы. Не потому, что журналисты разбираются в моде, а из-за их влияния на покупателей.

Шляпы мои никому не подошли, но эти две недели я провел прекрасно: из Нью-Йорка приехали Нона и Софи закупить новые модели для Chez Ninon. Они ездили в Париж уже сорок пять лет и отвели меня на все модные показы. Мы должны были встретиться на первом показе у Жана Дессе — его салон находился в роскошном парижском особняке Эйфеля, того самого, что построил башню. Я пришел на полчаса раньше и стал ждать у подножия парадной лестницы, так как в тот самый момент в салоне находилась герцогиня Кентская и никого не пускали в комнату к Ее королевскому высочеству. Это был мой первый модный показ в Париже, и я так волновался! После ухода Ее высочества толпу журналистов запустили в салон подышать тем же спертым воздухом, что и герцогиня: в парижских резиденциях модных дизайнеров никогда не открывали окна из страха, что кто-нибудь заглянет в окно и украдет идею. Меня посадили в первом ряду у серого дивана, на котором всегда

сидели Нона и Софи. Диваны в Париже считались почетным местом, их приберегали для самых благородных гостей, которым дизайнеры хотели особенно угодить в этом сезоне. За эти диваны разыгрывались настоящие побоища. Я был разочарован, увидев, что среди присутствующих в зале совсем нет людей, которые, по моему мнению, могли бы носить прекрасную дизайнерскую одежду. Мне даже показалось, что там собрались какие-то оборванцы, и я все думал: а где же дамы, которые будут носить все эти платья? Оказалось, дамы приходят уже после того, как уходят журналисты.

Нона и Софи приехали на показ прямо из аэропорта, и когда они вошли в зал, у Ноны чуть не случился припадок. Оказывается, она сообщила всем и вся, что на показы ее будет сопровождать молодой военный, и очень этим гордилась. Каково же было ее разочарование, когда она увидела, что я не надел форму! После показа меня отправили в гостиницу, велел переодеться в унылую форму цвета хаки. Нона пришла в восторг, и, наверное, она была права, заставив меня сделать это, потому что на всех показах ко мне относились как к очень важному гостю. Парижский бомонд питал какую-то особую любовь к мужчинам в форме, и меня все время сажали в первый ряд (больше никогда мне не доводилось сидеть в первом ряду на модных дефиле). Думаю, никто не догадывался, что я даже не офицер. В том сезоне Юбер де Живанши открыл свой модный дом, и байеры в лобби отеля Ritz только и говорили о том, что это очередной пшик на сковородке. У Ноны и Софи были довольно консервативные вкусы, и они редко ходили на показы новых дизайнеров, пока те не утвердили свою репутацию,

поэтому на показ Givenchy меня взяла с собой мисс Кэй Сильвер, редактор рубрики моды журнала Mademoiselle. После показа она фотографировала одежду, и меня попросили позировать для некоторых из этих снимков. Я отлично провел время и увидел, как все устроено в доме моды начинающего дизайнера. Еще мы часто ужинали с Кармел Сноу, редактором Harper's Bazaar: они с Ноной и Софи дружили.

Пока я служил в армии, я каждый сезон подгадывал свой двухнедельный отпуск, чтобы провести его в Париже во время открытия Недели моды. Именно тогда я познакомился со всеми дизайнерами и байерами и присутствовал на бесконечных закупочных процессах, которые стали для меня бесценной школой. Нона и Софи делали заказы, а я выворачивал одежду наизнанку и смотрел, как она сшита. Вы даже не представляете, как вели себя производители одежды. Они были просто неподражаемы: стоило продавщице отвернуться, как они доставали сантиметры и начинали лихорадочно измерять модели, чтобы потом их скопировать; они прятали пиджаки от костюмов под стульями; укрывшись за пальмой в горшке, измеряли длину юбок; замеряли длину рукава, используя в качестве шкалы расстояние от кончика носа до пальцев вытянутой руки, — в ход шли любые трюки.

Больше всего воровали у Dior, так как в салоне всегда было полно народу — пятьдесят байеров как минимум. Чтобы уследить за нечистыми на руку ньюйоркцами, продавщицам понадобилось бы по десять пар глаз. Работали вдвоем: один отпарывал рукав, второй отрывал пуговицы. А когда продавщицы возвращались, производители напускали на себя такой

расслабленный и невинный вид, что, глядя на них, я помирал со смеху. Но и продавщицы были не промах. Коллекции Dior всегда были самыми шикарными в Париже и выглядели самыми дорогими. Нона и Софи обожали Dior и покупали там больше всего одежды.

Сильнее всего мне хотелось увидеть коллекцию Жака Фата, но Нона с ее консервативными вкусами всегда пропускала показы этого оригинала. А вот мы с Софи наслаждались его ослепительным талантом. Звездой собственного показа всегда был сам Фат: он врвался в салон в середине дефиле, обычно одетый в штаны с подтяжками, как у ковбоев из американских вестернов, и белую рубашку, распахнутую до самой талии. Расцеловав руки любимых клиенток, он доводил до полуобморочного состояния половину женщин в зале, так как был умопомрачительно хорош собой. Это было замечательное представление, и все его любили.

Впрочем, Нона весь показ ворчала и стонала: ей было жалко денег, потраченных на «театральную» одежду, которую никто не купит. Софи же нравился жизнерадостный стиль Фата, а меня завораживала вся эта модная драма. После каждого показа байеры и журналисты встречались в лобби отелей George V или Ritz и обсуждали, стоило ли платить две тысячи долларов за вход (это была плата для коммерческих байеров, которую затем, впрочем, вычитали из суммы заказа). Журналисты попадали на премьерные показы бесплатно и делились своим мнением с байерами. Мне всегда казалось, что со стороны кутюрье это очень неумный ход, так как большинство журналистов не имеют ни малейшего представления о том, как

живут и как предпочитают одеваться женщины с изысканным, роскошным вкусом. И вместе с тем оборванцам от прессы (так их называли в модных домах) преподносили кнут на золоченом блюдецке.

Через пару часов после показа байеры и некоторые журналисты с фотографической памятью могли в деталях зарисовать всю коллекцию, состоявшую из двухсот моделей. Эти рисунки затем продавали плагиаторам. Многих ловили на показах с миниатюрными камерами — шпионским оборудованием, — спрятанными в трости, зонтике и так далее. Однажды редакция газеты, которой отказали во входе на показ, сняла комнату напротив салона кутюрье и установила там специальный телескоп, через который посмотрела дефиле. Прodelки итальянской мафии — детский лепет по сравнению с тем, что творилось в Париже.

И по прошествии этих двух недель я возвращался к своей армейской жизни и продолжал колесить по Европе со своими сорока солдатами. Признаться, мне почти стыдно рассказывать о том, как я служил в армии!

Я с нетерпением ждал того дня, когда снова смогу вернуться к своему бизнесу, и был полон веры в себя и желания продолжать. Вдохновение, которое получает мир моды от парижских дизайнеров, несравнимо ни с чем. Париж — лаборатория моды, именно там рождаются все новые идеи. Французы смешивают ингредиенты и экспериментируют, не торопясь. (Работа этой лаборатории дорого обходится: именно поэтому стоимость одной вещи для производителей с правом копирования составляет около полутора тысяч долларов.) Американские дизайнеры в 1950-е на девяносто восемь процентов находились

под влиянием парижских, хотя немногие готовы были признать, что «их» идеи на самом деле взяты из французских коллекций и замаскированы под «свои» в нью-йоркских мастерских. Разумеется, в том нет вины американских дизайнеров: наша система, ориентированная на большой бизнес и получение прибылей, не оставляет времени для настоящего творчества. Но настала пора гигантам американской моды обустраивать свою лабораторию. Парижская мода haute couture одряхла и еле держится на ногах, нельзя больше жить по законам старого мира.

Как видите, в армии я весело провел время. Весной в Париже проходил великолепный костюмированный бал для студентов художественных училищ, и все направляли свою творческую энергию на создание невероятных костюмов. Помню, как ехал по парижским улицам, высунувшись в люк такси на крыше, потому что был одет гигантским лобстером с большой головой и клешнями, не помещавшимися в салон. Я остановился в Hotel de Vendome, где жили Нона и Софи. В их комнатах сохранился весь декор со времен императрицы Евгении. Софи очаровала владельцев отеля, и те разрешили мне поселиться в номере с мансардой и видом города всего за два доллара за ночь. Почтенные постояльцы отеля были весьма обескуражены, увидев, как я спускаюсь по парадной лестнице в костюме лобстера из ночных кошмаров. Но французы благосклонно относятся к людям с фантазией, и весь город, кажется, радовался студенческому балу. Помню, как мы свободно носились по улицам города, водили хороводы между столиками уличных кафе на Елисейских полях, вызывая переполох среди посетителей. Некоторые из нас были почти голыми!

БЛАЖЕННАЯ СВОБОДА

После армии мне отчаянно хотелось скорее вернуться в Нью-Йорк и шить, шить, шить шляпы — как можно больше новых шляп! Я демобилизовался в июне 1954 года и провел лето в доме у своего армейского приятеля Джека Беркарда на Лонг-Айленде. Его мама разрешила мне устроить небольшую мастерскую в подвале их дома, и там я сшил небольшую коллекцию шляп.

В декабре я нашел скромный кирпичный особнячок на Пятнадцатой четвертой улице на Вест-сайте. Здесь разместилась моя мастерская на последующие восемь лет. Это был дом с узким фасадом, зажатый между отелем Dorset и спортивным клубом. Я арендовал первый этаж за сто сорок долларов в месяц, — очень недорого для такого места. В голове роились идеи, как там все переделать. Владелец, мистер Кэй, был известным

реставратором произведений азиатского искусства и работал исключительно с миссис Дорис Дьюк. Дорис часто сидела у меня в салоне и рассказывала про свой сад в поместье в Нью-Джерси — мистер Кэй обустроивал превосходные японские сады.

В кирпичном особняке с высокими потолками раньше располагалась уродливая ночлежка, и чтобы вернуть ему былое благородное очарование, потребовалось призвать на помощь все мое воображение. На первом этаже находилась небольшая приемная, за ней — коридор с лестницей на второй этаж, где размещались квартиры, а в глубине дома — просторный салон. Это был типичный нью-йоркский особняк из кирпича, обитый темными деревянными панелями по моде рубежа XIX–XX веков. Мне было невыносимо на них смотреть, и я тут же покрасил их в белый. Владелец чуть удар не хватил, когда они увидели свои прекрасные деревянные панели, выбеленные, как лицо гейши. Чтобы скрыть контраст между «моей» частью дома и остальной, мне разрешили отделать мои две комнаты стеной — таким образом, я смог полностью распоряжаться своей половиной узкого дома. В то время в Нью-Йорке действовал дурацкий закон, запрещавший отрезать коридор от остальной части дома, поэтому я оставил в стене двухметровый проем и закрыл его венецианской шторой. Всех моих нью-йоркских знакомых шокировала идея использовать штору вместо двери. А я доверял людям, и за годы меня лишь ограбили лишь однажды, и то моя собственная клиентка, которая украла шарф из русского соболя (спрятала его под пышной юбкой). Хозяева дома были очень добры ко мне и разрешили сделать навес над центральным входом и поставить по обе стороны от двери топиарии в форме женских голов. Эти деревья

привлекали немало внимания к моему салону и стояли на улице в дождь и снег, я украсил их длинными висячими сережками из пластика — подвесками от люстры.

Я особенно гордился своими рождественскими и пасхальными инсталляциями: в праздники я давал волю своей страсти к украшательству. На Пасху все восемь ступеней лестницы были усеяны тюльпанами и лилиями, а деревья в виде голов я красил свежей зеленой краской и вплетал им в прически цветы. На Рождество я отрывался по полной. Как-то раз я принес сотни веток, покрасил их белой краской и соорудил настоящий лес на ступенях и в витринах. Ветки были двухметровыми, и я повесил на них тысячи крошечных зеркал. Они плясали на холодном зимнем ветру, и отражающийся в них дом тоже танцевал.

А вершиной всего этого великолепия были два громадных — больше, чем в натуральную величину — красных павлина, расшитых блестками. Они стояли наверху лестницы по обе стороны от двери вместо топиариев. Эффект был невероятным: моя инсталляция привлекала не меньше туристов, чем елка в Рокфеллер-центре. Но, по правде говоря, мои художественные изыски никогда не способствовали увеличению покупательского потока. Люди боятся магазинов, которые оформлены слишком шикарно, боятся заходить внутрь. Однако для меня это был чудесный повод дать волю фантазии. К тому же на Рождество шляпы покупали редко.

На втором этаже особняка жила известная модель. Ослепительная красотка, она позировала в том числе и в моих шляпах и приводила в гости своих знаменитых бойфрендов, среди которых был Али Хан и столько кинозвезд, что я даже начинать

перечислять не буду. А в глубине второго этажа обосновалась француженка, дизайнер платьев — очень жизнерадостная дама. Часто, шив — от и до своими руками — очередное платье, она выходила выгуливать его в El Могоссо при полном параде. Ее салон был темным и загадочным, как французский будуар, она жгла благовония, и их экзотический запах часто проникал и в квартиру этажом выше, принадлежавшую нашей домоправительнице — степенной, практичной немецкой фрау из Пруссии. Фрау хозяйка постоянно удивлялась нашей француженке. В самые холодные дни зимы француженка жаловалась, что в комнате не работает отопление, и тогда хозяйка в толстом шерстяном белье и десяти свитерах спускалась по лестнице, освещаемой лампочкой в пятнадцать ватт, с огромным термометром в кулаке — шла доказывать мадам, что отопление отлично работает. Она стучалась в дверь и, к изумлению своему, обнаруживала француженку в одних трусах и лифчике, хотя на улице был холод и десять градусов. А дело в том, что мадам не могла работать одетой, вдохновение к ней приходило, только когда она бегала в negligé. Хозяйку это приводило в бешенство, она начинала дико орать и до смерти пугала моих клиентов.

*

У меня было правило: начинать каждую неделю с самого любимого занятия. Я любил цветы и в полшестого утра каждый понедельник ходил на нью-йоркский цветочный рынок, где утро сияло всеми красками природы. Там я покупал свежие цветы охапками, и всю неделю в моем салоне витали чудесные ароматы. Я до сих пор позволяю себе эту роскошь и благодаря ей чувствую себя счастливым всю неделю.

Блаженная свобода

Самый безумный шляпник William J.

Приглашает вас

на самое безумное чаепитие

20 ноября в 15 часов

Западная 54-я улица, 44

Подтвердите свой визит

*Вы просто не можете не прийти, моя дорогая, новые летние шляпы
слишком безумны, это надо видеть!*

Mad Mad Hatter, William J.

invites you to a

Mad Mad Mad

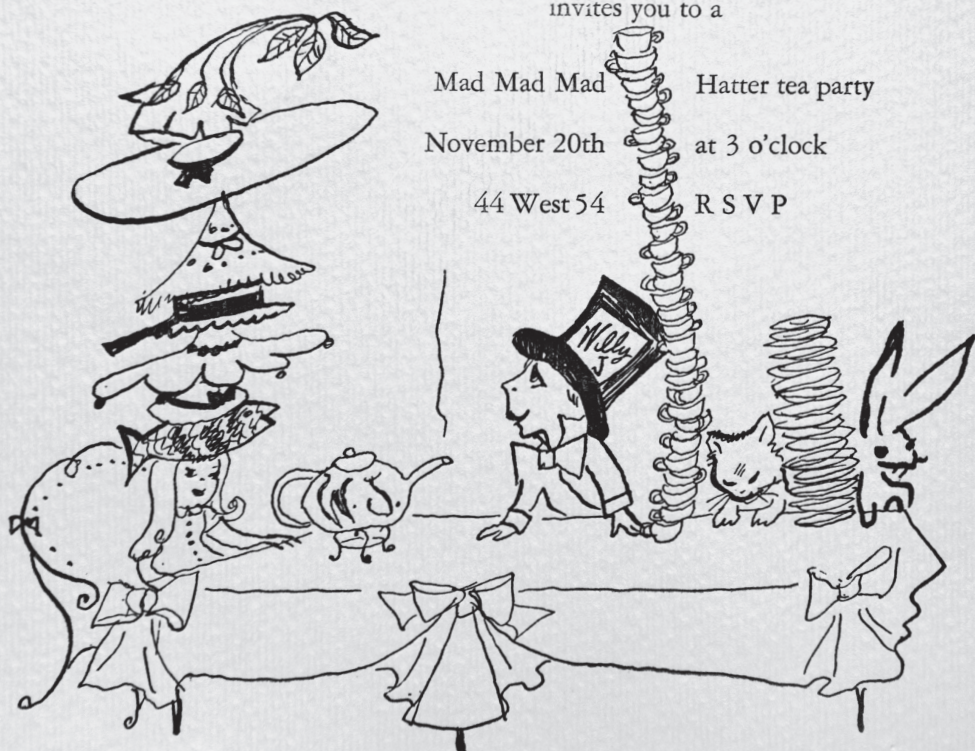
Hatter tea party

November 20th

at 3 o'clock

44 West 54

R S V P

You simply must come, my dear, The new beach hats are too mad for words.

Понедельник не должен быть тяжелым. Если бы все мы начинали рабочую неделю с самого приятного занятия!

Цветы цветами, а в остальном я никогда не придерживался мнения, что сперва нужно отремонтировать и обустроить помещение, а потом уже открываться. Мне хотелось начать вести бизнес немедленно. Как только я арендовал особняк, я тут же перевез туда все свои творения и материалы из дома Беркардов на Лонг-Айленде и уже через десять минут после переезда помыл парадное окно и выставил в нем свои шляпы. Денег у меня было очень мало, а после истории с миссис Харкнесс я твердо решил не принимать больше финансовую помощь. Переступив порог нового салона, я бросил все силы на поиск клиентов и начал шить днями и ночами. Из-за ложной гордости я ни разу не обратился за помощью к своей бостонской семье. С момента моего приезда в Нью-Йорк в 1948 году я не одолжил у них и десяти центов.

Помню, как универмаг Bergdorf's заказал у меня пару моделей по двадцать долларов за штуку, и мне также пообещали повторный заказ. У меня не было ни цента, и тогда я пошел к дяде и попросил у него двадцать долларов займа на покупку материалов. Мне понадобилось призвать на помощь всю свою смелость, ведь дядя меня бойкотировал. Он был добрым человеком, но считал, что я позорю его, выбрав карьеру в мире моды. Он подверг меня допросу третьей степени, и в итоге я разрыдался, мне казалось, что заказ Bergdorf's для моего магазина — дело жизни и смерти. Наконец он дал мне двадцать долларов себе наперекор, ведь он считал, что, давая мне деньги на шляпы, поощряет самое презренное дело. Вот если бы я попросил

у него денег на что угодно, кроме шляп, то мог бы рассчитывать на любую сумму. И вот, зажав заветную двадцатку в горячей ладони, я бежал по Пятой авеню в магазин тканей и материалов. Но оказалось, тем же утром туда явились байеры из Bergdorf's и скупили все до последней соломинки. Позднее я узнал от одной клиентки, что они скопировали мой дизайн и продавали эти шляпы по шестьдесят пять долларов за штуку. Это было неприятно, но для розничных торговцев такое поведение было типичным. Я обнаружил, что магазины и производители одежды масс-маркет, за редким исключением, пренебрегают деловой этикой, даже если речь идет о работе с начинающими талантливыми дизайнерами, которые, возможно, спустя годы им еще пригодятся. Общепринятая практика заключалась в том, чтобы издали наблюдать, как дизайнер кровью и потом зарабатывает свой успех и влияние, а как только это происходило, байеры накидывались на него, как стервятники, выжимали досуха и оставляли выживать самостоятельно.

Но в целом мой новый магазин, несмотря на скромное начало, сразу же принес мне счастье. Я разместил салон в первой комнате, самой маленькой, а мебель купил на распродаже при ликвидации известного модного дома. Всего за пару долларов мне удалось купить столы, стулья и различные материалы для изготовления шляп. Перед уходом с распродажи я заметил огромный мусорный контейнер, в котором лежала груда нейлоновых занавесок — сотни и сотни метров. Я забрал занавески, постирал их в ванной. После стирки оказалось, что занавески выглядят прекрасно, и я задрапировал ими каждый сантиметр своего нового салона, включая потолок. Получилось

нечто вроде томного гарема, что меня весьма обрадовало, так как стены и потолки в здании были в ужасном состоянии.

Нона и Софи из Chez Ninon присылали ко мне всех своих клиентов. Многим это было в новинку — ведь эти роскошные дамы редко выходили за пределы Пятой авеню и оказывались в наших краях, в Вест-Сайде, разве что по пути в оперу в понеделник вечером. Помню, как ко мне приехала миссис Уильям Вудвард на шикарном линкольне и поднялась по лестнице. Она сказала, что если бы знала, что магазин находится на Вест-Сайде, то в жизни бы не приехала сюда, достала из сумочки шляпку, купленную в Париже, и попросила ее скопировать. Я же ответил, что на Вест-Сайде мы не копируем, а *создаем* шляпы, и посоветовал вернуться на Ист-Сайд, где она наверняка найдет хорошего плагиатора. Миссис Нильсен была в мастерской и все слышала. Она чуть не убила меня за то, что я отшил такую влиятельную даму, особенно учитывая наше отчаянное финансовое положение. Но я не сомневался, что мы сможем заработать на продаже шляп моего собственного дизайна.

Еще одной дамой, очень боявшейся Вест-Сайда, была миссис Меллон Брюс, одна из богатейших женщин мира. Она тоже приехала по рекомендации Chez Ninon, и я никогда не забуду испуганного выражения на ее лице, когда она вышла из лимузина и попала в мой гаремный шатер. Декор так ее смутил, что она купила две шляпы, лишь бы поскорее убраться из магазина. И никогда больше не возвращалась.

Когда ко мне приходили кинозвезды, я сначала был рад их видеть, но после первых нескольких раз решил, что никогда больше не хочу знакомиться с актерами вне экрана, так как

в жизни это совершенно другие люди и разница порой очень разочаровывает. Например, однажды ко мне пришла Лесли Карон, и я не поверил своим глазам. Я только что посмотрел фильм «Лили», в котором она играла обворожительную, милейшую девушку. Но в жизни она оказалась очень застенчивой и совершенно не производила впечатления. Как я был разочарован! И решил, что лучше со звездами не знакомиться, иначе иллюзия лопается как мыльный пузырь.

На заре своей карьеры я подрабатывал статистом в «Метрополитен опера». Те, кто просто шествует по сцене с копьем в «Аиде», получают два доллара. Мне платили целых четыре доллара, так как я разрешал выкрасить себя в черный цвет и помогал нести трон Аиды. Эту подработку я нашел благодаря моей клиентке, оперной певице Милдред Миллер, но после нескольких спектаклей мне пришлось уволиться. Дело в том, что волшебный восторг, который я испытывал, находясь в зале, за сценой улетучивался. Королева Нила сидела и читала детектив, а услышав сигнал к выходу на сцену, преображалась в опытную соблазнительницу. Все мои иллюзии рухнули, и с тех пор я считаю, что публике ни в коем случае нельзя знать подноготную любой индустрии, — ведь тогда волшебство улетучивается на глазах. Именно это случилось с индустрией моды после войны. Начиная с 1950-х годов клиентам слишком много рассказывали о том, что происходит за кулисами. Теперь они знают столько же, сколько профессионалы, и, заглянув в подсобку бело-золотых салонов кутюрье, потеряли интерес. Мне кажется, в будущем высокая мода уйдет в подполье, чтобы вернуть себе ауру таинственности.

Весной 1954 года я представил первую официальную коллекцию в новом салоне. На показ пришли около десяти журналистов и множество моих друзей. В крошечном салоне нашлось место лишь для двенадцати стульев, и мы посадили моих друзей в мастерской. Они аплодировали мне, как будто я — их любимое дитя. А мои собственные родители впервые пришли на мой показ лишь много лет спустя. Очень долго они стыдились моего занятия и так до конца и не смирились с ним. В той первой коллекции было семьдесят пять шляп, и хотя мне казалось, что каждая из них абсолютно оригинальна, на самом деле в большинстве моделей прослеживалось влияние парижских дизайнеров. Забавно, но пресса всегда выделяла те мои шляпы, в которых чувствовалась индивидуальность. Самое сложное в дизайне — долгие и трудные годы, когда дизайнер пытается освободиться от сторонних влияний. Публика обычно этого не замечает, но дизайнеры в глубине души отлично понимают, какие идеи они позаимствовали и у кого, даже если заимствование хорошо замаскировано. И каждый раз, когда дизайнер смотрит на созданное им пальто, костюм, шляпу, он вспоминает, что это не целиком его творение. К счастью для бизнеса, байерам обычно на это плевать, наоборот, они поощряют дизайнеров заимствовать друг у друга сколько угодно, главное, чтобы конечный продукт хорошо продавался. Именно по этой причине дизайнеры часто бывают несчастны. Их жизнь — постоянная фрустрация, в глубине души они сознают, что не освободились от копирования и их личный стиль так и не сформировался. Именно поэтому в любую эпоху в мире очень мало истинных творцов. Большинство дизайнеров — просто стилисты или хорошие редакторы.

Я сумел полностью освободиться от внешних влияний лишь к осенней коллекции 1955 года. И это связано с историей, за которую мне до сих пор стыдно. Но я вечно буду благодарен за случившееся. В New York Times опубликовали фото моей шляпки-колокольчика с зигзагообразным краем и поставили на видное место в рубрике моды рядом с моделями Адольфо — одного из настоящих творцов. А эту идею я взял у Адольфо: похожая шляпа была у него в прошлом сезоне. Когда я увидел фото этой шляпы, подписанное моим именем, мне стало так стыдно, что я поклялся никогда больше не поддаваться чужому влиянию, даже если сам не смогу придумать ничего путного. Я поклялся, что в будущем мои шляпы будут отражением лишь моих собственных мыслей и чувств. С того момента я ощутил себя свободным, и работа дизайнера стала приносить мне истинное счастье, которое ничто уже не смогло бы разрушить. Я стал создавать лучшие шляпы и часто задавал тенденции за годы до парижских дизайнеров. Лишь освободившись от копирования, дизайнер обретает возможность беспрепятственно выразить то, что у него внутри, то, в чем он порой сам не отдает себе отчет до тех пор, пока не воплотит это в дизайне.

Подготовка новых коллекций весной и осенью приносила мне огромную радость. За два месяца до показа я переставал назначать встречи, видаться с друзьями — только принимал клиентов в течение дня. Но стоило миссис Нильсен отложить иглу и уйти домой, как я запирал дверь, выключал телефон и оставался наедине со своими мыслями. Я творил весь вечер. Это было самое прекрасное время. Я доставал фетр, драпировал его складками, натягивал, фантазия приводила в движение

Блаженная свобода

Публикация в майском номере Glamour —

шляпка для работающих девушек

Идеальна для путешествий

Шляпа-веер William J.

Складывается, как веер

Не занимает места

EDITORIALLY FEATURED IN MAY GLAMOUR, for the girl with a job

the travel-perfect

William J. FAN HAT

folds like-a-fan

for little-space packing

мои пальцы. Порой пальцы словно начинали жить своей жизнью, и я мог сделать тридцать шляп за вечер — шил их одну за другой. А были дни, когда ничего не выходило, как я ни старался. В такие вечера я надевал коньки и шел на каток в «Радио-сити», кружился и бегал на холодном ветру. Что-то внутри меня требовало выхода, и через час или два я возвращался в магазин и снова мог шить шляпы.

Однажды в снежную ночь я отложил шитье примерно в двенадцать часов и пошел гулять с собакой. Снег нанесло глубокими красивыми сугробами. У отеля Plaza стояли сани, запряженные лошадьми. Я сел в них и прокатился по Центральному парку, чувствуя, как пробуждается вдохновение.

В то время у меня было не так уж много друзей, ведь шляпы занимали все мое время, дни и ночи. К тому же работа приносила мне столько удовлетворения, что я не ощущал потребности в общении с людьми. Но те немногие друзья, с кем я все же поддерживал контакт, всегда ужасно злились, когда наступало время готовить коллекцию. Они не понимали, почему в это время я их избегаю. Но мне казалось, что люди могут повлиять на меня, и я старался этого не допустить. Я никогда никому не рассказывал о грядущей коллекции и не показывал ничего до самого дефиле. Причиной такой секретности был не темперамент и не страх, что мой дизайн украдут, а то, что люди всегда начинали давать советы. Особенно это касалось тех шляп, которые были единственными в своем роде и не похожими на чьи-либо еще. Меня нещадно критиковали, а критика для дизайнера смертельна и убивает вдохновение в те важные часы и дни, когда мы творим. В день, когда

я заканчивал творить и показывал свою коллекцию, пресса, байеры и друзья могли говорить мне все что угодно, мне уже было все равно. Я искренне выразил себя своей коллекцией, она была моей до последнего стежка, и все сказанное после уже не имело для меня значения.

При этом меня часто злило невежество журналистов. Нередко по описанию было непонятно, о какой модели идет речь. Но больше всего меня бесили целые развороты, которые пресса посвящала своим любимчикам, из года в год показывавшим одно и то же старье. После каждого показа я впадал в глубокую депрессию, чувствовал себя выжатым как лимон, да и обстоятельства этому только способствовали. Байеры требовали внести изменения в дизайн, а мои самые оригинальные модели никогда не покупали. Миссис Нильсен всегда была рядом, чтобы приободрить меня и успокоить добрым словом. Каждое утро по пути на работу она заходила в собор Святого Патрика и молилась. Иногда приносила святую воду и обрызгивала ей магазин. Уверен, это помогло нам преодолеть многие трудности.

*

Я жил в комнате в глубине дома, той же, где мы шили и придушивали шляпы. Каждый вечер перед сном мне предстояла задача отыскать кровать под грудой шляп. Бизнес рос, и все заработанные деньги я тут же вкладывал в дело. Я никогда не тратил на себя, не оплатив все счета. В первые четыре года меня вышвырнули из семи банков: я выписывал чеки, не имея денег на счету. Мне всегда казалось, что я сумею насобирать нужную сумму вовремя, но мое отсутствующее деловое чутье и банковская система были трагически несовместимы. К счастью, меня

это не очень беспокоило, ведь в итоге я все равно возвращал долги. (Как только я смог себе это позволить, то нанял бухгалтера: он следил, чтобы мои финансовые дела были в порядке.)

Худший сезон для шляпного бизнеса — лето: в мае, июне, июле и августе покупатели могут не появляться неделями. Чтобы свести концы с концами и бесплатно питаться, на лето я всегда устраивался работать в ресторан. А миссис Нильсен подкладывала в мою обувь картонные стельки, чтобы закрыть самые большие дыры. Она вырезала их из плотного картона, на который наматывали тонкую вуаль.

Но летом 1955 года меня ждали перемены к лучшему. Тогда я придумал шляпку из плиссированной вуали, и это спасло меня в голодный летний сезон, а салон заработал достаточно денег на создание осенней коллекции. Девушка, с которой я тогда встречался — Эстель Нотон, — работала в Glamour и показала редакторам мою идею, те поместили ее в майский номер и разослали мою рекламу своим клиентам. Эта шляпка была по-настоящему новаторской и приносила мне прибыль еще восемь лет. Я использовал для нее черную нейлоновую сетку Масу's по двадцать восемь центов за ярд, которую мы плиссировали. Шляпка складывалась и раскладывалась, а по форме напоминала треугольные головные уборы азиатов. Мы продали сотни таких шляп по цене 10 долларов 95 центов — прибыль была ошеломляющей. Будь я прозорливым дельцом, я пустил бы их в производство.

На второй год я не хотел делать эти шляпы: мне казалось, что повторяться нечестно, — но моя подруга миссис Мэк пригрозила, что изготовит копию в другом ателье, если

я не сделаю ей еще одну такую же. С тех пор каждый сезон мы повторяли дизайн.

Нашим следующим коммерческим и творческим успехом были смешные шляпы для пляжа. Придумывая их, я дал волю фантазии — ведь с пляжными шляпами не надо было думать о толпе нудных старушек, сетующих, что шляпа не подходит к пальто или костюму. Большую популярность салону принесла огромная, размером с зонтик, соломенная шляпа с длинной целлулоидной бахромой, пришитой к полям по краю и свисающей до самого пола. Идея с бахромой пришла мне в голову, потому что я терпеть не могу солнце: я решил сделать что-то вроде портативного пляжного бунгало с тростниковой крышей. Короче говоря, журнал *Look* отвел этой шляпе целых три полноцветных страницы! Не думаю, что кто-то надевал ее на пляж, разве что смеха ради, но как шляпа для вечеринок она имела огромный успех. Ее надевали на маскарады и неизменно выигрывали первый приз. Однажды я и двое моих друзей надели эти шляпы в черном цвете на студенческий бал для учащихся художественных колледжей. Мы изображали трех ведьм из «Макбета». К нашему большому удивлению, мы выиграли первый приз — пятьсот долларов. С каждым годом мои пляжные шляпы становились все более популярными. И делать их было одно удовольствие. В один год я придумал шляпы в виде яблок, апельсинов, груш и моркови, а также шляпу в форме ломтика арбуза. На следующий год была шляпа в форме рыбы, немало повеселившая отдыхающих на пляжах Америки и Европы. Потом я сделал коллекцию шляп в форме ракушек. Одна шляпа получилась такой большой, что

мне пришлось вымачивать солому в ванне, наполненной водой, а затем скручивать ее в форме гигантской спиральной раковины. Другая шляпа имела форму жемчужной раковины, роль жемчужины играла голова. К сожалению, эти шляпы продавались хуже, так как стоили от двадцати пяти до тридцати пяти долларов, и даже несмотря на столь высокую цену, я не получил с них много прибыли. Все доходы достались плагиаторам, которые наделали кучу дурных копий и продавали

их тысячами. (А однажды знаменитый итальянский дизайнер сделал шляпу в форме рыбы через год после того, как ее придумал я, и сказал, что это его собственный дизайн. Мне, признаюсь, было очень приятно осознавать, что теперь я оказываю влияние на европейских дизайнеров.)

Зимой я делал теплые шапочки для тех, кто катается на лыжах и коньках. Одна моя коллекция зимних шапок произвела фурор, их много копировали, а я заработал кучу денег. Это были шапочки в форме животных, с милыми мордашками из фетра на затылке: львы с гривами из шерстяных ниток; мудрые совы с жемчужными моноклями; слоны и пудели. Самой удачной оказалась простая шапка кошки из белого материала, похожего на мех, у кошки были усы из перышек и самые томные голубые глаза, которые вы когда-либо видели. В первый год мы продали, наверное, около пятисот экземпляров по шестнадцать долларов за штуку. Журналы активно рекламировали эти шапочки, и в следующем году их скопировали все производители детской одежды от побережья до побережья: не было, наверное, ни одного карапуза, который не щеголял бы в такой шапке. А я помню, что показал эту шапку байеру из Масу's, и тот погнал меня взащей — мол, идея дурацкая. Вот почему я никогда не доверял мнению так называемых профессионалов: большинство из них понятия не имеют, что такое хорошая идея, они узнают об этом, лишь когда идея начинает продаваться.

Был еще один случай: я представил коллекцию весенних шляп с цветами, которые росли как будто из головы. Байеры в голос закричали: «Что за бред! Вы растрчиваете свой

талант!» — и выбежали из магазина. Через месяц они увидели абсолютно такие же шляпы в знаменитом парижском доме моды. Я до сих пор храню их телеграммы с отчаянными мольбами, в которых они заказывают несколько десятков моих «бредовых» шляп и велят как можно скорее доставить их в магазин. Вот в чем сложность работы в модной индустрии в Америке. Байеры и пресса не могут распознать новый перспективный тренд, если он рождается в маленьком доме моды, они провозглашают его бредовым, но меняют свое мнение, увидев ту же идею у дизайнера с именем. Они начинают расхваливать ее и называть чудесной, но при этом крайне редко помнят, кому она принадлежит на самом деле. Меня просто убивает эта резкая перемена настроений, особенно у журналистов.

Коммерчески успешные модели привели к потрясающему росту моего бизнеса. Первый действительно крупный заказ поступил от рекламного агентства. Ему нужны были сто пятьдесят одинаковых соломенных шляп: их отправляли клиентам как часть рекламной акции одного из товаров. Шляпа была очень оригинальной: соломенный конус бледно-розового цвета с женской головкой из фетра спереди, к фетровым губам была приклеена настоящая сигарета, из уха свисала длинная хрустальная сережка, а волосы я сделал из розовых перьев. Эта шляпа попала во все журналы, и рекламная кампания моих клиентов стала сенсацией. Вторым крупным клиентом стала компания American Cyanamid. Химическое подразделение этой фирмы разработало особый вид бумаги, который планировалось использовать в модной индустрии. Меня выбрали для создания шляп из новой бумажной ткани. Первой

контракт предложили Лилли Даш, но та затребовала пятьсот долларов за шляпу, и консервативная администрация American Cyanamid пошла на попятную. А тут как раз кто-то упомянул William J. Мы сошлись на семидесяти пяти долларов за штуку. За три года они заказали у меня несколько сотен шляп. Это было потрясающе: никаких примерок, просто делай шляпы и отправляй. Проще пареной репы!

Авиакомпания American Airlines использовала одну из моих самых красивых шляпок с перьями в общенациональной рекламе, но мне так и не заплатили, хотя сделали фото, которое потом печатали в журналах по всей стране. Представители компании утверждали, что заключили сделку с фотографом, а тот просто одолжил у меня шляпку для «пробных» фото моей подруги-модели. Короче говоря, они не заплатили даже за саму шляпу, которая стала звездой их полностраничной рекламы. Я удивился такой бессовестности. Но это бизнес — случается всякое. К счастью, порядочных бизнесменов намного больше, чем нечистых на руку, — по крайней мере, хочется в это верить. И все же каждому дизайнеру неплохо бы обзавестись здравомыслящим деловым партнером сразу после открытия бизнеса. Большинство дизайнеров терпят неудачу из-за плохого менеджмента. Хороший дизайн — лишь тридцать процентов нашей работы, что бы ни говорили ваши друзья-эстеты.

Моим первым крупным клиентом из розничных универсамов стал магазин Macy's, покупавший продукцию у дизайнеров оптом. К сожалению, мы не сработались, потому что розничная цена на шляпы должна была составлять около двадцати пяти долларов, а себестоимость, соответственно, двенадцать

с половиной. Шляпа, сшитая вручную, не может стоить так дешево. Тут нужен завод, где шляпы делают машины. В оптовой торговле очень высокая конкуренция, и ремесленникам в этом бизнесе делать нечего. Весь американский образ жизни основан на оптовой торговле, а маленькие компании, делающие штучные товары на заказ, принадлежат к миру истинной роскоши. Они выживают лишь благодаря неустанному труду и упорству своих владельцев. В отличие от массового производства, ручная работа дает большой простор для самовыражения. Но сейчас все реже встречаются покупатели, понимающие ценность индивидуального высказывания дизайнера, которое принимает форму двух коллекций в год, выпущенных ограниченным тиражом. Однако мода выходит на следующий виток, и новым статусным символом станет индивидуальность. В моде грядет эпоха свободы самовыражения.

Итак, в 1950-е я расширил свой бизнес, и к 1956 году на меня уже работали пять модисток. Разумеется, они шили не круглогодично. На деле мы работали всего половину года: сентябрь, октябрь, ноябрь, затем февраль, март и апрель. Но несмотря на то что дела мои пошли в гору, широкая публика так и не приняла мои лучшие шляпы. Проблема заключалась в том, что мои лучшие модели опережали свое время года на два-три, и люди были просто к ним не готовы. Клиентки, которые знали меня хорошо, часто покупали мои шляпы, убирали их примерно на год и затем начинали носить. Правильно выбранный момент — одна из важнейших составляющих дизайна. В дизайне все как на фондовой бирже. Идеальным чувством момента обладал дизайнер платьев Норман Норелл. Он знал, когда

публика готова принять ту или иную новую идею. Я долго наблюдал за ним и сейчас понимаю, что это был его главный вклад в моду. Я же никогда не умел (и не хотел) ждать нужного момента и не понимал, что это значит. Мне даже нравилось шокировать людей. Успеху моего бизнеса это не способствовало.

В июле 1956 года я готовил осенний показ, и у меня было чувство, что он станет одним из самых удачных. В то время в Нью-Йорке находились журналисты из других городов, а они никогда не видели мою работу. Я попытался договориться о пресс-показе с лидером их группы — Элеонор Ламберт. Она работала в нью-йоркском рекламном агентстве и вела колонку в газете. Элеонор ответила, что для моего показа у нее нет времени, так как в сетку пресс-показов включают лишь крупные модные дома. Я так рассердился, что решил провести этот показ во что бы то ни стало. Мы же в Америке, черт побери, думал я, у нас свободная страна. Иногда патриотизм просыпается лишь тогда, когда кто-то переходит тебе дорогу.

За две недели я заглянул в календарь пресс-показов и увидел, что заняты все дни и часы, свободными были только ночи, от полуночи до семи утра. Я заметил, что в один из дней двести журналисток из разных городов должны были посетить новый спектакль «Моя прекрасная леди», который спонсировал один богатый промышленник, и понял, что это мой шанс. Я назначил свой показ на двенадцать часов, сразу после театра. Это вызвало шквал протестов: представьте, что вы бросили гаечный ключ в работающий механизм из шестеренок, и вы поймете, что последовало. У Элеонор Ламберт случилась истерика, а я вдобавок объявил, что на показ придет

весь актерский состав «Моей прекрасной леди» и у журналистов будет возможность познакомиться со звездами. В первые месяцы после премьеры мюзикла он пользовался бешеной популярностью, и все в индустрии моды были в ярости. Они не знали, что делать: какой-то William J. вызвал сенсацию, на его показ хотят прийти все! Донна Кэннон, помогавшая мне с показами (она фотографировала и писала пресс-релизы), чуть не умерла от страха. Все боялись мисс Ламберт, но я взял быка за рога и принялся за осуществление своих грандиозных планов. На показ захотели прийти пятьсот человек — а в моем салоне помещались сто двадцать пять, и то со скрипом. Что до актеров из «Моей прекрасной леди», в мюзикле играли трое-четверо моих близких друзей, они попросили Рекса Харрисона, Джули Эндрюс и других звезд посетить показ. Те согласились. Я закончил коллекцию и знал, что она одна из лучших, поэтому без колебаний пригласил пятьсот человек.

За два дня до показа я начал убираться в комнатах. Хозяйка не разрешила выносить вещи во двор, а места для хранения в доме не было. Тогда я взял несколько десятков метров прочной бельевой веревки и вывесил всю мебель — рабочие столы, стулья, свою кровать — за окно позади дома. В двух домах от нашего находился Музей современного искусства, и прохожие, наверное, думали, что моя выставка — новаторская инсталляция в стиле поп-арт.

Без мебели стены комнат стали еще уродливее, чем были, и я решил замаскировать их, используя тему своей коллекции — зачарованный лес. Я побежал на большой цветочный рынок и купил несколько огромных ящиков

сарсапарели — вспомнил, что этими лианами были увешаны стены бальных залов на свадьбах и балах дебютанток. Я также купил различную тропическую зелень в картонных контейнерах, которые мы прибили над дверными проемами: создавалось впечатление, что лианы растут прямо из стен. Мы купили сотни живых орхидей и повесили их между лианами, покрывшими каждый сантиметр стен и потолка. Затем я пошел в Музей естественной истории и взял в аренду около десятка чучел редких птиц. Я повесил их на потолок на прозрачной проволоке и усадил на люстру. В парадной я поставил каменный фонтан с пухлым херувимчиком, держащим в руках дельфина, из пасти дельфина текла вода. У входа в дом, на восьми ступенях, мы разместили высокие пальмовые ветви. Все это великолепие увенчивали два двухметровых красных павлина, оставшиеся с Рождества, и красная ковровая дорожка, посыпанная золотыми блестками и ведущая с тротуара вверх по лестнице и в дом. У входа я поставил друга, одетого махараджей, в громадном тюрбане из ламе. Мне удалось вместить в пустые комнаты двести красно-золотых складных стульев, и я оборудовал временную раздевалку для моделей в коридоре.

Все это я сделал за два дня, которые провел без сна. Все, что не получилось вывесить за окно, я нагромоздил в ванной комнате (у меня были четырехметровые потолки), но оставил место вокруг ванны, которую покрасил золотой краской и наполнил шампанским. Из этой ванны нанятые мной дворецкие разливали шампанское гостям. На унитазах высились полутораметровые пирамиды из крошечных канапе. Свободного места не осталось вообще. В одиннадцать вечера в день

показа мой друг, фотограф мистер Мэк, вышел из такси и, не увидев вокруг ни души, решил, что моя затея провалилась. Я же велел ему не тревожиться, так как показ назначен на двенадцать, и я не сомневался: придут все. Помню, как мистер Мэк тайком от меня позвонил жене и попросил ее позвать всех общих друзей, чтобы создать иллюзию толпы. Но когда миссис Мэк с друзьями приехали, они с трудом смогли открыть дверь такси из-за столпившегося на тротуаре народа.

К одиннадцати сорока пяти на Пятьдесят четвертой улице разразился хаос и образовалась пробка из машин. Все мои соседи высунулись из окон, а в дом тем временем пытались набиться более пятисот человек. Все двести приглашенных

журналистов пришли как один — если не из чувства протеста, то из любопытства, ведь их лидер Элеонор Ламберт предупредила их со сцены отеля «Пьер», что я жулик и никаких актеров из «Моей прекрасной леди» на моем показе не будет. И посоветовала не тратить время зря. Впрочем, вскоре Элеонор убедилась, что журналисты редко слушаются чьих-либо советов.

Беднягу Рекса Харрисона чуть не растерзали в клочья. Когда он появился на пороге, все женщины, находившиеся вблизи, просто обезумели. Говорят, Джули Эндрюс тоже была там, но я ее не видел. Зато видел Джейн Мэнсфилд в розовой норковой пелерине и белых перчатках в сеточку. Она шла под руку с супругом, и журнал Look в тот вечер сделал множество фотографий. Двести журналистов умудрились войти в дом, но потом многие запаниковали, что может начаться пожар, и бросились к выходу. Это было похоже на встречу атлантического и тихоокеанского течений. Помню, как я произнес речь и сказал, что манекенщицы представят шляпы, как только смогут пробраться сквозь толпу, — а им понадобилось на это двадцать минут! Когда в комнатах не осталось ни сантиметра свободного пространства, мы с друзьями пришли в отчаяние и расставили маленькие золотые стулья на тротуаре Пятьдесят четвертой улицы. Я пообещал, что модели выйдут на улицу продемонстрировать шляпы. В первом ряду на этом уличном показе сидели сестры президента Кеннеди — внутрь им попасть так и не удалось, — а мои застенчивые клиентки из высшего общества в изумлении стояли чуть поодаль. Лучший вид был у моих соседей напротив: они расположились на балконах в рубашках с коротким рукавом и летних шортах, пили пиво и ели бутерброды. Наконец, показ

начался — после того как от волнения я разрыдался. Это было шикарное дефиле, и все, кто не побоялся прийти в тридцатидвухградусную жару, до сих пор его вспоминают.

После показа счастливики испили шампанского из золотой ванны, но никто не проголодался. Так что канапе я доедал еще неделю.

Это дефиле не предназначалось для нью-йоркской прессы: для нее я приготовил отдельное шоу, назначенное на одиннадцать утра следующего дня. Но журналисты из New York Times явились и на ночной показ и опубликовали репортаж о том, что происходило ночью. Они написали, что несмотря на то, что мои шляпы, пожалуй, слишком экстравагантны, лучшее шоу в городе с лихвой компенсирует этот недостаток. Журналисты из других городов написали восторженные отзывы: все твердили, что это было самое уникальное дефиле в их жизни и они открыли новый талант. Действительно, эти журналисты были первыми, кто оценил мои шляпы по достоинству и не испугался их экстравагантности.

Показ обошелся мне примерно в 2200 долларов, но окупился до последнего цента. Хотя лето оказалось бедным на заказы, я ни о чем не жалел. О модном доме William J. заговорили — я заявил о себе не с утонченным достоинством, а с разъяренным рыком. В 1950-е миром моды в Нью-Йорке заправляли консерваторы, их раздражала моя эксцентричность. На мою защиту встали New York Times, World-Telegram, Look, This Week, Hats, Journal-American, New York Post. А особенно меня поддерживал New Yorker. Юджиния Шепард из Herald Tribune's определенно ополчилась против меня и за пятнадцать лет не посетила

ни одного моего показа. В оппозицию также попали Life, Vogue, Harper's Bazaar и вся «элита» модной журналистики. Они игнорировали мою работу и иногда называли мои шляпы «цирком». Примерно в это время я начал хорошо зарабатывать, и мебель, которую я вывесил за окно, так никогда и не вернулась на свои места. Француженка-дизайнер съехала, и я арендовал ее комнаты на втором этаже и перенес в них мастерскую, а весь первый этаж переоборудовал под салон. Мой друг Джек Беркард — он стал дизайнером интерьеров — превратил невзрачный первый этаж в роскошный венецианский дворец, задрапировав стены чистым белым шелком и расставив во всех углах пальмы. Мы купили французскую мебель, обитую абрикосовым бархатом, повесили три громадные хрустальные люстры, сверкавшие и отражавшиеся в позолоченных барочных зеркалах, постелили золотые ковры от стены до стены. В окне с эркером выставили огромную скульптуру из красного дерева, изображавшую двух херувимов, подбрасывающих в воздух ракушку, в ней стояли живые цветы. Такого шика не видели ни в Париже, ни в Нью-Йорке! Я взобрался еще на пару ступеней выше по лестнице, ведущей на модный олимп.

Помню, как на открытии этого великолепия кто-то из гостей сказал, что салон очень элегантный, но Билл посреди этой роскоши не на своем месте. И он был прав! Через несколько месяцев я переоборудовал большую ванную комнату в спальню — надстроил над ванной еще один ярус и поставил там кровать. Я не мог жить в таком великолепии. Однако для бизнеса ремонт оказался полезным: клиенты заглядывали наживку и, глазом не моргнув, платили шестьдесят

пять долларов за шляпу, а прежде грызлись за каждый доллар и не хотели отдавать за ту же шляпу и тридцати пяти. Лишь один человек почувствовал себя неуютно посреди этого псевдофранцузского шика — миссис Лоранс Рокфеллер, очаровательная женщина, которая любила простоту. Она-то и заметила, что зря я потратил столько денег на декор. Ей казалось, что женщины приходят ко мне, просто чтобы купить шляпу, а атмосфера роскоши им не нужна. Но я-то знал, что это не так. Большинство дам, покупающих вещи haute couture, хотят видеть вокруг себя роскошь.

Больше всего следят за модой светские львицы международного масштаба. Так было всегда. Обеспеченные дамы из их числа тратят на новую одежду огромные суммы. Часто они умоляют знаменитых дизайнеров продать им «знаковые» вещи, так как знают, что мировая пресса вскоре заметит их, и их имена и фотографии попадут в газеты. Вокруг светских львиц всегда крутятся прихлебатели: обедневшие особы голубых кровей, знаменитости, которые выбивают себе рекламные сделки и получают всю одежду бесплатно. Многие дизайнеры каждый сезон выделяют этим дамам полный бесплатный гардероб для продвижения новой коллекции. Вы будете потрясены, узнав, сколько модных светских персонажей, постоянно мелькающих в прессе, ни разу не заплатили ни цента за шикарную одежду, которую носят. Знаменитости второго ряда не получают одежду бесплатно, но часто имеют возможность взять у известного дизайнера потрясающее платье на один вечер.

Я много лет наблюдаю за вечеринками и приемами высшего света и сразу вижу платье, взятое напрокат. Оно не сидит

так, как должно сидеть платье за несколько тысяч долларов. Часто женщины сами признаются, что одолжили платье у дизайнера: им это кажется забавным. Мехаовщики и знаменитые ювелиры часто сдают вещи и украшения напрокат. Ни один дизайнер в жизни не признается, что одолжил свое платье знаменитости, и, если честно, лучше бы они этого не делали, так как чаще всего одежду возвращают с пятнами от пота и грязным подолом. Притоку покупателей такая реклама не способствует. Но меня убивает то, что модные дома затем продают эти ношенные вещи клиентам, готовым платить реальные деньги, — после того как их поносили старлетки. Чаще всего это случается с модной одеждой *haute couture*, которая редко продается: дизайнеру так хочется увидеть, что одежду кто-то носит, что он одалживает ее, надеясь привлечь внимание. Но выигрывает от этого лишь сама знаменитость, повышая свой статус среди друзей, — ведь они-то думают, что она сама купила все эти платья.

Лучшие клиенты — не тусовщики, а просто богатые люди, которых немало. Они, как правило, слегка консервативны, но именно эти женщины составляют костяк хорошего бизнеса, так как на их преданную поддержку можно рассчитывать из года в год. Они не меняют дизайнеров каждый сезон, купившись на статью о новом любимчике прессы. Они верны тем, чья работа им нравится, и вовремя платят по счетам. Превосходные клиентки получают из женщин, стремящихся к определенному положению в обществе: вы всегда продадите им то, что считается текущей статусной униформой. Но никогда — то, что ни разу не надевала герцогиня Виндзорская. У этих женщин

нет собственного мнения, мода для них — лишь способ стать «своими» среди старой гвардии. Полет дизайнерского воображения разбивается о твердолобость этих клиенток.

Как в любом бизнесе, в моде не так уж много милых, ходительных покупательниц, общаться с которыми приятно. Увы, примерно шестьдесят пять процентов женщин, покупающих одежду haute couture, — те еще гадюки, им невозможно угодить, они прибегают к самым подлым трюкам, пытаясь сбить цену, требуют наивысшего качества и в три раза больше внимания к себе. Один из недостатков высокой моды в том, что эта сфера привлекает самых амбициозных высокочек: задавак, снобок, ханжей, эгоисток. Эти женщины считают себя светскими персонажами, но на самом деле они — липа. Для модного дизайнера связаться с такими клиентками — все равно что упасть в змеиную яму. Приятнее всего работать с клиентками не из Нью-Йорка, особенно с Запада США. Эти женщины не преследуют никаких скрытых целей, мода для них — средство индивидуального самовыражения, она приносит радость им и их семьям. Чудесные клиентки также попадают среди сливок нью-йоркского общества, но те, как правило, не интересуются модными тенденциями. Они выбирают лучшие ткани, лучших портных и самый незаметный дизайн.

У меня есть книжка, где записаны все имена артисток и художниц с Пятой авеню и Парк-авеню, которые так мне и не заплатили. Вот наглые дамочки! В суд бы на них подать. Если бы я показал вам список имен, у вас бы челюсть отвисла. Помню одну женщину, которая пришла ко мне, когда я только начинал свое дело. Она вела себя ужасно надменно, оскорбила миссис

Нильсен. Я готов был уже выставить ее за дверь, но ее порекомендовала одна из моих лучших клиенток. Закончив выпендриваться, она ушла с четырьмя шляпами. Дело было в октябре. Прошла зима, весна, а я так и не получил от нее ни цента. Я подал в суд малых исков, но она и тогда не заплатила. В середине лета, когда бизнес простаивал, а денег не было даже на еду, я как-то проходил мимо ее квартиры на Парк-авеню и увидел, что окна на втором этаже открыты. Я сложил свой номер New York Times, как делал в свою бытность почтальоном, прикрепил к газете записку и бросил в окно. В записке говорилось, что в качестве последнего средства я намерен взыскать деньги за шляпы с ее подруги, которая порекомендовала мне эту даму. Она тут же подбежала к окну и пригрозила вызвать полицию, а я крикнул, чтобы она прочла записку. Так как передо мной была отчаянная светская карьеристка, я задел ее за больное, и мысль о том, что я обо всем расскажу, перепугала ее не на шутку. Через секунду мои сто шестьдесят пять долларов летели ко мне из окна. Все это происходило на углу Парк-авеню и Семьдесят девятой улицы. Потом я не раз проходил мимо этого дома и каждый раз смеялся.

*

С самого детства я обладал повышенной чувствительностью, которая приоткрывала передо мной дверцу в подсознание; мое чутье опережало время примерно на десять лет. Я умею предугадывать общее настроение в моде. В школе родные и друзья вечно смеялись надо мной и называли мои идеи странными, но через семьдесят лет те самые люди, кто осуждал меня, начинали рассказывать в той самой одежде, которую

они критиковали. И это касается не только моды, а искусства в целом, всего, что стимулировало мой сознательный ум и свободно проникало в глубины подсознания. Иногда даже я сам боюсь поддаваться этому подсознательному вдохновению, боюсь сотворить что-то абсурдное, но какой бы дикой или вульгарной идея ни казалась поначалу, через пять лет она приходит в голову кому-то еще. Поэтому я рекомендую всем творческим людям никогда не сдерживать себя.

Разрабатывать дизайн модной коллекции — все равно что отрастить антенны, тянущиеся в неизвестность; главное, чтобы эти антенны оказались выше, чем у других дизайнеров. Растить их приходится долго, до тех пор, пока не ощутишь щекотку вдохновения и не поймешь, что создал что-то более стоящее, чем у твоих конкурентов. С каждой новой коллекцией мои антенны становились длиннее — начиная с 1948 года. Максимальной высоты они достигли в 1960 году. Уже на следующий день после показа новой коллекции шляп, когда в теле не было никаких сил, мой ум оживал, и я начинал искать вдохновение для следующей коллекции. У каждого дизайнера есть фирменный почерк, отражающий его личность, а истинные творцы обладают способностью отворять двери между сознанием и подсознанием в любой момент.

Я позволил себе самую большую роскошь в дизайне — полную свободу. В 1957 году на моих шляпах расцветали яблочные и грушевые сады, зеленели огороды, я делал шляпы-колокольчики из громадных зеленых листьев капусты, вымачивал солому в тазах с водой и формировал из нее гигантские яблоки и апельсины. Матроски я превратил в тарелки с салатными листьями

и фруктами. Для меня не было границ. Помню, однажды летом я готовил особую коллекцию соломенных шляп в виде ракушек, для придания им формы солому необходимо было вымачивать в воде. В мастерской стояла жара, градусов тридцать восемь, я наполнил ванну, надел плавки и весь день проплескался в воде, делая шляпы. Когда звонил телефон или кто-то стучался в дверь, я выскакивал из ванны и бежал, оставляя за собой лужи.

В июле меня вновь настигло вдохновение. Два года назад я уже вдохновлялся птицами и птичьими перьями, но в этот раз мое увлечение перешло все разумные границы. Перья были повсюду. Известный модный критик из Women's Wear Daily восторгался моей коллекцией: «Я давно не видел, чтобы перья использовали столь изобретательно, и уже на середине показа многочисленная аудитория поняла, что присутствует на одном из самых креативных шляпных дефиле за прошедшие десять лет».

А сколько удовольствия я получил, готовя эту коллекцию! Я взял перья страуса и отделил мягкие перья от жесткой основы, обжег пух кислотой и оставил лишь хрупкое кружевное перо. Эти кружева я и наклеил на простую облегающую шапочку: получался пушистый ореол вокруг головы. Это была только одна модель, а еще я водружал целых птиц в складки драпированного бархата, петухи с красными гребешками казались живыми, их метровые хвосты ниспадали на спину. Птицы выглядели так натурально, что многие зрители решили, что они откладывают яйца! Особенно всем понравился попугай, прыгающий через бархатное кольцо; увидев эту птицу, Гарри Мур пошутил: «Не забудьте постелить соломки на дно шляпной коробки!»

На все мои показы приходили байеры из крупных универмагов, высиживали от начала до конца и ни разу не купили ни одной шляпки, чтобы поддержать нашу работу. К 1958 году меня так это взбесило, что я решил брать с профессиональных байеров «страховочный взнос»: они или должны были купить шесть шляп, или заплатить двести долларов за вход. Эту систему придумал не я: так поступали все парижские дизайнеры, чтобы обезопасить себя. К сожалению, в Нью-Йорке этой практике не следовал никто, и байеры просто перестали приходить, при этом они здорово разозлились на меня, ведь им больше нельзя было глазеть на мои коллекции, чтобы потом скопировать их. К сожалению, сейчас, когда байеры управляют рынком, идея страховочного взноса попросту устарела.

Когда я готовил осеннюю коллекцию 1958 года, мои антенны, достигшие уже небывалой высоты, велели мне сделать шапки, глубоко надвинутые на брови и полностью скрывающие волосы. Один парижский дизайнер недавно запустил моду на парики, а я не сомневался, что в будущем шапки и шляпы будут использовать только для того, чтобы спрятать под ними грязные волосы. Мои шапки целиком были сделаны из меха, и самые смелые модели закрывали даже брови. Они выглядели очень дерзко рядом с крошечными круглыми шляпками-таблетками, которые в то время носили женщины. Миссис Нильсен умела работать с мехом и научила меня всем хитростям: как растягивать, резать и сшивать его. Соединив соболя и шиншиллу, мы сшили самые необычные шапки за всю мою карьеру. Как их испугались консерваторы!

Эта коллекция опередила свое время даже сильнее, чем я ожидал. Большинство байеров, даже самые смелые из них, решили, что это провал. Им казалось, что пропорции шапок просто возмутительны и никто никогда не будет их носить. Прошел сезон, и я распродал лучшие из меховых шапок по пять и десять долларов, но продолжал верить и терпеливо ждать. И что вы думаете? Через четыре года мои меховые шапки прогремели на весь мир и стали считаться последним писком моды. Слава богу, что мне всегда было плевать на деньги. Я просто хотел делать самые модные шляпы. В тот же сезон, в 1958 году, я придумал меховые аксессуары, чтобы носить их с шапками, — трехметровые круглые боа из лисы и шиншиллы. Несомненной инновацией была моя «меховая подушечка» — шкурки, сшитые в нечто вроде большого воротника, набитого пером. Мех выглядел живым, он шевелился и обнимал шею, как будто животное, из которого сделан воротник, все еще дышало.

К 1960 году на моем радаре возникли абстрактные футуристические формы, и я начал работать совершенно в другом направлении. Моим вдохновением стало оригами — древнее японское искусство складывания бумаги, я стал использовать в творчестве квадраты и углы, чистые линии — никаких больше завитушек в стиле романтизма XIX века.

К осени 1960 года мои антенны удлинились настолько, что даже люди, которые верили в меня с самого начала, стали подумывать, а не плачет ли по мне сумасшедший дом. Вдохновением для новой коллекции стала Африка. Головные уборы зулусов и африканские рептилии вдохновили меня на создание

Блаженная свобода

William J.

приглашает вас

на показ весенней коллекции дамских шляпок 1958 года

в его салоне на Пятьдесят четвертой улице, 44

7 января в 11:30

~

Для прессы. Просьба ответить на приглашение

Приглашение без права передачи.

Страховочный сбор для байеров 200\$

Страховочный сбор для производителей 450\$

William J.

invites you

to his

1958 Spring Millinery Collection

in

His Salon — 44 West 54th Street

January 7 — 11:30 A.M.

Press — RSVP CI 5-8991

Invitation Not Transferable

Buyer's Caution Fee \$200.00

Manufacturer's Caution Fee \$450.00

коллекции целиком из змеиной и других видов кожи. Шить из кобры и питона было очень волнующе. У этих шляп отсутствовала твердая основа: я рассчитывал, что змеиная кожа примет форму естественным образом. Мы лакировали обезьяний мех и оторачивали его черной кожей. Коллекция была прекрасной, но, увы, слишком новаторской, и почти не продавалась. Однако уже через три года все в мире моды носили и делали шляпы из змеиной кожи — а также куртки, костюмы и браслеты.

Моя последняя коллекция в 1962 году состояла из космических шлемов, обтекаемых, лишенных всякого украшения, — чистая форма, напоминавшая корпус ракет и шлемы автогонщиков. Коллекция стала предвестником новой эпохи в моде.

Каждый сезон я давал критикам повод для обсуждений, и они с упоением перемывали мне косточки. Жаль, что все их время было занято придирками и они не нашли ни минутки, чтобы купить действительно стоящую, новаторскую вещь. Некоторые из моих критиков позднее извинились передо мной за травлю. Через десять лет после взрыва не остается никого, кто не почувствовал бы отголоски. Но так уж устроен мир моды: идея, провозглашенная элегантно, за десять лет до этого считается возмутительным безобразием, за пять лет до пикового момента — смелой, через пять лет после него — скучной. Для тех, кто хочет стать дизайнером, нет единого пути; все, что можно посоветовать, — упорно трудиться, проявлять целеустремленность, граничащую с упрямством, всегда бороться за то, во что веришь. Лишь люди, готовые пожертвовать безопасностью и комфортом и отстаивать свое видение, меняют мир.

1956, 1957 и 1958 годы были удачными для шляпной индустрии, но я чувствовал, что над горизонтом нависла темная туча. Я знал, что вскоре шляпы вовсе выйдут из моды. В 1954 году, сделав первые шляпки из плиссированной вуали, я уже подозревал, что это начало конца: моя модель пользовалась небывалым успехом, но не у шляпников. Ее не брали в отделы шляп, в итоге она попала в отделы аксессуаров, находившиеся на первом этаже универмагов. В следующем сезоне я перестал делать эти шляпы: мне казалось, что они уничтожат всю шляпную индустрию. Как и все шляпники, я сунул свою голову в шляпе в песок, стараясь не замечать надвигающейся угрозы в виде женщин, которые предпочитали вовсе обходиться без головных уборов. Моя подруга миссис Мэк вечно кричала на меня, приказывая быть реалистом и давать людям то, что им нужно. В любом случае стало ясно, что шляпники не будут делать шляпки из вуали. И что вы думаете — к 1960 году шляпы вымерли как вид и все стали носить шарфы на голове. Вот вам один из важнейших уроков в мире моды: не пытайтесь противиться трендам, все равно ничего не выйдет. Дизайнеры должны реализовывать идеи, рождающиеся в самой глубине их подсознания, даже если те кажутся безумными. Я отлично понимал, что у шляп нет будущего, но почему-то решил, что смогу побороть этот тренд.

Последним ударом по шляпникам стал показ Живанши: тот выпустил на подиум моделей в париках. Каждый раз, когда модели переодевались на показе, они портили прическу, а времени на укладку не было, поэтому Живанши просто взял и надел на них парики. Во всех газетах это представили как

шутку, никто не воспринял тенденцию всерьез. Но я сразу понял, что следующее поколение женщин будет носить парики вместо шляп — или просто коротко стричься.

Все эти годы я продолжал без приглашения проникать на светские рауты, чтобы понаблюдать за модно одетыми женщинами. Я вечно прятался за пальмой в горшке и подмечал, как одеты элегантные дамы. Однажды Живанши и Баленсиага, которые всегда сначала проводили показы для байеров и лишь затем, через месяц, — для прессы, решили привезти свои коллекции в Нью-Йорк спустя два месяца после парижского показа. Это было новшество: всего какой-то месяц назад байеры потратили все деньги на поездку в Париж и выложили по две тысячи долларов каждый, чтобы попасть на дефиле ведущих модных домов, теперь же кто угодно в Нью-Йорке мог заплатить сто долларов за вход в бальный зал отеля Ambassador, где проходил показ. Планировалось сначала провести показ Живанши, а после перерыва на шампанское — дефиле Баленсиаги. У меня лишних ста долларов не нашлось, так что я притворился официантом, повесил полотенце на руку и в таком виде вошел прямо через парадную дверь как раз в тот момент, когда Кармель Сноу, редактор Harper's Bazaar, показывала охране свой стодолларовый билет. Оказавшись внутри, я выбросил полотенце и посмотрел оба вдохновляющих показа из-за плотных узорчатых портьер. У Живанши было море оригинальных идей, центральным элементом его коллекции стали «складки Ватто». В перерыве я наблюдал, как одеты дамы из зрительного зала. (На всех приемах, куда я приходил без приглашения, я никогда не брал бесплатное угощение

и напитки и не общался с гостями. Может быть, из-за угрызенной совести, а может, просто потому, что мне было комфортнее в роли наблюдателя.)

Вторым отделением модного спектакля шел показ Баленсиаги, и когда я посмотрел показы двух кутюрье подряд, у меня не осталось сомнений, кто из них мастер. Одежду Баленсиаги отличала глубина замысла и интересный покрой — юному Живанши еще только предстояло этому научиться. В тот вечер я явственно увидел разницу между высокой модой и поверхностными идеями. Хотя я уже много лет имел дело с одеждой лучших мировых кутюрье, тесно общаясь с владелицами Chez Ninon, лишь тем вечером я наконец понял, почему именно Диор и Баленсиага достигли вершины. Три года спустя, в очередной приезд Живанши в Нью-Йорк, я ужинал с ним. Мне очень хотелось с ним познакомиться, и я просто снял трубку и позвонил ему в отель. Он оказался милейшим человеком и разговаривал со мной как с лучшим другом. Я сказал, что хочу побеседовать с ним о моде, и он пригласил меня на ужин в отель The Sherry-Netherland, где мы проговорили два часа. На смеси ломаного английского и полузабытого мной французского мы обсудили тот его показ в Нью-Йорке три года тому назад. Помню, меня поразило, что Живанши прекрасно понимал, как много у него воруют; он упомянул многих известных парижских дизайнеров, укравших его идеи. Я и сам мог перечислить их по именам. Жаль, что это понимание не мешает дизайнерам в свою очередь заимствовать идеи у других, ведь на показах Живанши тоже часто всплывали модели, годом раньше созданные Баленсиагой. Но я по-прежнему считаю Живанши одним из самых

больших оригиналов мира моды. В тот вечер он заметил, что самый уважаемый дизайнер Америки Норман Норелл не пропускает ни одного его показа — впрочем, как и дефиле Balenciaga. Меня это шокировало, но в подтверждение Живанши показал мне телеграмму, полученную в тот день из Парижа, с перечнем купленных Нореллом платьев. Норелл приходил на дефиле через два месяца после профессиональных байеров, чтобы его никто не видел. Позднее, вернувшись в Париж уже репортером, я повидал в первом ряду парижских показов почти всех именитых американских дизайнеров. Но, в отличие от многих других, которые открыто копировали парижан и нагло выдавали дизайн за свой, Норелл утверждал, что его интересует исключительно конструкция одежды и ничего больше. В тот же вечер Живанши, ученик Баленсиаги, признался, что Баленсиага всегда учил его делать то, что нравится, и то, во что он верит. По его словам, женщины способны почувствовать искренность дизайнера, увидеть в одежде отпечаток его личности, и это побуждает их покупать. К такому же выводу пришел и я за пять лет до нашего разговора.

*

Каждое утро, открывая нью-йоркские газеты, я первым делом прочитывал раздел некрологов — проверял, не скончалась ли какая-нибудь из моих клиенток преклонных лет. Ведь шляпный бизнес держался в основном на пожилых матронах, а молодые люди шляпы не носили. Живых клиенток у меня осталось не так уж много. Далее я открывал светскую хронику и следил за перемещениями модных светских львиц. Пять вечеров в неделю я наблюдал за элегантными женщинами

с балконов бальных залов; нацелив на них оперный бинокль, я разглядывал их шикарную одежду и мысленно переодевал их, индивидуально подбирая для каждой более эффектный костюм. На все эти балы и приемы я проходил безбилетником и вскоре знал все черные ходы в модные театры, отели и рестораны. Сейчас я с трудом найду даже парадный вход в Waldorf, но в те дни я мог с закрытыми глазами провести вас через пожарные выходы и кухни отелей к бальным залам. Помню, однажды в Waldorf останавливалась королева Елизавета, отель охраняли сотни полицейских, а я понял, что просто обязан попасть туда и увидеть шикарно одетых дам. Я очень нервничал, но использовал все свои секретные ходы и попал в прожекторную, находившуюся под потолком бального зала. Королева в бриллиантовой тиаре предстала передо мной во всей красе, освещенная лучом прожектора. Я лежал под потолком на подвесных мостках, приклеившись к биноклю, и разглядывал толпу из трехсот элегантных гостей, от которых меня отделяло двадцать метров.

В другой раз я захотел попасть на самый эксклюзивный бал дебютанток в Нью-Йорке, куда не пускали ни прессу, ни посторонних. Весь августейший бомонд собрался там. Я прибыл в отель Plaza за два часа до начала мероприятия, зашел в бальный зал и увидел, что ко входу стекается несколько десятков полицейских. Я понял, что если сейчас выйду, то никогда уже не попаду обратно, залез под стол в банкетном зале и просидел там два часа. Увидев из своего укрытия кучу ног, я решил, что уже можно вылезать и смешаться с толпой. Так я раздобыл чудесный эксклюзивный репортаж для газеты.

Эти балы, куда я проникал без приглашения, были частью моего самообразования в мире моды. Когда в один вечер в отеле проводилось несколько приемов и мне не удавалось рассмотреть всех элегантных дам по прибытии (а лучшего момента изучить наряды может и не представиться), я занимал второй по важности наблюдательный пункт — у входа в женский туалет. Выпив аперитивы, все девушки без исключения шли в дамскую комнату, и это было настоящее модное дефиле, позволявшее мне во всех подробностях разглядеть наряды. Наблюдение за людьми стало для меня настоящим хобби, занимавшим все свободное время, и лучшим образованием из возможных. Меня так часто можно было увидеть в отелях, что многие думали, будто я там работаю.

Одним из самых запоминающихся балов стал маскарад 1949 года в Waldorf, когда самая шикарная женщина в Нью-Йорке, миссис Байрон Фой, произвела фурор своим нарядом. Она тогда впервые надела платье, расшитое блестками. Это было платье Dior, и называлось оно «рыбья чешуя». Юбка с огромным кринолином состояла из нескольких десятков «лепестков», расшитых чешуйками из блестящего целлулоида, действительно напоминавшими рыбью чешую. Диор использовал голубой, зеленый и цвет морской волны, а тридцатисантиметровый шлейф завивался вверх, подобно русалочьему хвосту. Остальные платья по сравнению с этим казались жалкими тряпками. Позднее его и многие другие восхитительные наряды миссис Фой приобрел музей «Метрополитен».

Видеть платья haute couture на живых, настоящих женщинах — совершенно уникальный опыт. Модные наряды часто

выглядят эффектно на фотографиях, но лишь в движении можно увидеть разницу между хорошим платьем и дешевой. Дизайн можно назвать совершенным лишь в том случае, если он оживает на женской фигуре, превращая ее в грациозную скульптуру. Когда на меня нападало уныние и мне нужно было взбодриться, я легко излечивался от депрессии походом в модный ресторан или на вечеринку, где наблюдал за красивыми женщинами. В Нью-Йорке, где каждый день проходит три-пять крупных публичных приемов, это всегда было легко.

Я никогда не пропускал бала «Апрель в Париже», открытия оперы и бала по случаю пасхального воскресенья: это были главные события года для всех модных персонажей. Часто я брал с собой свою девушку, нарядив ее в какой-нибудь экстравагантный наряд своего авторства; фотографии девушек в моих нарядах неизменно попадали в газеты, и это грело мое самолюбие. Мне особенно запомнилось одно открытие сезона в «Метрополитен-опера». Дело было в те дни, когда у меня еще совсем не было денег и мы могли позволить себе только стоячие места. Весь день простояв в очереди у здания оперы, мы наконец подошли к кассе, и оказалось, что остался всего один стоячий билет в партер и два на верхний балкон, куда вел отдельный неказистый вход. На этом балконе было отлично слышно музыку, лучше, чем где-либо в зале, но мы пришли в оперу не за музыкой, а чтобы поглазеть на публику, и намеревались войти через парадный вход, с Тридцать девятой улицы, вместе со всеми знаменитостями, и произвести фурор своими нарядами. В шесть часов мы купили билеты и побежали домой прихорашиваться. Оставив своих подруг Эллен и Мэри в такси у входа в оперу — обе были разодеты в пух и прах, — я бросился на балкон, вылез на пожарную лестницу, спустился по боковой стене здания оперы и залез в окно кухни ресторана Louis Sherry's, где элегантные посетители оперы уже лакомились куропатками. Я очутился на первом этаже и взял на наши билеты пропуска, дававшие право входа через парадную дверь (на случай, если кому-то из гостей захочется выйти во время представления). Затем я вышел, снова сел в такси к Эллен и Мэри, объехал здание оперы кругом, и мы

торжествующе вошли через парадный вход, произведя фурор своими нарядами.

За три дня до этого мой друг Джек Эдвардс сшил для Мэри фантастическое платье в стиле ампир из жемчужно-серой муаровой шторки для душа. На следующий день после открытия оперы фотография Мэри в этом платье красовалась на первой странице *Women's Wear Daily* с подписью: «Платье новейшей модели». Мы чуть не померли со смеху: шторка для душа за семь долларов обставила дорогие творения знаменитых кутюрье! Элен тоже попала в несколько нью-йоркских газет в совершенно сумасшедшей шляпе из перьев цапли, которые принесла мне клиентка в большом количестве, чтобы я украсил ее шляпку. Мы приделали к шляпке Элен расшитую золотом вуаль, полностью закрывавшую платье из ламе за восемь долларов девяносто пять центов. То были чудесные безумные деньки, когда мода заменяла нам воздух. Элен была королевой Гринвич-Виллидж, ходила в черных колготках и шляпах William J. последней модели. Так же мы отрывались в пасхальное воскресенье, расхаживая по городу в самых невероятных нарядах. Хотя многие журналисты считали пасхальные парады проявлением дурновкусия, я убежден, что подобный эксгибиционизм очень полезен для молодых дизайнеров, так как позволяет отбросить ограничения и дает свободу — а без этого в моде никак. Увы, эти золотые времена остались в прошлом. Телекамеры убили оперные премьеры, пасхальные парады и балы, отпугнув элитную публику, теперь на эти мероприятия ходят только выскочки да деревенщина.

А как мы праздновали Новый год! Собиралось по двадцать друзей, все в самых безумных шляпах William J. Местом проведения вечеринки обычно выбирали ресторан Lüchow's, где играл немецкий фольклорный ансамбль. Наш столик выглядел как декорация из голливудского фильма. На одну из этих вечеринок Кловин — моя подруга, администратор военного клуба — надела громадную черную шляпу, которую я соорудил всего пару часов назад и еще не успел прошить. Я намотал на гигантский плоский каркас из конского волоса пятьдесят метров прозрачной сетки, сделав нечто вроде громадной круглой мишени. Кловин напилась немецкого пива и пошла плясать с барабанщиком, ухватившись за подтяжки, благодаря которым его альпийские шорты держались на круглом пивном животе. Они пустились в пляс по залу, и тут сетка, которой была обернута шляпа, зацепилась за ветку рождественской елки, Кловин ничего не заметила, а сетка тем временем начала разматываться с ошеломляющей скоростью. Весь ресторан покатывался со смеху, а Кловин пришлось протанцевать в обратную сторону, чтобы снова замотать сетку.

Когда мы ужинали в Lüchow's, мы всегда звонили в ресторан из автомата и просили позвать герцога и герцогиню таких-то. Если вы бывали в Lüchow's, то наверняка помните официанта, наряженного пажом, который расхаживал по залам с гигантской грифельной доской с именем человека, которого вызывают к телефону. Всем, естественно, сразу становилось интересно, кто из присутствующих герцогиня, и одна из наших подружек в моей шляпе вставала и шла к телефону. После ее возвращения к нашему столу неизменно подходила

одна из посетительниц и спрашивала, где купить такую шляпку. Конечно, все это делалось смеха ради, и сомневаюсь, что таким способом мы привлекли хоть одну клиентку, — зато как мы смеялись! И заодно выгуливали мои модные шляпы.

Многие женщины никогда не носят шляпы, но накануне пасхального воскресенья готовы потратить на шляпку сотню долларов. У меня был огромный круг клиенток, покупавших шляпу раз в год. Мне кажется, ими двигало только одно — стремление попасть в газеты. Раньше во время пасхальных парадов элегантная публика появлялась на Пятой авеню лишь для того, чтобы посетить прием в одном из отелей. А в основном пасхальные обеды посещали амбициозные женщины, которые хотели, чтобы их сфотографировали для газет, и модные дизайнеры, продвигавшие свою одежду.

Эпицентром роскоши на Пасху был отель Plaza. Восхитительно элегантный пальмовый дворик со сверкающими люстрами и дамами в нарядах из последних коллекций, невероятный балльный зал с хрустальной террасой и десятиметровыми зеркальными дверьми, которые держали распахнутыми весь день, чтобы этот великолепный вид открывался сразу после входа в отель. Пожалуй, нигде в мире больше не сохранилась эта атмосфера старосветской элегантности, кроме как в Plaza в пасхальное воскресенье. Разве что по понедельникам в опере: женщины, сверкающие драгоценностями, обвешанные мехами шиншиллы, перьями и бриллиантами. Парадный вход в оперу со стороны Тридцать девятой улицы был одним из немногих мест в мире, где можно было лицезреть картину, подобную той, что разворачивалась на мероприятиях с участием королевской

семьи в Лондоне: около четырехсот длинных блестящих черных лимузинов выстраивались в очередь, чтобы отвезти сливки капиталистического общества после премьеры домой, в апартаменты с французской мебелью на Пятой авеню. Благодаря этим балам и приемам крутились колесики модного бизнеса в Нью-Йорке, а карманы торговцев всегда были полны.

И все же эти великолепные приемы всегда меня пугали. Пребывание в роскоши вызывает у меня пресыщение, за которым следует чувство стыда, мир гламура влечет, но одновременно внушает сильнейшее желание сбежать и найти утешение в аскетизме бедности.

В период с 1947 по 1960 год в Нью-Йорке появилось множество фирм, пытавшихся торговать одеждой индивидуального пошива оптом; ни одна из них не удержалась на плаву. Хотя эти предприятия широко рекламировались в прессе, они едва сводили концы с концами, вся прибыль уходила на аренду и зарплаты модисткам. Иногда случался удачный год, дельцы воодушевлялись и начинали верить, что не все еще потеряно. Но для меня путь истинного творца в дизайне всегда был сопряжен с неустанной борьбой как с финансовой, так и с моральной точки зрения. Америка — коммерческий рынок, здесь мало кто понимает художников и ценит оригинальность. Если у дизайнера есть небольшая группа постоянных клиентов, он не падает духом, но для бизнеса этого недостаточно. В Америке модные дизайнеры должны ориентироваться на массовое производство, но тут встает вопрос: а как же самовыражение, столь важное для творческого человека? Есть выход, старый как мир: вести голодную жизнь и наслаждаться

Блаженная свобода

полной творческой свободой. Увы, все попытки художников примирить творчество и жизнь в комфорте потерпели крах. Я лично считаю, что это невозможно.

Как ни крути, высокая мода всегда начинается на индивидуальном уровне: одежду haute couture носят единицы, смелые оригиналы. Мода описывает круг, периоды консерватизма и новаторства чередуются. Но, как любое искусство, мода всегда отражает дух времени.

Я хорошо помню комментарий сотрудницы Vogue: «Ах, если бы можно было утихомирить энтузиазм Уильяма и сделать его таким, как все!» Как же я рад, что они не утихомирили мой энтузиазм! И ничего, что у меня осталось много шрамов от расставленных на меня ловушек из колючей проволоки.

НОНА И СОФИ

На протяжении всей моей карьеры в мире моды моя жизнь была тесно связана с Ноной Парк и Софи Шон-нард — двумя модницами из нью-йоркского общества. Нона и Софи начали свой бизнес после развода Ноны: та решила, что это отвлечет ее от депрессии. Первый магазин они открыли в 1929 году, когда не смогли найти для себя и своих подруг достаточно шикарную одежду, соответствующую их образу жизни. В то время ни один американский дизайнер, видимо, не догадывался, какую жизнь ведут нью-йоркские модницы. Большинство сидели в мастерских и грезили о прошлом, которое не имело никакого отношения к реальности. Тогда Нона и Софи открыли Chez Ninon: они закупали большинство своих моделей в Париже, привозили их в Нью-Йорк и изготавливали копии в превосходно оборудованной мастерской. Иногда

они нанимали американских дизайнеров, но костяк ассортимента всегда составляли копии одежды из Парижа. Бутик Chez Ninon был эксклюзивным клубом, где все друг друга знали. Управляющей в салоне работала свояченица Ноны Моли Макаду, а знакомые Ноны и Софи, модницы, оказавшиеся не у дел, продавали одежду друг другу. Успех пришел к девушкам сразу: формула «одевать подруг в одежду, соответствующую их образу жизни» оказалась очень эффективной. Но родственники Ноны и Софи пришли в ужас, узнав, что девушки открыли магазин. Они считали, что молодым женщинам из аристократических семей нечего делать в бизнесе, их удел — заниматься домом и играть в карточные игры.

Настоящая слава пришла к Chez Ninon лишь тридцать лет спустя, когда их клиенткой стала Джеки Кеннеди. В то время все друзья Ноны и Софи шутили, что их наконец «открыли»: толпы журналистов поджидали на выходе из бутика на Парк-авеню, пытаясь выяснить, как сегодня одета Джеки. С тех пор все стремились попасть в Chez Ninon, как в справочник аристократических семей, для женщин бутик стал статусным символом в мире моды. Это был маленький магазин, где продавались сдержанные вещи, которые не кричали о себе, а говорили тихим шепотом. Многие покатались бы со смеху, увидев, как мы создавали новые модели — Нона, Софи, мистер Энтони (превосходный портной), мисс Софи (главная модистка, отличавшаяся ангельским терпением) и я. Мы вырывали ткани друг у друга из рук и разглядывали журналы в поисках идей. Нона и Софи сидели на французском диване и провозглашали, что станут и не станут носить модницы. Я, как правило,

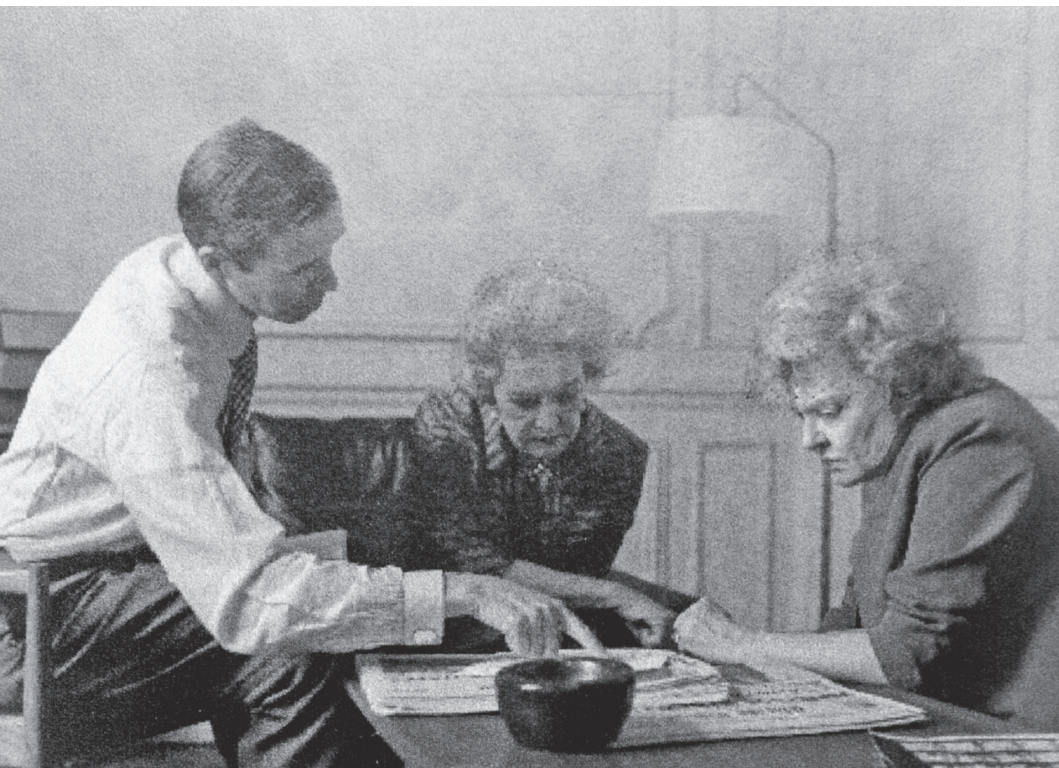
предлагал что-то чересчур экстравагантное, хотя порой мои фантазии совпадали с идеями остальных. Но в действительности руководили формированием коллекций Нона и Софи, у них было потрясающее чутье на моду. Они знали, что придется по вкусу элегантным женщинам, и вносили поправки в дизайн, а мистер Энтони и мисс Софи перешивали рукава и сотни раз подкалывали подолы юбок, пока хозяйки не оставались довольны. Для дорогой одежды, сшитой на заказ, даже полсантиметра имеют огромное значение. То же самое можно сказать про шляпы. Сколько часов я потратил, старательно разрабатывая каждую модель! Зато это развило мое чутье на моду, а это редкое качество. В ходе многочисленных примерок и изнурительных переделок я часто задавался вопросом, а кто все это оценит, но клиенткам с первого взгляда нравились все детали. Нона и Софи открыто признавались, что ничего не смыслят в кройке и шитье, но у них было интуитивное понимание того, что именно делает одежду элегантной, — качество, которым в мире моды мало кто может похвастаться.

В Париже мы могли провести в модном доме целое утро или день: Нона и Софи обсуждали модели, которые собирались закупить в этом сезоне. Они были единственными байерами, которым Диор разрешал вносить изменения в модели по своему вкусу. Они могли взять жакет от одного костюма и сшить его из ткани от другого, скомбинировать с юбкой от третьего и пуговицами от четвертого — и получилось что-то невероятное. В мире haute couture это было неслыханно, дом Dior всегда настаивал, чтобы производители

копировали дизайн точь-в-точь, не отходя от оригинала ни на шаг. Но Диор понимал, что у Ноны и Софи исключительный вкус, и знал, что Chez Ninon — один из последних оставшихся эксклюзивных салонов пошива одежды на заказ в Америке, клиентскую базу которого составляют самые шикарные женщины в мире.

Знаменитая фраза Ноны — я слышал ее миллион раз, показывая ей интересные платья: «Не должно быть впечатления, будто женщина специально наряжалась». Она любила одежду, которая не затмевает свою хозяйку, выглядит очаровательно для посторонних и которую приятно носить. При этом Нона и Софи не терпели и излишней простоты, когда богатые люди одевались как прислуга.

На показах Софи всегда садилась рядом с дверью, ведущей в салон, декорированный в цвете яичной скорлупы. Ее острый глаз подмечал все, и она поправляла жакеты и юбки на моделях, чтобы те сидели идеально ровно. Затем она подбирала перчатки и шарфы под каждый наряд и повязывала шарфы сама. Ее стул всегда стоял в уголке, чтобы не мешать манекенщицам входить и выходить. А миссис Парк во время показов очень нервничала, сидела на узорчатом диване в кабинете, как испуганная птичка в золоченой клетке, и щебетала: «О боже, о боже, как думаешь, им понравится?» Иногда она вставала и подглядывала в щелочку, следя за реакцией зрителей и друзей. Несмотря на то что за плечами у Ноны и Софи был многолетний опыт, они с волнением ждали каждого показа новой коллекции. Каждый показ был для них как первый бал, на котором обе чувствовали себя юными дебютантками.

Многие женщины из кожи вон лезут, чтобы добыть себе лучшие места на престижных показах, ведь взгляды журналистов на этих мероприятиях нацелены не только на подиум, но и на зрителей. Я не раз слышал, как амбициозные старлетки, которым посчастливилось получить приглашение на дефиле, восклицают «Передо мной открылись двери рая!» У Ноны и Софи была замечательная стратегия общения с прессой. Они не понимали, зачем журналистам присутствовать на их показах, и на все запросы отвечали одной фразой: «У нас нет никаких сенсаций, только простая элегантная одежда».

Естественно, это лишь раззадоривало представителей прессы, и им еще сильнее хотелось попасть на дефиле. Помню, однажды в Париже редактор ведущего нью-йоркского издания попросил Нону и Софи позировать для фото на показе Lanvin. Нона ответила: «Нам не очень хочется это делать, но если вы никак не сможете обойтись без нашей фотографии, позвоните нам позже». У некоторых журналистов очень раздутое эго, так что можете себе представить, каким шоком для них было услышать такой ответ. А Нона вовсе не хотела никого обидеть, она просто всегда говорила правду, и довольно резко — такой у нее был стиль общения.

Перед началом Второй мировой войны Нона и Софи вели переговоры с Мэйнбоккером, который бежал из Парижа накануне вторжения нацистов во Францию. Нона и Софи хотели нанять его в качестве дизайнера Chez Ninon. Пока велись переговоры, Мэйнбоккер разузнал всю внутреннюю кухню: как устроены мастерские, кто в них работает. А это самое ценное в любом модном доме. Он тянул с подписанием контракта, а потом сбежал, прихватив с собой лучших сотрудников, и открыл свой модный дом. Это было верхом nepopядочноcти и совершенно не вязалось с образом Мэйнбоккера, которого все привыкли считать джентльменом. Он также увел нескольких продавцов, а те переманили к нему своих клиентов. Как вы, наверное, знаете, продавцы и клиенты часто ходят парой: покупатели очень преданы тем, кто помогает им выбирать одежду, и полностью им доверяют. Но в конце концов одна из лучших продавщиц Мэйнбоккера, проработавшая у него много лет, вернулась в Chez Ninon и снова обосновалась

там, приведя с собой множество потрясающих клиентов. Как говорится, время все расставляет по местам.

В крупных розничных магазинах постоянно идет битва за лучших сотрудников — это часть бизнеса. Однажды я заглянул в Chez Ninon и встретил Молли Макаду, которая собиралась отправить миссис Кеннеди варианты дизайна вечернего платья из роскошных сари. Их миссис Кеннеди подарил премьер-министр Неру в ее приезд в Индию. Сари были необыкновенно красивые, но сшить из них что-то представлялось совершенно невозможным из-за крупного рисунка золотом на парче: такая ткань больше бы подошла для гобелена. Мы несколько дней драпировали ткань на модели так и сяк, пытаясь найти хоть немного элегантное решение. Наконец, мы сделали наброски и отправили миссис Кеннеди. А я, воспользовавшись моментом, присовокупил несколько своих наспех сделанных набросков, которые тоже отправили в Вашингтон. Джеки вернула их с подписью «Ни в коем случае!». Мои идеи, как всегда, оказались слишком экстравагантными. Много дней я ходил расстроенный, но вскоре приободрился: Нона и Софи решили не браться за это платье и посоветовали миссис Кеннеди не шить наряд из этой ткани. Позднее мы узнали, что Джеки все-таки отдала сари другому дизайнеру и сшила из них платье, которое в *Women's Wear Daily* насмешливо описали как «сшитое дома заботливыми руками», в переводе на нормальный язык — сшитое плохо. Через несколько лет я брал интервью у того самого дизайнера и, к изумлению своему, увидел остатки роскошных сари, из которых тот сшил

Нона и Софи

занавеску для своего салона. Мог ли премьер-министр Неру предположить, где в итоге окажется его прекрасный подарок?

Я никогда не работал с Ноной и Софи официально: наши вкусы располагались на противоположных полюсах моды. Я редко шил для них шляпы, так как они их почти не носили, а Нона вовсе считала большинство моих моделей клоунадой. Нона и Софи верили, что экстравагантность и дурновкусие — это одно и то же, хотя Софи часто хвалила мои модели. Но все равно она хотела, чтобы я бросил моду и устроился на работу в рекламное агентство своего дяди. Все годы знакомства наша профессиональная деятельность почти никогда не соприкасалась. Изредка я одалживал им шляпы для показов, но модели в итоге почти никогда не надевали их. Наше общение было скорее дружеским, личным, а взгляды на моду расходились во всем. Нас объединяло одно: мы одевали женщин.

МАГАЗИНЧИК В САУТГЕМПТОНЕ

Каждый год после шляпной Недели моды, которая по традиции проходила в первую неделю июля, и представления осенней коллекции байерам и прессе следовали кошмарные два месяца летних каникул, когда никто ничего не покупал. Я вечно сидел без денег: все заработанное на весенних шляпах уходило на создание осенней коллекции. На каждую коллекцию тратится просто ошеломляющая сумма, одни трудозатраты чего стоят, а цены за шляпы нужно назначать адекватные, и неважно, сколько времени ушло на разработку оригинального дизайна (часто на одну модель уходит много дней). А кроме стоимости коллекции, есть еще траты на организацию пресс-показа. В конце 1950-х, когда я все еще стремился попасть на вершину модного олимпа, я вбил себе в голову, что каждый мой показ должен непременно быть грандиозной премьерой

с шампанским, и каждый раз я оставался в минусе примерно на две тысячи долларов. Сентябрь по традиции начинался для меня с выплаты летних долгов. Моя подруга Клэр Уэйл, редактор журнала *Nats*, вечно твердила мне, что глупо тратить такие баснословные суммы на показы, но я был впечатлительным молодым человеком и верил, что, раскошелившись на показ, привлеку уйму клиентов.

Теперь я могу с уверенностью сказать, что бизнесу моему было ни жарко ни холодно от этих дефиле. Мало того — роскошные мероприятия привлекали не клиентов, а халевщиков. Серьезным журналистам и занятым байерам нет дела до деликатесных закусок и шампанского. Им жаль тратить время на фуршеты, для них это досадная помеха. Как бы то ни было, каждый показ опустошал казну магазина. Цветы, которыми мы заполнили все комнаты, тихо увядали, байеры на показе обычно покупали лишь пять-шесть шляп, и на какую-либо прибыль в ближайшем будущем рассчитывать не приходилось. Оптовые байеры в сфере *haute couture* обычно приобретают одну-две модели, чтобы потом скопировать их на собственном производстве, а чтобы заработать серьезные деньги, нужен заказ минимум на несколько десятков.

Начало лета, когда на горизонте не виднелось ни одного клиента, было для меня самым несчастным временем, и я до сих пор вздрагиваю, думая о лете. Помню, как я рыскал в мусорных баках на Седьмой авеню в поисках *New York Times* или *Herald Tribune*, чтобы почитать репортажи о моде из Европы. Я был слишком горд и не признавался никому, что у меня нет денег, но часто не знал, что буду есть завтра.

Обычно летом я менял свое привычное место питания — столовую-автомат — на забегаловку Nedick's, где можно было позавтракать за пятнадцать центов и пообедать сосиской за двадцать пять. А в середине 1950-х годов у меня возникла идея: взять пляжные шляпы, которые плохо продавались в Нью-Йорке, и попробовать продать их отдыхающим на пляжных курортах. В первый год я сел на электричку до Лонг-Айленда и вышел в Хэмптонсе, мои шляпы вызвали немалый интерес. На следующий год меня пригласили погостить Нона и Софи: у них были летние дома в Саутгемптоне, поселке, где селилась только самая шикарная публика. И вот, очутившись там, я решил подыскать небольшое помещение под магазин. Нона подумала, что я сошел с ума, сказала, что мои шляпы подойдут только клоунам и она не может представить ни одного нормального человека, который бы их купил. Кроме того, она считала Саутгемптон чем-то вроде частного пляжа для своих. Разумеется, это было не так. В Саутгемптон на лето стекался весь нью-йоркский бомонд.

Однако Нона все же оказалась права на все сто, что я и выяснил тем же летом, а также в последующие годы. Я нашел помещение в первые же выходные и сразу его арендовал. В сезон магазинчик пустовал, и владелица разрешила мне пользоваться им все лето за какие-то двести долларов. Я одолжил у друзей маленький фургон, сгонял в Нью-Йорк и загрузил в машину все весенние и летние шляпы, что у меня остались, а также, естественно, свои безумные пляжные модели. Заодно я захватил кое-какие инструменты и материалы из мастерской, чтобы в свободное время шить новые шляпы. Рабочие столики,

зеркала, шляпные коробки, готовые экземпляры — все это я попытался впихнуть в фургончик, который чуть не перевернулся под грузом. Из окон торчали страусиные перья. На крышу фургона я водрузил кровать, так как намеревался ночевать в магазине. Олли, моему большому черному французскому пуделю, которого я не стриг — он у меня был битником, — пришлось сидеть на полу между педалью газа и тормоза, так как в машине не осталось ни сантиметра свободного пространства. Впервые за пять лет я куда-то уезжал, и мысль о том, чтобы провести лето вдали от Нью-Йорка и безденежья, придавала мне сил. Мы проезжали фермы и деревушки Лонг-Айленда, и я все еще помню запах свежескошенной травы. Я чувствовал себя абсолютно беззаботным!

Но вот я прибыл в Саутгемптон, и дама, которая сдала мне свой магазин, не поверила глазам, увидев машину, остановившуюся у ее дверей. Она, наверное, решила, что на нее свалился какой-то беженец из Гринвич-виллидж со всем своим скарбом. Через пару часов магазин был готов к открытию. Я разместил в витринах свои безумные пляжные шляпы, повесил замечательную вывеску в стиле ар-нуво — шокирующе-розовые буквы William J. на фиолетовом бархатном фоне — и открыл свой наспех оборудованный салон!

В первый день ко мне не зашел никто. Но люди глазели в окно с разинутыми ртами, будто увидели привидение. Иногда кто-нибудь заходил и спрашивал: «Это магазин ма-скарадных костюмов?» Когда я пытался объяснить, что это самые обычные шляпы, их глаза чуть не выпадали из орбит. Наверное, больше всего людей пугали шляпы в форме рыбы

и гигантских овощей, а также здоровенная шляпа-осьминог. Вообще-то Саутгемптон — один из самых консервативных курортов в Америке. В то время для курортников Саутгемптона существовала только одна шляпа — берет, наиболее ненавистный мне вид головного убора. Я никогда раньше не делал береты и более не сделаю, даже если от этого будет зависеть моя жизнь. Береты — это не мода, а если очень надо, их всегда можно купить в Woolworth's за доллар девяносто восемь.

У меня, как вы знаете, была своя эстетика, и первую шляпу у меня купили на восемнадцатый день.

Первой женщиной, которая осмелилась войти в мой бутик, оказалась пожилая дама, приехавшая на автомобиле с шофером. Я решил, что у нее случится сердечный приступ, когда она увидит мои шляпы. Но они ей очень понравились, и она сказала, что не видела таких чудесных и оригинальных шляп со времен знаменитого нью-йоркского дизайнера Хермана Патрика Таппа, одного из самых талантливых и самобытных дизайнеров периода Первой мировой войны. Моей посетительницей оказалась мисс Рут Вудворд, мультимиллионерша, проживающая в отеле Irving (саутгемптонский аналог Plaza). Изнеженные вдовушки селились в этом отеле вместо дома престарелых. Хотел бы я однажды нарисовать красивую книжку-картинку про покачивающихся на веранде в креслах-качалках почтенных вдовушек в бархотках и элегантных, но безнадежно устаревших нарядах!

Каждое лето царственные вдовушки Саутгемптона рассказывали мне о невероятном мистере Таппе. Он был не только талантливым дизайнером и настоящим оригиналом, но и очень харизматичной личностью. Жил он с размахом, и о нем сплетничали во всех модных салонах Нью-Йорка. О его костюмированных вечеринках ходила громкая слава. Через его руки прошло несколько состояний, он жил, купаясь в роскоши. Тапп женился на бывшей любовнице одного из богатейших людей Нью-Йорка — телеграфного магната. Говорят, тот заплатил Таппу сто тысяч долларов, чтобы тот избавил его от надоевшей пассивности. Один раз у Таппа вышла размолвка

с вдовствующей аристократкой, которая финансировала его модный дом: он потратил на хрустальных слонов огромную сумму, которую вдова дала ему на ткани из Парижа. Как-то вечером дама сидела в своей ложе в опере и заметила Таппа в оркестровой яме. В антракте, когда в зале включили свет, она перегнулась через обитую красным бархатом балюстраду, украшенную фигурками обнаженных купидончиков, и, позвякивая жемчугами и бриллиантами, завопила: «Вы вор, мистер Тапп!» Услышав эти слова, Тапп, привлекательный мужчина под два метра ростом, как всегда в своем великолепном черном плаще и с тростью с золотым набалдашником, поднял

голову и торжествуяще провозгласил: «Мадам, вы обознались, я не мистер Тапп». С этими словами он подошел к бару и поднял тост за здоровье и благополучие дамы.

Почитательница Таппа мисс Вудворд в первый же визит купила у меня шесть шляп и заплатила наличными. Сказала, что вернется на следующий день и приведет подруг. Я очень обрадовался, так как четыре дня назад у меня как раз кончились деньги. Как только мисс Вудворд вышла из магазина, я запер дверь и бросился в ближайший ресторан, где набил свое отощавшее брюхо. Конечно, я мог бы пойти в прекрасный летний дом миссис Парк, где повар-француз готовил вкуснейшие блюда, но мне мешала проклятая ложная гордость, и я не хотел признаваться Ноне, что мои шляпы не продавались. Мисс Вудворд сдержала слово и на следующий день явилась с двумя подругами, такими же пожилыми вдовушками, столпами саутгемптонского общества. Дам звали миссис Престон и миссис Фокс. Они оказались намного консервативнее мисс Вудворд, но были очень милы и купили шесть шляп на двоих. К сожалению, оказалось также, что им нравились береты, и вскоре после их визита я решил сделать несколько штук, так сказать, вспомнить таблицу умножения шляпного дела. Стоило мне перебороть свою ненависть к беретам, как все мои проблемы закончились. Если вас интересует шляпное дело, попомните мой совет и шейте береты — вам никогда больше не надо будет беспокоиться о пропитании. Для шляпника берет — все равно что маленькое черное платье для дизайнера одежды.

Миссис Престон и миссис Фокс знали в Саутгемптоне всех и каждого и отправили ко мне всех своих подруг. Наконец-то

обо мне узнали, но узнали старушки — а молодая веселая публика, для которой и предназначались мои шляпы, по-прежнему ничего обо мне не слышала. Как бы то ни было, теперь я мог платить по счетам и начал шить для моих вдовушек зимние шапки. Эти милейшие дамы сообщили мне, что раз в год в Саутгемптон приезжает Bergdorf's, устраивает большой шляпный показ и продает шляпы в огромном количестве. Услышав об этом, я бросился в город и закупил материалы для осенних шляп. На тридцатидвухградусной жаре в моей саутгемптонской мастерской летали перья и бархат.

Завлечь консервативную богатую публику — большая удача для дизайнера. Но все мои фантастические пляжные шляпы, которые я так любил, так и стояли на подставках, вызывали лишь смех и совсем не продавались. Мое воображение, кажется, отпугивало даже молодых. Консервативное воспитание мешало им наслаждаться необычным в моде, особенно в Саутгемптоне, где роскошно одетым считался человек, одетый как прислуга. Я верил совсем в другое и вскоре обнаружил, что клиенты, которые ничего не боятся, приезжают ко мне из соседних городков. Они носили мои безумные шляпы с розовыми брюками и блузками Русси с яркими принтами. Еще одна группа, которой пришлось по вкусу мои самые шикарные и смешные шляпы, — тусовщицы международного масштаба, приезжавшие в Саутгемптон на выходные в гости к старой гвардии. Эти девушки придавали Саутгемптону шик. Они устраивали невероятные костюмированные вечеринки и элегантные ужины, куда принято было надевать длинные платья от парижских кутюрье.

По выходным в магазин заходил знаменитый художник Ларри Риверс со своими подругами. Он купил у меня старую соломенную шляпу с мятыми полями и тульей, буквально сняв ее с моей головы. Моя собака любила спать на этой шляпе, и это придало ей модный винтажный вид. Поэтому она и приглянулась художнику. Он носил ее много лет, и подруги наперебой умоляли его подарить им эту шляпу, но безуспешно: Ларри никогда с ней не расставался. Я заставил собаку спать на соломенных шляпах всю неделю, чтобы те потеряли форму, а Ларри потом купил эти шляпы для своих подруг. Иногда он брал кисть и ставил автограф внутри шляпы, чтобы девушка не сомневалась: в руках у нее настоящий шедевр.

Саутгемптон казался мне чудесным городком, здесь всегда хорошо отдыхалось. Выходные проходили шикарно. Мне кажется, именно тогда, летом в Саутгемптоне, мне удалось показать многим людям, что это значит — наслаждаться модой. В моем магазине всегда звучал смех, по-моему, отголоски его слышны там и сейчас. К концу первого лета я выплатил все долги, а новые клиенты последовали за мной в Нью-Йорк.

Следующим летом я арендовал тот же магазинчик по стандартной цене тысяча долларов за сезон. Летние месяцы, которых я прежде так боялся, теперь проходили весело. О моем магазине в Саутгемптоне говорили все. Многие считали его позорищем. Для круглогодичных жителей курорта он был чем-то вроде заезжего цирка, а старая гвардия из консервативного пляжного клуба как-то раз направила ко мне делегацию из трех надменных кумушек, которые сообщили мне, что мой магазин и мои вульгарные, безнравственные шляпы

привлекают в город толпы проституток. Изумлению моему не было предела, и я чуть не умер от смеха. Ну и репутация у меня! По правде говоря, мне было плевать: я платил аренду, и многим нравились мои шляпы. Но сомневаюсь, что нашествие ночных бабочек на Саутгемптон было как-то с ними связано!

Мой магазин был сценой, на которой каждый день разыгрывались забавные эпизоды. Мои клиенты приезжали в Саутгемптон на каникулы, они хотели посмеяться и ощутить себя чуть более свободными, чем в обычной жизни. Находясь в магазине, я всегда надевал самые невероятные шляпы, а часто ходил в них и по городу. Когда нам было особенно скучно, девушка, которая присматривала за магазином в мое отсутствие, одевалась в стиле битников, а я, с недельной щетиной и в самой грязной одежде, какую только мог найти, садился на пол и читал стихи, к вящему изумлению туристов. Однажды одна довольно чопорного вида курортница заглянула в магазин и спросила, что мы продаем. «Марихуану!» — крикнул я и пригласил ее зайти и покурить. Дамочка сбежала, как укушенная, и вернулась через несколько минут, приведя с собой местных полицейских, моих хороших знакомых. Они знали, что я люблю подшутить над туристами, — а туристов они терпеть не могли, потому что машины приезжих создавали пробки на улицах. Летом толпы городских зевак заполняли Саутгемптон в надежде прикоснуться к высшему обществу. Впрочем, представителей этого общества на улицах можно было встретить крайне редко: весь саутгемптонский бомонд прятался за трехметровыми живыми изгородями.

Я всегда был готов дать совет несчастным социальным карьеристам, пытавшимся влиться в саутгемптонское общество. Как-то раз пара девушек зашла в мой магазин и попыталась выяснить, какие шляпы покупали дамы из местного бомонда. Видимо, хотели купить такие же. Помню, они жаловались, что им очень скучно: никто не приглашал их на вечеринки. Я посоветовал вернуться туда, где у них есть друзья, и прекратить попытки прорваться на чужой бал. Должен сказать, эти и другие амбициозные девушки всегда покупали много шляп. Конечно, я сильно привирал им по поводу того, сколько знаменитостей носят мои шляпы. Естественно, никакие знаменитости у меня шляп не покупали, а звезды, которых я называл, вообще не носили шляпы.

Среди моих лучших клиентов было много геев из соседних городков: они покупали необычные шляпы для вечеринок. Сначала они говорили, что им нужна шляпа для сестры. Я, разумеется, сразу понимал, что никакой сестры нет, и предлагал примерить шляпу — ведь так они смогут лучше понять, пойдет ли шляпа сестре! Мне всегда было все равно, кто и для кого покупает мои шляпы. Гораздо важнее подыграть клиенту и сделать так, чтобы он чувствовал себя комфортно. В мой магазин нравилось ходить всем. Многие приходили, просто чтобы посмеяться. Я очень старался, чтобы каждый чувствовал себя как дома, ощущал, что ему рады. Иногда люди покупали шляпы, иногда просто отнимали у меня время, но обычно возвращались. Большая проблема частных магазинов и бутиков — атмосфера недружелюбия, холодность к посетителям, которая отпугивает их. Если в двери заходит незнакомый

человек, продавщица окидывает его таким взглядом, будто ему здесь не рады. Я же разрешал людям находиться в моем магазине сколько угодно, спокойно рассматривать товар, и не дышал покупателям в спину. Мне всегда казалось, что этим и объясняется популярность универмагов: там можно свободно смотреть товар, не чувствуя, как за тобой надменно наблюдает снобского вида продавщица.

Как-то раз в субботу ко мне зашли сестры Габор с матерью. Они хотели купить простую шляпу для мамы: ее пригласили в закрытый пляжный клуб, и надо было, чтобы мамочка «не выделялась». Но хватало один раз взглянуть на маму, чтобы понять: на фоне местных кумушек она будет выделяться, как танцовщица из «Фоли-Бержер»! Она пришла в туфлях на золотой платформе, брюках ярчайшего розового оттенка, блузке с кричащим принтом, а на талии был повязан бирюзовый шифоновый шарф, вдобавок создавалось ощущение, что она надела все семейные драгоценности сразу. Магда хотела, чтобы мамочка была одета примерно так, как местные дамы, тогда я предложил миссис Габор вернуться домой и поменяться нарядами с прислугой. В ответ я услышал: «Хватит шутить, Уильям, просто продай маме скромную соломенную шляпку». А я мог думать лишь об одном: разве может скромная соломенная шляпка погасить этот взрыв? Здрово поторговавшись за соломенную шляпу без отделки, мама и сестры покинули магазин. Выйдя на улицу, они обернулись, взглянули на мамочкино отражение в витрине, вернулись и попробовали чем-то украсить шляпку: она показалась маме слишком «голой». В итоге мы повязали на шляпу большой бант

из ленточки, но я так и не узнал, пригласили ли миссис Габор в пляжный клуб повторно. Зато я помню, что несчастные десять долларов за шляпку мне заплатили лишь два месяца спустя, — и это после того, как я полдня возился с Габорами.

В другой раз ко мне зашла графиня Кассини, собиравшаяся на большую вечеринку с коктейлями. Ее всегда сопровождала свита из друзей. У графини было потрясающее чувство юмора, и она решила, что все дамы на вечеринке должны быть в смешных шляпах. Одна из них, чье имя я не хочу называть, настояла, чтобы под пляжную шляпу ей надели белый тюрбан, — боялась испортить прическу. Я перерыл весь магазин, но так и не смог найти кусочек простого белого трикотажа. Я стоял и смотрел на эту женщину, и тут у меня возникла идея. Не знаю, что заставило меня это сказать, но я вдруг спросил ее, какого цвета у нее трусы, — это единственное, что пришло мне в голову как материал для тюрбана. Все покатались со смеху, но две консервативные саутгемптонские кумушки, как раз покупавшие вуали для церкви, чуть не упали в обморок. Подруги у графини были оторвы еще те, и уже через секунду та дамочка стащила свои белые трусики — прямо там, посреди салона! А я поднял их, порезал ножницами и обернул вокруг ее головы. Графиня одолжила девушке свою бриллиантовую брошь, чтобы заколоть тюрбан, и они ушли на вечеринку, заливаясь хохотом. Они так хохотали, что у входа в мой магазин собралась толпа. Впрочем, в этом не было ничего необычного!

Еще я любил надеть самую безумную из своих шляп и в таком виде прогуляться по поселку — как ходячая реклама, наподобие тех ребят, что ходят по Бродвею в костюмах хот-догов.

Иногда за мной увязывались несколько человек и заходили в магазин, но денег у них обычно было лишь на стакан газировки с мороженым, а никак не на шляпу. В конце сезона через дорогу от моего магазина, в Художественном музее Пэрриша, дамы из Саутгемптона устраивали городскую ярмарку. Тогда я объявлял полуночную распродажу шляп. О, это было полное сумасшествие! Кажется, в течение вечера ко мне умудрялись зайти все жители города, они мерили и скупали все, что могли унести. За одну ночь я зарабатывал больше, чем за все лето, — три тысячи долларов. Сама распродажа напоминала карнавал: я делал длинные цветные тридцатисантиметровые ценники и привязывал их к шляпам длинными яркими ленточками; темным карандашом писал всякие невероятные цены, вроде «Было семьсот долларов — стало пять» или «Было два доллара девяносто пять центов — стало тридцать пять центов». Мероприятие пользовалось ошеломляющим успехом, и к утру в магазине не оставалось ни одной шляпы. Я закрывал дверь и возвращался в Нью-Йорк с пустыми коробками и матрасом, на котором спал.

Курортные магазины в Саутгемптоне долго не живут. Мне удалось столько продержаться лишь по одной причине: я не падал духом. Если одна стратегия не срабатывала, я пробовал десятки других и в конце концов добивался успеха. Многие считали меня ненормальным, но я не ставил себе цель всем угодить, я платил хозяйке помещения, а не своим критикам. Милая мисс Вудворд приходила почти каждый день и всегда покупала шляпку. Столько шляп, как у нее, не было ни у кого! Когда она выезжала на лето из Нью-Йорка,

то нанимала отдельный грузовик, чтобы перевезти все шляпы, а во всех отелях снимала дополнительный номер, где хранились груды шляпных коробок. Она обожала шляпы! Мне кажется, она покупала по новой шляпке каждый день. В Нью-Йорке не было ни одного шляпника, который не продал бы ей свое творение. И все были в восторге от ее чувства юмора. Одним летом она каждый день по часу или больше просиживала у меня в магазине, а потом бежала в отель и записывала все безумные вещи, что там происходили (я об этом не знал). Она планировала поставить пьесу про Саутгемптон, действие которой разворачивалось в моем магазине, и как раз работала над ней, когда неожиданно скончалась. Многие в Саутгемптон вздохнули с облегчением, что пьеса так и не вышла!

Однажды она сидела у меня, когда зашла ее подруга и вернула шляпку, купленную накануне. Эта дама и ее служанка весь вечер пытались переделать шляпу и испортили ее. А теперь она хотела ее вернуть. Она делала это не впервые. Я сказал, что приму шляпу обратно, но попросил эту дамочку в магазин больше не приходить. На протяжении всего нашего разговора мисс Вудворд не произнесла ни слова. Прошло два месяца. Мисс Вудворд снова сидела у меня, и тут зашли женщины, устраивающие церковную распродажу, и попросили пожертвовать ненужные шляпы. Я вынес целую кучу, в том числе шляпу, испорченную подругой мисс Вудворд. Мисс Вудворд ничего не сказала, но тут же села в машину с шофером и последовала за женщинами на церковную распродажу, где купила испорченную шляпу за двадцать пять центов. Потом она подарила ее той самой подруге на день рождения!

На второе лето я договорился с подружкой Кэти Кин, что она будет присматривать за магазином три дня в неделю, пока я в Нью-Йорке работаю над оптовыми заказами. В обмен я предоставил этой девушке возможность продавать свой товар в моем магазине. Один из ее многочисленных бойфрендов занимался производством спортивной одежды, и она отдавала ему на пошив одежду собственного дизайна. Сотрудничество со мной было ей выгодно, да и мне тоже, так как я ничего ей не платил. А она приехала в Саутгемптон, чтобы осуществить цель всей своей жизни — найти приятеля-миллионера. Это было чудесное лето. Жизнь моей знакомой напоминала сериал про богатых и знаменитых. С первого же уикенда ее постоянно приглашали прогуляться на шикарных яхтах. В понедельник меня подробно информировали обо всем: размеры яхты, имя владельца, величина его состояния. Сначала я думал, что она врет, пока один раз она не прожужжала мне все уши про пятидесятиметровую яхту, куда ее пригласили на выходные, и я решил поехать на велосипеде в порт и увидеть ее своими глазами. И что бы вы думали? Она была там, моя продавщица, и прохлаждалась на яхте как королева!

Правда, когда в понедельник она вернулась из грандиозного круиза, вид у нее был очень недовольный. Я стал допытываться и выяснил, что ее миллионер все выходные сидел и читал детективы, оставшись совершенно равнодушным к ее прелестям.

В другой раз она приехала после выходных в ярости: ее пригласили в поместье к очередному миллионеру, но ей так и не удалось с ним познакомиться. Вместо этого ее встретил какой-то фермер, который, по ее словам, влюбился в нее

по уши. Он сказал, что работает на ферме при поместье, но она, естественно, не собиралась иметь дело с каким-то жалким крестьянином! Когда она описала мне этого фермера, я понял, что он и миллионер, нефтяной магнат — одно лицо. Да, он действительно работал на ферме, но она же ему и принадлежала, — просто у него было такое хобби. Когда я сказал ей об этом, она чуть не удавилась: ведь в тот же вечер она сбежала от фермера и познакомилась с каким-то расфуфыренным жуликом, у которого не оказалось ни гроша за душой. Эта девица была просто умора. Когда она начинала продавать свою одежду, ее бедных клиентов можно было только пожалеть. Много раз мне приходилось просто выходить из магазина, потому что я начинал смеяться и остановиться не мог. Оказавшись в примерочной, клиенты словно попадали в яму со змеями, и им ничто уже не могло помочь. Одной даме — я очень хорошо ее помню — девица всучила жакет с цветочным рисунком примерно на пять размеров больше. Причем ее это ни капли не волновало. У нее был спортивный азарт — продать вещь, и с этой целью она готова была втирать клиентам какую угодно чепуху про новые модные «низкие плечи» до локтей и стильные удлиненные рукава на тридцать сантиметров больше, чем нужно. Меня часто ошеломяло, насколько легковерными оказывались женщины. Не знаю, зачем они покупали эти вещи: то ли чтобы поскорее избавиться от моей знакомой, то ли потому, что действительно верили ей. Вскоре наши пути разошлись: моя приятельница начала вести слишком активную ночную жизнь и заявлялась в магазин лишь к вечеру, когда наставало время коктейлей. В первый же месяц

в Саутгемптоне она умудрилась без приглашения попасть в закрытый пляжный клуб — но, увы, не тот. Мне не хватило духу сказать ей, что весь саутгемптонский бомонд принадлежит к клубу «Купальная корпорация», который местные называют просто пляжным клубом (и сразу понятно, о каком клубе идет речь). Его здание выглядит довольно непримечательно, но моя продавщица вступила в клуб, находившийся в шикарном на вид особняке, где на самом деле обосновались декласированные элементы. Пока я был в Нью-Йорке, она снимала вывеску William J. и вешала свою, убирала шляпы из витрин и выставляла в них свою одежду. Потом приглашала своих богатых бойфрендов и пыталась произвести на них впечатление своим успешным бизнесом. А про меня она, наверное, им говорила, что я ее мальчик на побегушках.

Когда я возвращался в Саутгемптон, клиентки часто говорили мне, что искали магазин и не могли его найти; видимо, моя продавщица так переделывала витрину, что люди думали, будто я арендую магазин только на уикенд. В конце концов я вышвырнул ее вон с ее вешалкой для одежды и нанял нормальную продавщицу, которой платил зарплату.

На третье лето ко мне в гости приехал мой друг Джек Эдвардс, который тогда изучал дизайн театральных костюмов. Он оформил интерьер моего магазина и создал коллекцию оригинальной пляжной одежды, которая продавалась с умеренным успехом. Помню, у него была чудесная пляжная блуза с полосами пяти разных цветов, которые заканчивались цветными кисточками. Идея была действительно потрясающая, а стоила блуза всего тридцать пять долларов. К нам часто заглядывали

производители одежды с Седьмой авеню в поиске идей, которые можно украсть. Однажды они пришли с женами, и те стали по очереди мерить блузку, а парни в то время разглядывали ее со всех сторон. Я сразу понял, что происходит, но думал, что они все же купят блузку. Однако разглядев ее со всех сторон, они «решили» все-таки не покупать ее. Я страшно разозлился и сказал, что они могли бы хотя бы заплатить тридцать пять долларов за дизайн, чтобы создателю блузки было на что жить до следующего раза, когда они захотят скопировать его модели. Но они ничего и слышать не хотели и ответили: «Мы не обязаны ничего покупать». Что ж, наверное, они были правы: идею они уже высмотрели, и никто не мог запретить им ее скопировать. Как видите, пытаться продать людям творческие идеи — совершенно бесперспективное занятие. Париж мирится с этой несправедливостью уже давно.

Благодаря магазинчику в Саутгемптоне я вовремя платил по счетам и имел возможность сменить обстановку летом. Но через несколько лет я решил закрыть его и сосредоточиться на оптовых заказах осенних шляп: их было так много, что я не мог сидеть все лето в Саутгемптоне.

Отработав в Саутгемптоне третье лето, я вернулся в Нью-Йорк и обнаружил, что здание на Пятьдесят четвертой улице купил новый хозяин и поднял аренду на двести пятьдесят долларов. Летом, пока меня не было, он зашел в мой салон, огляделся, увидел шикарную обстановку и декор и решил, что я в состоянии платить больше. Но он не на того напал. Поскольку по закону я не мог препятствовать повышению арендной платы, я просто собрал вещи и в течение двух

недель вывез все из старого дома. Никогда не забуду выражение на лице хозяина, когда он увидел, что я снял со стен все роскошные драпировки. Остались лишь облезлые стены и атмосфера казенного дома. Только белый потолок с позолотой напоминал о том, что в этой комнате некогда был элегантный салон. Я временно разместился в доме 56 по Пятьдесят шестой улице, где теперь обитала моя старая знакомая, французка-модельер, которая когда-то жила надо мной на третьем этаже. Мы отлично там расположились: она заняла комнату в глубине дома, а я — переднее помещение с окнами на север. Снимать квартиру мне было не по карману, так что я стал жить прямо в магазине, хотя ванной там не было.

Вечера я часто проводил у мистера и миссис Мэк, которых всегда называл «тетя Мэй» и «дядя Мэк». Они были так добры ко мне все эти годы, так заботились обо мне, и в тот период только благодаря их ванной я держал себя в чистоте! Миссис Мэк при этом замечательно влияла на меня. Стоило мне размечтаться, и она всякий раз возвращала меня с небес на землю. Она была из тех, для кого черное — это черное, а белое — всегда белое, мои творческие штучки не производили на нее ни малейшего впечатления. Она научила меня быть реалистом, за что я ей премного благодарен: теперь я умею смотреть на вещи здраво и при этом сохранил свое природное воображение. Но она спасла меня от склонности чрезмерно восторженно относиться к миру. Именно благодаря миссис Мэк я стал успешным репортером. Я научился видеть факты и не отворачиваться, а прежде все время пытался исказить правду, подстроить ее под себя, и не хотел замечать очевидного.

Помещение на Пятьдесят шестой улице было сущим кошмаром. Мадам французенка постоянно готовила блюда французской кухни на электрической плите, которую мы прятали от пожарной инспекции, так как готовить еду в нежилом помещении противозаконно. Ее готовка привлекала толпы жирных тараканов. Как-то утром я примерял шляпу одной очень почтенной покупательнице и только уже собирался натянуть ее ей на голову, как один из этих перекормленных тварей упал со шляпы на пол. После сытного ужина он отсыпался на тулье. Слава богу, что клиентка ничего не увидела: одним быстрым движением я сорвал шляпу с ее головы и прищелкнул ногой таракана, бросившегося через всю комнату. Рядом стояла миссис Нильсен, она вся позеленела, чуть не упала в обморок и выбежала из комнаты. А я даже глазом не моргнул и продолжил что-то болтать насчет шляпы. С тех пор я никогда не надевал шляпы на покупателей, не заглянув сперва внутрь!

Не прошло и года, как пожарный департамент пронюхал про наши дела, и нас вытурили. Я был даже рад, хотя в этом доме было очень весело, и там я создал две свои самые успешные коллекции, в том числе осеннюю коллекцию 1959 года со шляпами из кожи и змеиных шкур, которую я считаю своей лучшей. Как и все самые успешные коллекции, она очень плохо продавалась, потому что была слишком новаторской. Но тема джунглей не оставляла меня еще долго.

*

Я переехал в семикомнатный дуплекс на крыше Карнеги-холла. Место поражало своей грандиозностью: в громадной студии, которая стала моим салоном, были пятиметровые

потолки. Кухню я превратил в мастерскую, а в холодильнике хранил меха. Наверху разместились две спальни и ванная. Представьте: наконец-то, впервые за двенадцать лет в Нью-Йорке, у меня появилась отдельная спальня! В одной спальне были французские двери, выходящие на балкон, который опоясывал всю огромную студию. Окна от пола до потолка выходили на юг. Я обставил комнату, как зимний сад, разместив в ней сто четыре гигантских растения в кадках. В центральной комнате не хватало лестницы, и я вспомнил, что видел, как на старом мясном рынке на Мэдисон-авеню демонтировали чудесную винтовую лестницу из чугуна, которую я и купил за сто долларов. Она придала комнате необыкновенный шарм, а атмосфера джунглей стала более изысканной, когда я повесил под потолок хрустальный канделябр на пятьдесят свечей. (В том, что касалось декора, я никогда себя не сдерживал!) С потолка свисали кашпо с папоротниками и пять клеток, в каждой из которых жила птица. У меня были японский соловей, красавец лесной дрозд, южноамериканский кардинал и две попугаихи, подаренные моей подругой-француженкой. Ей их подарил любовник, а когда мадам узнала, что попугаихи обе женского пола и не будут заниматься продолжением рода, она сочла их бесполезными. Она признавала только гетеросексуальные связи.

С утра до вечера в окна просторной студии струились солнечные лучи, и мои давние клиентки сошлись во мнении, что это самый замечательный салон из всех, которые у меня были. Работать и жить в Карнеги-холле было прекрасно. Здесь жили только творческие люди, которые творили круглосуточно, — сам воздух был напитан творчеством. Я очень благодарен, что

жилые помещения при концертном зале так долго не закрывали: что за люди жили в ста тридцати трех студиях Карнеги-холла, что за колоритные персонажи! На моем этаже обитала фотограф, женщина средних лет с длинными черными волосами до талии. У нее было хобби: она танцевала партию умирающего лебедя из балета «Лебединое озеро». Она занималась этим только в полнолуние, выключив свет в своей громадной студии, некогда принадлежавшей Эндрю Карнеги. Персидский ковер на полу заливал лунный свет. Она надевала костюм из перьев — к моменту моего переселения в «Карнеги» он выглядел уже довольно потрепанным, но я его позднее обновил. Я влюбился в этот костюм и стал постоянным посетителем ее выступлений. Они не предназначались для широкой публики, но иногда она приглашала друзей, и те смотрели, как она в мистическом трансе порхает по залитой лунным светом студии.

На нашем этаже жила и девяностолетняя миссис Лила Тиффани, известный в Нью-Йорке персонаж: она играла на аккордеоне на улице у Карнеги-холла. Если вы когда-нибудь бывали на концерте в Карнеги-холле, вы наверняка ее видели: она сидела там в летнюю жару и зимний холод. Миссис Тиффани была одним из тех удивительных эксцентричных созданий, которые делают Нью-Йорк самым колоритным местом на Земле. В самый холод она сидела на старой картонке от яиц в трех или четырех пальто, надетых одно поверх другого, завернув ноги в газету и упаковочный картон. У нее было совершенно фантастическое лицо — желтоватое, прорезанное длинными глубокими морщинами, и а глаза пронзительно смотрели из-под копны серебристых волос, которые

украшала старая красная фетровая шляпа с выцветшими розами и страусиными перьями. Как-то раз я сделал ей новую шляпу, но она не смогла ее носить — сочла слишком шикарной. Тогда я посоветовал ей поспать на ней пару недель. Она была заядлой собачницей, в какой-то момент у нее было тридцать три собаки. Выгуливая своего пса холодными зимними вечерами, я часто подходил к ней, и она грела руки в его шерсти. Однажды в полнолуние миссис Тиффани неважно себя чувствовала, и старая балерина пригласила ее отдохнуть и посмотреть «Лебединое озеро». Бедная миссис Тиффани с трудом доковыляла до дивана времен императрицы Евгении и села, подстелив себе коричневый бумажный пакет. Начался танец лебедя, выключили свет, и миссис Тиффани вскоре уснула. Когда лебедь умер, она проснулась и обнаружила, что бумажный пакет пропал. По ее словам, в нем была тысяча восьмьсот долларов. Мы всполошились, начали искать пакет, но так и не нашли.

А через несколько дней в студию танцовщицы (которая была практически нищей) привезли два восхитительных дивана, обитых белой тканью с узором «дамаск». Увидев новую мебель, миссис Тиффани прокляла танцовщицу и ее квартиру, а в особенности — прекрасную статую Венеры из белого каррарского мрамора, самую драгоценную вещь, принадлежавшую умирающему лебедю. В тот вечер у миссис Тиффани было видение: куча змей проползают под дверь квартиры балерины и обвивают холодную статую. Она проснулась, выскочила из кровати и еще раз прокляла статую. Я воспитан в ирландском католичестве и не верю в колдовство,

но на следующий же день статуя опрокинулась и разбилась на тысячу кусочков! Разумеется, никто не знал наверняка, были ли у старушки деньги в том коричневом пакете, а кроме хозяйки, в комнате находилось еще много людей. На следующий день миссис Тиффани подрядила меня нести в банк пакеты с мелочью: ей нужны были деньги на аренду. Я-то был не против, думал, у нее всего пара небольших пакетов — но когда подошел к ее квартире, у двери стояли огромные мешки с монетами, заработанными за пять лет музицирования на улице! Еще миссис Тиффани была очень суеверной и в пятницу, тринадцатого, всегда пела песни, призывающие удачу и отпугивающие нечисть.

Мои клиентки обожали мой новый салон, для них это был совершенно непривычный опыт. На концертах в Карнеги-холле по пятницам бывали все, а вот в богемные апартаменты при концертном зале никто ни разу не поднимался. Мой салон процветал, и я презентовал четыре коллекции. В эти годы я в качестве эксперимента открыл второй бутик на Мэдисон-авеню, но пришел к выводу, что тамошняя публика похожа на саутгемптонскую: много людей заходило посмотреть, но никто из них не разбирался в высокой моде. Наверное, поэтому салоны кутюрье так редко располагаются на первом этаже зданий: люди, которые забредают просто так, с улицы, не тратят вдруг несколько сотен долларов на модную одежду. Клиенты приходят к кутюрье по рекомендации. В мире высокой моды выше всего ценится личное доверие. В бутике на Мэдисон-авеню работала внучка одной из моих богатых клиенток. Романтичная натура и модница, она каждый день

одевалась под настроение. Я с нетерпением ждал ее прихода, ведь ее образ поразительно менялся изо дня в день: она могла полностью изменить прическу и макияж, сегодня явиться кокеткой, искрящейся как кубок с шампанским, а завтра одеться как суровая школьная учительница из Новой Англии. Она была настоящей актрисой и так заговаривала зубы клиентам, что продала бы им целую улицу. Ребята из местных кафе были ее рабами: мне приходилось ждать кофе часами, а Гэй едва вешала трубку, как в дверь уже стучался запыхавшийся курьер. Под Рождество, когда торговля шла не ахти, Гэй вставала в витрину и делала вид, что украшает ее, а собрав под окном большую толпу, выбегала на улицу и притворялась, будто любит свое творение. На самом деле ее задачей было завлечь в магазин мужчин, и Гэй это удавалось: они слетались на нее как пчелы на мед. За одного из них она впоследствии вышла замуж. Она была моей лучшей продавщицей: капризные матроны изливали ей все свои проблемы, и в конце каждой сентенции она продавала им шляпу. Мы не успевали делать шляпы, так быстро они у нее расходились. Но проблема заключалась в другом: наши шляпы были слишком дорогими для уличной торговли, — поэтому мы закрыли бутик и сосредоточились на продажах через закрытый салон в Карнеги-холле, спрятанный от посторонних глаз. Я всегда считал так: если вы продаете действительно хорошие вещи, клиентки найдут к вам дорогу, где бы ни находился ваш салон. Главное, чтобы он был расположен удобно и в центре.

К 1960 году я уже не сомневался, что дни шляпников сочтены. Я все еще неплохо зарабатывал на своих пожилых

клиентках, по-прежнему носивших шляпы, но чувствовал, что моему неумемному творческому духу не хватает места развернуться. Кроме того, мы с моими матронами постоянно конфликтовали: им нужны были скучные неинтересные шляпы, а меня тянуло к новаторству. Мы были как огонь и вода.

Бесплодные попытки продать сколько-нибудь интересные вещи женщинам с Восточного побережья заставляли меня опустить руки. Причем моим противником были силы намного более могущественные, чем неприятие оригинальности в дизайне. Все продажи в высокой моде завязаны на желании клиенток соответствовать определенному шаблону. Особенно распространен такой подход среди завсегдатаев модных кафе и клубов, где все хотят лишь одного — пробиться в высшее общество. Мне всегда было стыдно работать с такими людьми. Иногда в моем салоне велись такие жесткие антисемитские разговоры, что я не сомневался: второе пришествие Гитлера не заставит себя ждать. С самого начала своей карьеры в моде я слушал эти разговоры и ужасался, для чего эти люди используют высокую моду. Бедная, бедная мода! Она становится невинной жертвой глубоко укоренившейся ненависти. Мой салон был всегда открыт для всех. Мои работы обожали в Jet и Ebony и всегда отводили им много места. Много лет я устраивал шляпные показы в Гарлеме, и это были самые волнующие шоу на моей памяти: гарлемская публика действительно ценила оригинальные идеи. Реши я снова открыть магазин, я бы всерьез рассматривал Гарлем. Гарлемские леди умеют носить шляпы как никто, и чем шляпа оригинальнее, тем она им больше нравится. А клубная публика, мне

кажется, просто завидует богатству, накопленному нуворишами с Седьмой авеню. Конечно, агрессивнее всего пробивают себе дорогу в высшее общество именно жены нуворишей, но они же носят самую оригинальную одежду. В общем, тема это животрепещущая, в салонах кутюрье только о том и говорят. Но мне кажется, женщинам пора забыть этот смехотворный бред и носить модную одежду просто ради удовольствия. Ведь красивые вещи приносят радость.

*

Когда двери моего салона закрылись, это было очень грустно — как развод. Моя детская любовь не умерла, а просто испарилась. Женщины перестали носить шляпы.

МОДНЫЙ ФИНГАЛ

В то время как я занимался закрытием магазина, мне позвонила редактор рубрики моды из Women's Wear Daily. Она пригласила меня на ланч и познакомила со своим боссом — Джоном Фэйрчайлдом-младшим. За последние три года он превратил превосходную, но очень скучную газету о моде в самое противоречивое издание в модном мире. Раньше Women's Wear Daily называли «Библией моды», теперь это был «Новый завет».

Каждый день байеры и дизайнеры первым делом открывали эту газету, чтобы посмотреть, кого разнесли в пух и прах, а кто стал новой звездой. Джон проделал великолепную работу, и я пристально следил за революцией, которую он устроил в модной журналистике. Когда он позвал меня на ланч, я тут же ответил отказом — не хотел, чтобы мной манипулировали.

Мистер Фэйрчайлд мог уничтожить дизайнера в угоду сенсации. Но редактор сказала, что я зря боюсь и мне понравится наша встреча. Мы пообедали, и оказалось, что мы на одной волне: в нас обоих бурлил мятежный дух. Я совсем позабыл про все гадости, которые недавно прочел в его газете, а он вдруг взял и попросил меня вести колонку. Я ответил решительным отказом, заявил, что «я не писатель и делаю ошибки даже в своем имени». Но тут же поведал ему про вечеринку, на которой побывал накануне, и о том, как безошибочно я чувствовал, что в моде происходит революция. Джон так разволновался, что позвонил в газету и велел отменить текущий репортаж на первой странице и поставить вместо него мою статью, которую я написал тут же, в дубовом зале St. Regis, сопроводив ее смешными маленькими карикатурами женщин, которых видел на приеме (художник газеты потом нарисовал на их основе потрясающие скетчи). После ланча мы пошли в редакцию, где все редакторы отдела моды обозлились на меня и жалели, что я вообще открыл рот. Арт-отдел тоже посматривал на меня косо. Я провел в редакции час и к концу чувствовал, что совершил какое-то преступление, хотя на самом деле редакторы злились не на меня, а на Джона. Оказалось, он частенько возвращался с обеда, притаскивал с собой какого-нибудь любопытного персонажа из мира моды и велел сотрудникам срочно заменить передовицу, над которой те до этого работали. При этом всем в редакции приходилось задерживаться допоздна, разрабатывая новую идею. Разумеется, именно благодаря этой тактике обновленная газета стала пользоваться такой популярностью. Джон был открыт всем новым идеям и, без всяких сомнений,

его можно назвать одним из величайших независимых издательств нашего времени.

После закрытия салона я два месяца путешествовал по Америке на автобусах и останавливался во всех крупных городах, чтобы понаблюдать за жизнью обычных людей. Это был потрясающий и очень отрезвляющий опыт, ведь я мало где бывал в своей стране. Путешествие стало для меня откровением. Южные штаты, Юго-Запад, Западное побережье, бескрайние пшеничные поля Среднего Запада... Я понял, что слишком долго прятался за пальмами в горшках нью-йоркской гостиницы Plaza. Реальные женщины не живут такой жизнью, не наряжаются, как советуют им глянцевого журналы.

Ни в Канзас-сити, ни в Новом Орлеане, ни в Шайенне женщины, кажется, вовсе не интересовались модой. Их мечты были более приземленными: новый дом, красивая машина и интерьер — все это интересовало их гораздо больше одежды. Как выяснилось, битва за место на модном олимпе ведется исключительно в Париже, Нью-Йорке, Лондоне и Риме. Конечно, я видел хорошо одетых женщин на званых обедах и ужинах, но не было той модной истерии, которая мне, по правде говоря, нравилась. В маленьких эксклюзивных бутиках, где продавалась одежда от лучших дизайнеров, мне всегда давали один ответ: да, женщины покупают красивую одежду, но берут ее с собой в путешествие в Нью-Йорк и Париж и только там и носят. Таким образом, я заметил одну интересную тенденцию в американском обществе. Почему в своих родных городах все так боятся быть собой? В самых смелых рядах в Нью-Йорке всегда расхаживают приезжие. Как будто

в родном городе они не чувствуют себя достаточно уверенно. То же можно сказать и о ньюйоркцах. Клиентки часто признавались, что носят мои безумные шляпы в Европе, но только не в Нью-Йорке. Видимо, американки слишком озабочены тем, «что люди скажут». Или им нужно выбраться в незнакомое место, где их никто не знает, чтобы освободиться от комплексов.

При этом я заметил одну странную вещь: дамы со Среднего Запада, как ни парадоксально, всегда покупали потрясающие шляпы, пальто и платья лишь потому, что те им нравились. Больше всего интересной одежды мне встретилось на улицах Чикаго; безусловно, люди здесь чувствовали себя более раскрепощенно, чем в Нью-Йорке. В Чикаго статус никого не интересовал. Никто даже не задумывался о том, узнает ли какая-нибудь великосветская нью-йоркская кумушка в его наряде вещь от известного кутюрье.

Дизайнерам не мешало бы раз в три года выбираться из своего обжитого угла и путешествовать по стране!

*

Вернувшись из путешествия, я тут же взялся за коллекцию экстравагантных масок птиц для оформления витрин в Bonwit Teller. Изготовление масок давало мне полную свободу самовыражения: не нужно было подстраиваться под покупателей. Семикомнатная студия в Карнеги-холле стала мне не по карману, да и места там было для меня одного многовато. Поэтому я дал объявление в New York Times и сдал половину студии очаровательной английской писательнице Джин Кэмпбелл (как я впоследствии узнал, она происходила

из древнего шотландского рода). Джин поселилась в квартире со своим мужем Норманом Мэйлером — они только что поженились, — и мы стали жить все вместе. Как-то утром миссис Нильсен, которая неизменно являлась на работу в восемь часов, помогала мне шить маски для Bonwit Teller. Я вышел прогулять с собакой, и тут мистер Мэйлер спустился по лестнице и продефилировал через всю мастерскую в ванную в одних трусах. Миссис Нильсен, дама с викторианскими манерами, чуть не лишилась чувств. Оказалось, она не знала, что муж миссис Кэмпбелл теперь живет с нами. А самое смешное, мистер Мэйлер даже не заметил ее и не извинился! Чтобы поддержать мир в семье, я переехал в студию поменьше на этаже повыше. Из окон открывался ошеломляющий вид на Гудзон, а с северной стороны — на Центральный парк. Две стены были полностью остеклены от пола до потолка, высота которого равнялась пяти метрам. Жить там было одно удовольствие — все равно что на верхушке дерева. (В прошлой жизни я, наверное, был птицей и в этом гнезде чувствовал себя как дома.)

В конце сентября мне позвонил Джон Фэйрчайлд и спросил, почему я так ему и не перезвонил. К тому времени я уже научился не стесняться людей и честно ответил, что редко звоню кому-либо в Нью-Йорке, так как люди первым делом решают, что мне от них что-то нужно. Джон рассмеялся и ответил, что хочет снова пообедать со мной. Во время нашей второй встречи он совершенно меня очаровал. Наши взгляды на моду совпадали. К концу обеда он убедил меня написать пару статей и прислать их в газету. В тот же вечер, страшно волнуясь, я пошел на вечеринку в Plaza и, как только начал

по привычке наблюдать за гостями и смотреть, кто во что одет, у меня возник такой прилив вдохновения, что я написал три колонки и отправил их Джону. Тот немедленно напечатал мой репортаж, и меня взяли на работу, причем платили больше, чем где-либо в городе: двести семьдесят пять долларов за три колонки. Когда я называл свой гонорар другим редакторам рубрик моды в ведущих нью-йоркских газетах, те не верили своим ушам. В газетах всегда платят очень мало.

Начав вести колонку в *Women's Wear Daily*, я поклялся никогда не писать ни слова лжи о работе дизайнеров и их коллекциях. Единственными принципами, которыми я не был готов поступиться, были моя честность и прямота. Ночью я часто ворочался без сна от неприятного ощущения, что мои статьи, возможно, чересчур резки и противоречат общепринятому мнению, но я не мог позволить себе погрязнуть в притворстве, которым пропитаны девяносто процентов модной прессы. Вскоре Джон начал просить меня писать иначе. Присыпать критику сахарной пудрой, скрывать свое истинное мнение. Но мне казалось, что в мире моды и так все хвалят петуха за то, что хвалит он кукушку, и пора взглянуть правде в глаза. Еще один принцип, которого я всегда придерживался в работе, — писать о хорошо одетых женщинах, потому что те разбирались в моде, а не потому, что занимали высокое положение в обществе. Я всегда выбирал героев своих репортажей за внешний вид и лишь потом узнавал, как их зовут. Моей работой была мода, а не изучение родословной. Стоит ли говорить, что уже через пару месяцев у меня появилась куча врагов? Зато мою колонку читали все.

Какое-то время колонка пользовалась огромной популярностью. И неудивительно, ведь я начал работать как раз во время забастовки нью-йоркских газетчиков: кроме *Women's Wear Daily*, читать было особенно нечего. Наверное, этим и объясняется взлет популярности моей колонки. Уже точно меня полюбили не за литературную ценность моих рассказов: я даже не знал, что такое глагол. Многих моих друзей шокировал низкий, просторечный язык, на котором я изъяснялся. Я делал это намеренно. В прошлом я не раз читал репортажи о моде и ни черта не понимал, что в них написано. А у деловых людей все равно нет времени лезть в словарь и искать незнакомое слово, которое ввернул в репортаж зазнайка-автор. Мне казалось, что мои читатели — рабочий люд, многие из них наверняка обучались ремеслам, и я подумал, что разговаривать с ними нужно как в дружеской беседе за кухонным столом во время перерыва на кофе — чтобы не приходилось долго думать, что же автор имел в виду. Я ни разу не использовал слов, которые не знаю сам. Часто кто-то в редакции предлагал заменить мое слово более «ученым», но мне казалось, что лучше этого не делать.

Когда я впервые поехал в Париж как репортер ежедневных газет, я забыл сказать редакторам, что мое правописание оставляет желать лучшего: я пишу как слышу. Помимо колонки в *Women's Wear Daily*, я должен был вести репортажи с показов для нескольких газет. Мало того что я всегда писал с ошибками, мне приходилось осваивать новую пишущую машинку, а печатал я, само собой, двумя пальцами. Короче говоря, редакторы чуть не рухнули в обморок, когда из Европы прибыли мои первые репортажи. Консервативные интеллектуалы из *Chicago*

Tribune не верили своим глазам. Такого ужасного правописания они не видели в самых страшных кошмарах. Помню, они поверить не могли, как я умудрился достичь таких высот с подобной орфографией. Редакторы Boston Herald не сказали ни слова, но через месяц я получил от них по почте маленький сверток. В нем оказалась сияющая медаль Boston Herald «Золотая пчела», вручаемая за худшее правописание в мире. Я пару раз надевал эту медаль на ленточке на званные приемы ради смеха, но никто не удосужился прочесть надпись на ней. Все лишь смотрели на меня как на потомка королевской семьи, потому что у меня какая-то медаль на шее, — типичное для нью-йоркского светского общества поведение.

Работая газетным репортером, я никогда не писал о том, чего не видел своими глазами или не слышал своими ушами. Как следствие, мне приходилось бывать везде и всюду. Я работал круглосуточно и наслаждался каждым моментом. Иногда за вечер я бывал на пяти вечеринках, а потом писал честную статью о том, кто действительно был элегантно одет в тот вечер в Нью-Йорке. Сложнее всего было писать о коллекциях модных дизайнеров, ведь мне приходилось быть честным. К своему потрясению, я узнал, что девяносто процентов дизайнеров с Седьмой авеню выдают за свои «оригинальные» творения идеи других кутюрье, особенно парижских. Когда я заговорил об этой постыдной тенденции в одной из своих колонок, разразился жуткий скандал, и меня перестали пускать на многие показы. Известные дизайнеры приглашают прессу на показы лишь с одной целью: чтобы их похвалили; у неженки с Седьмой авеню даже в мыслях нет, что кому-то

придет в голову их критиковать. Если репортеру Women's Wear Daily было что сказать плохого, он или не говорил ничего, или же его репортаж помещали на последние страницы, где его мало кто видел: такова была политика издания.

В первые три месяца моей работы в газете я не посетил ни одного сколько-нибудь достойного показа известных дизайнеров. Все, что я увидел, было лишь обработкой идей из Парижа, оригинальный дизайн не представил никто. Последним дизайнером, чей показ я посетил, был Норман Норе́лл, в то время считавшийся самым важным американским кутюрье. Получив приглашение, я пришел в восторг. Раньше я никогда не бывал на показах Норе́лла.

Наступил вечер показа, и я страшно разнервничался, вспоминая, что мне рассказывал про Норе́лла Живанши: мол, тот регулярно покупал одежду Живанши и Баленсиаги. Я ударился в панику, думая, что коллекция Норе́лла окажется всего лишь повторением парижских коллекций и я буду вынужден написать, что всеобщий герой — всего лишь очередной имитатор. В ту ночь я так нервничал, что дошел пешком от дома на углу Пятьдесят седьмой улицы и Седьмой авеню до резиденции Норе́лла на Тридцать девятой улице, и все это время перебирал четки и читал «Отче наш» и молитву Богородице, прося небеса, чтобы на показе не было копий. Когда в девять вечера я наконец остановился у салона Норе́лла, у меня дрожали колени и я был на грани нервного срыва. И вот наконец на подиум вышла первая модель. Я перестал дрожать и улыбнулся с облегчением. Это были самые прекрасные платья, пальто и костюмы, которые мне только доводилось видеть,

и ни одна модель даже отдаленно не напоминала работы парижских кутюрье. Коллекция Норелла была оригинальной от и до, а сам он — настоящим художником. У него было удивительное чувство цвета. А еще, как я уже говорил, он всегда шел в ногу со временем.

На следующий день состоялся пресс-показ новой коллекции калифорнийского дизайнера Джимми Галаноса. Галанос был потрясающим творцом, чей талант признавали во всем мире. Он представил около трехсот моделей, и я восхитился оригинальным кроем и исполнением, но чего-то как будто не хватало. Мне показалось, что его одежда слишком грустная. Лица моделей были мрачными, как на похоронах. Наверное, я просто раньше никогда не обращал внимания на этих невероятных элегантных женщин, которые никогда не улыбались: они слишком серьезно к себе относились. После показа я написал статью и пять раз переписывал ее, прежде чем представить редакции. Я видел, что дизайнер необыкновенно талантлив, но что-то в его показе меня покорило. Я не мог оценить его так же высоко, как показ Норелла. Вместе с тем эта коллекция была на голову выше всего, что я видел на Седьмой авеню. Но меня не оставляло ощущение, что чего-то Галаносу не хватает, более того, я чувствовал, что после прочтения моего репортажа о Норелле все жаждут узнать мое мнение о Галаносе. И вот сначала я написал, что Галанос «подарил миру моды золотое яблоко». Потом изменил формулировку и написал, что он «не подарил миру моды золотое яблоко». В общем, я зациклился на этом яблоке и в итоге написал, что его коллекция похожа на блестящее красное яблоко — но не золотое. Короче,

больше меня на показы Галаноса не пускали. Его одежда становится понятна не сразу, у нее есть глубокий посыл, и она гораздо более искренняя, чем поверхностные коллекции, которые мы видим каждый день. Сейчас я могу честно сказать: его творения, без сомнения, были самыми оригинальными и прекрасными в США того времени.

Через несколько дней после показа Галаноса я отбыл в Европу на Неделю моды. В газете мне отказались оплатить командировочные, так что я поехал за свой счет. Каждый день я отправлял домой репортажи, всегда писал очень прямо и говорил, что думал. Многие байеры и журналисты не сомневались, что, если я буду продолжать в том же духе, на парижскую Неделю моды меня больше никогда не пустят. Но все шло отлично до показа Dior. Я написал очень неблагоприятный отзыв, сказал, что новая коллекция — всего лишь переложение старых и что, к моему большому разочарованию, Dior выбыл из числа лидеров. Короче говоря, Джон Фэйрчайлд не разрешил мне опубликовать этот репортаж. Я ужасно разозлился и пригрозил уволиться. Мне было все равно, опубликуют мой репортаж или нет, я думал о том, как несправедливо это по отношению к другим дизайнерам, которых мне позволялось свободно и открыто критиковать, в то время как о самом важном доме моды в мире, о знаменитом Кристиане Диоре я не имел права высказать свое честное мнение. То есть обсуждать других дизайнеров можно сколько угодно, но когда речь заходит о больших шишках, нам, репортерам, остается лишь угождать их раздутому эго? Я считал, что это настоящий обман, и на следующий же день написал колонку, в которой извинялся перед Джимми Галаносом

за резкий отзыв о его нью-йоркском показе и отмечал, что мой репортаж из Парижа запретили публиковать. В колонке говорилось следующее.

Традиция французов взимать «страховочные взносы» в размере одной тысячи долларов с профессиональных байеров определенно устарела. Менее чем половине парижских модных домов достанет таланта, чтобы требовать такую высокую плату за просмотр своей коллекции. Я пробыл в Париже четыре дня, и вы просто не поверите, что они выдают за «высокую моду». Откровенно любительский пошив, провинциальный крой. Я говорю о небольших модных домах, так как показов крупных дизайнеров я еще не видел. Что до молодых талантов, в этой толпе я не смог разглядеть ни капли индивидуальности. Поверьте, я не питаю предубеждений, я просто в ужасе от того, что нынче называют «дизайном».

Четверг, 9:00, дом Dior

Я нашел новое престижное место для просмотра коллекции. Раньше это была центральная лестница, а теперь — маленький балкончик с видом на салон. Я пришел первым. Через полчаса на балкончике собралась толпа из тридцати человек. Там была маркиза де Портаго в соболиной шубе в пол и ее маленькая дочка Андреа, разглядывающая экзотическую модель Куку влюбленными глазами. Внизу,

в салоне, собралась такая толпа, будто одежду сегодня раздавали бесплатно. В Париже есть такая игра: вас заставляют ждать и до последнего думать, что на показ вы не попадете. Когда же наконец вам это удастся, вы чувствуете себя так, будто очутились в святая святых. Сегодня восемьсот человек, желавших попасть в салон, вынуждены были протискиваться через проход шириной шестьдесят сантиметров. По обе стороны от него стояли позолоченные стулья. Директор дома Dior Жак Руэ стоял рядом со мной и ни разу не повысил голос, чтобы проконтролировать ситуацию. Салон был увит глицинией, а на каминной полке стояли букеты весенних цветов. Даниэль Даррье, наверное, решила, что по ошибке пришла на футбольный матч: на нее навалились сразу пять женщин, прокладываящих себе дорогу локтями. Элегантнейшая виконтесса де Рибе притягивала к себе все взгляды: на ней был черно-белый твидовый костюм с мужской фетровой шляпой, черные сетчатые чулки и сапоги, как у Тулуз-Лотрека. Художники из крупных журналов и газет взгромоздились на столик эпохи Луи какого-то, чтобы получше разглядеть коллекцию. Когда толпа достигла критической численности, продавщица Dior, напоминающая хищную птицу, утащила за собой в безопасное место Мелинду Меркьюри в шубе и шапке из шиншиллы. Показ начался в полной тишине. Сразу стало ясно, что

тема коллекции — «с миру по нитке». В ней было что-то от Баленсиаги — даже не «что-то», а пальто, точь-в-точь как у него; что-то от Ива Сен-Лорана — платья с глубоким драпированным вырезом на спине; что-то от Джимми Галаноса — пышные рукава, присобранные на запястье, из коллекции двухлетней давности. Была там и Шанель с ее костюмом со свитером, пальто, короткими волосами и гардениями. Там был сам Диор образца 1950 года и вырез-подкова. Там был фильм «В прошлом году в Мариенбаде» с воротниками, отороченными перьями. Была Жижи Колетт в матроске и берете размером с пиццу. Временами там появлялся даже Лоуренс Аравийский, а иногда свои таланты демонстрировал нынешний дизайнер Dior Марк Бохан.

Лежачего не бьют, но почему, объясните мне, дом Dior не может развивать собственные идеи, вместо того чтобы эксплуатировать чужие? Сто из двухсот показанных моделей обеспечили бы этой коллекции несомненный успех. У дизайнера Dior Марка Бохана, безусловно, есть свой стиль, и его оригинальные творения достойны восхищения. Его почерк ощущается в драпированных рукавах-кимоно костюмов и пальто и особенно платьев из крепа. Высокие вшитые рукава — нечто среднее между платьями девушек Гибсона и рукавами-буфами — иногда начинаются всего на пару сантиметров ниже воротника. Хотя, по правде говоря,

мне показалось, что в них слишком много от Галаноса. Сорок или даже больше платьев с блестками показались мне совсем не блестящими. Вот почему Норелл — великий дизайнер: он первым понял, что платья с блестками безнадежно устарели даже на уровне *haute couture*.

После показа все ринулись к выходу, и это напоминало нью-йоркское метро после парада в День святого Патрика. Пожарный комиссар Нью-Йорка Кэванах пришел бы в ужас, увидев, как элегантные дамы прокладывают себе дорогу, опрокидывая золотые стулья. Ковры были усеяны бумажками и окурками. Бэбс Симпсон из *Vogue* запихнула стул в угол. Главный редактор *Vogue* миссис Вриланд с каменным лицом распихивала толпу на лестнице. Виконтесса де Рибе как ни в чем не бывало беседовала с кем-то в центре фойе. Дворецкие с подносами шампанского тщетно пытались подняться по лестнице против течения.

Я сказал Джону, что, если он не опубликует мое извинение перед Галаносом, я уволюсь: мне казалось, что это справедливо. А Джон, наверное, решил, что я принимаю все слишком близко к сердцу. Но с того случая мы с ним стали редко совпадать во взглядах. Мне казалось, что он предается возмутительному фаворитизму — то есть играет в любимую игру прессы. Разумеется, в этом не было ничего нового. Видели бы вы журналистов после крупных показов в Париже. Многие

собираются и обсуждают только что увиденное, а потом пишут обзоры. Неудивительно, что на следующий день даже профессионалы не могут разобрать, что на самом деле хотел сказать тот или иной газетчик. А что делать читателям?

*

За время работы в *Women's Wear Daily* мне особенно запомнился один случай с универмагом *Bonwit Teller*. Я писал репортаж о коллекции копий *Pierre Cardin*, которые *Bonwit Teller* заказал для отдела молодежной одежды. При этом заявлялось, что это копии последних моделей прямиком из парижской мастерской Кардена, но, увидев коллекцию, я понял, что это переработка дизайнера двух-трехлетней давности. Показ был так ужасен, что мне хотелось провалиться сквозь землю, а Карден, присутствовавший в зале, так расстроился из-за надругательства над своим талантом, что вышел из зала и сказал, что никогда больше не будет иметь дело с *Bonwit Teller*. А я написал довольно резкую статью о показе, и многие тогда решили, что реакция не заставит себя ждать.

Два дня спустя меня снова пригласили в *Bonwit Teller* — на этот раз осветить их коллекцию мехов. Должен сказать, меня слегка удивило, что после моей критической статьи они снова меня позвали. Положив приглашение в карман, я вошел в салон мехов на третьем этаже, где уже собрались несколько сотен покупателей и пресса в ожидании новых меховых шедевров. Я сел на один из серых диванов, где сидели другие журналисты. И тут ко мне подошел президент универмага мистер Смит и как схватит за воротник! Он отвесил мне пару оплеух, а третьим ударом наградил меня очень элегантным

Модный фингал

фингалом. Не успел я опомниться, как меня вышвырнули на улицу. Я не стал защищаться и бить его в ответ, решив, что представителю прессы этого делать не стоит. Поднявшись с тротуара на Пятьдесят шестой улице, я позвонил нашему издателю и пересказал ему эту драматичную историю. Джон велел обо всем забыть и добавил, что поделом мне: по его мнению, Смит имел полное право меня побить. Но другие ребята из Women's Wear Daily были с ним не согласны. Редактор рубрики мехов сидела рядом со мной, видела, как все произошло, и обо всем подробно рассказала. Вся редакция собралась и потребовала у Фэйрчайлда, чтобы он разместил репортаж о случившемся в завтрашней газете — хотя бы для защиты остальных авторов.

Ведь Джон сам хотел, чтобы его репортеры свободно высказывали свое мнение о коллекциях. Когда же дошло до драки с кулаками, он пошел на попятную. В то время нью-йоркские газетчики бастовали, и случай вскоре забыли. А я написал, как мне кажется, идеальную колонку о произошедшем, но Джон ни в какую не соглашался ее напечатать. Вот что я написал.

Модный фингал

Если вы любите неожиданности, вам в мир высокой моды! Никогда не угадаешь, что войдет в моду завтра. Мне всегда хотелось быть в курсе последних новостей. Во вторник вечером, на показе мехов в универмаге Bonwit Teller, почтенный президент универмага мистер Уильям Смит, излучая дружелюбие, подошел ко мне и потребовал, чтобы

я убрался вон. Когда я показал ему приглашение — отнюдь не фальшивое, заметьте, — он схватил меня за шкуру и вышвырнул из зала. Какой эффектный уход! Такого шоу не видели на Бродвее за весь сезон. Если вас пригласили на светское мероприятие, главное — изысканно и элегантно откланяться. К сожалению, мне так и не довелось увидеть мягких прекрасных мехов, ради которых меня пригласили. Вместо них я увидел кулак, которым мистер Смит три раза ударил меня в лицо. Кто бы мог подумать, что за всем этим атласом и кружевами скрывается такая сила!

Разумеется, мне стоит поблагодарить мистера Смита за то, что наградил меня столь модным аксессуаром. Если вы следуете рекомендациям отдела красоты Bonwit Teller, то должны знать, что фингалы сейчас на пике моды. А мне особенно повезло, ведь я получил свой от самого президента! Надеюсь, теперь представители модной богемы мне обзавидуются.

Меня всегда восхищала эта быстрая смена настроений в модной индустрии: сегодня мы мягкие, как перышко, а завтра твердые, как кирпич; сегодня щебечем «Ах, дорогуша», а завтра обрушиваем на головы «дорогуш» всю злобу. И я не против, чтобы это было так, коль скоро индустрия моды по-прежнему будет производить оригинальную одежду и делать женщин красивыми.

С того инцидента от президента Смита не поступало вестей, и мне почему-то кажется, что ответного матча не будет, так как мы оба слишком заняты мыслями о том, насколько успешными будут продажи весной.

Я очень надеюсь, что в следующем сезоне Bonwit Teller закупит еще больше интересной одежды у Pierre Cardin, а миссис Смит останется такой же модницей, какой всегда была, и продолжит носить свой симпатичный плащик с подкладкой в цветочек. Модные показы должны вдохновлять женщин покупать сразу после шоу: это и есть хороший бизнес. Ну а я жду не дождусь нового приглашения на показ Bonwit Teller, как только у меня пройдет фингал.

Меня все уговаривали подать в суд на Bonwit Teller, но я решил, что так дела не делаются, и позвонил президенту Смиты через два часа после инцидента. Тот не согласился говорить со мной по телефону: видимо, юристы еще не посоветовали ему, как со мной быть. Я же хотел уладить дело цивилизованно, как и полагается порядочным людям.

Прошло два дня. Мистер Смит позвонил и сказал, что извиняться ему не за что и мы в расчете. Тогда я решил забыть о произошедшем, но примерно через год по Седьмой авеню поползли слухи, что Смит вовсе отрицает случившееся и якобы я все придумал. Многие поверили ему, так как в суд я не пошел. И вот, чтобы спасти лицо, ровно через год мы подали в суд, и дело уладили в суде без разбирательства: Bonwit

Teller заплатили мне компенсацию за один фингал в размере трехсот долларов. Как видите, дело было не в деньгах, я просто не мог допустить, чтобы меня считали лжецом.

Я проработал в Women's Wear Daily до весны 1962 года, но потом руководство стало закручивать гайки, и к концу моего сотрудничества с газетой мою колонку редактировали целых пять человек. Каждый выкидывал то, что ему не нравилось. Тем временем Джон провел редакционное собрание, куда меня не пригласили, и сказал, что Юджиния Шепард из Herald Tribune позвонила ему домой и сообщила, что я говорю гадости о газете и сотрудниках редакции. Когда мне сообщили то, что я якобы сказал, я, естественно, понял, что это-го никогда не было: я просто *не умел* так говорить.

Мне нравилось работать в газете, и все ребята в редакции были моими старыми друзьями. Наши с Джоном разногласия были личными и ни в коем случае не стали бы для меня поводом оскорблять своих друзей. Как бы то ни было, Джон сумел настроить редакцию против меня, хотя некоторые умные люди в газете и говорили, что не стоит обращать на него внимания: он просто пытается поссорить всех в надежде, что так мы станем лучше работать.

Я тут же позвонил Юджинии и спросил, что за дела. Она стала отрицать, что вообще звонила Фэйрчайлду, но тот держивался своей версии. Ассистентка Юджинии из Herald Tribune тоже рассказала ей о пресловутом звонке и потребовала объяснений. Но Юджиния все отрицала, хотя выглядела при этом очень виноватой. Тут я понял, что стал жертвой типичной для мира моды подставы, и попросил устроить

Модный фингал

встречу и пригласить на нее Джона, Юджинию и всю редакцию. Но Джон лишь отмахнулся и сказал: «Да забудь ты обо всем, Уильям, через пару лет ты об этом и не вспомнишь». Наверное, это и было его признание вины. После этого случая я понял, что не смогу уважать босса, опустившегося так низко. Успеха можно достичь и без интриг и подсиживания. Никогда не поверю, что успеха добиваются лишь те, кто жульничает. Мне кажется, что даже в нашем материальном мире, где шансы вроде бы не на стороне добра, оно всегда будет побеждать. Вдобавок в Судный день я смогу посмотреть Богу в глаза и не стыдиться совершенного мной предательства и того, что по пути на модный олимп я ступал по головам.

НА МОДНОМ ОЛИМПЕ

Освещение показов европейских дизайнеров — лучшее, что может случиться в жизни модного репортера, особенно если его приглашают снова и снова, из года в год. Поездка на Неделю моды, которую многие считали вишенкой на торте репортерской работы, на самом деле вовсе не была похожа на шикарный отпуск. Показы начинались в Италии, но лишь некоторые из них проходили в Риме, а главным там были не показы, а вечеринки, на которые вас приглашали, поскольку большинство ведущих итальянских дизайнеров жили в Риме и носили тот или иной аристократический титул. Никогда в жизни я не встречал столько графинь и принцев в одном месте. Меня всегда удивляло, что в одной семье может быть целых пять принцев и принцесс. Все наследники эксплуатировали свои титулы как только можно, ведь представители

американской модной прессы легко велись на короны с драгоценными камнями и не пропускали ни одной вечеринки в надежде быть представленными какому-нибудь бывшему королю. Итальянцы были не дураки и пользовались этим на всю катушку, приглашая на вечеринки всех своих друзей, у которых в жилах текла хоть капля королевской крови. Именно на этих вечеринках определялось, как будут выглядеть главные развороты глянцевого журнала мод, хотя никто еще не успел побывать во Флоренции, где проходили премьерные показы. Обо всем договаривались за несколько дней до показа, и каждый год модные журналы посвящали несколько разворотов коллекции очередной принцессы, которая просто скопировала Balenciaga. А несчастный дизайнер без роду без племени, чьи идеи были действительно оригинальными, оставался ни с чем. Когда вечеринки заканчивались, все гламурные модные журналисты в мехах и с жеманными манерами садились в один роскошный поезд до Флоренции. О, это было лучше всяких шоу!

В мою первую поездку в Европу в январе 1963 года, как раз после того, как я ушел из Women's Wear Daily, этот шикарный поезд застрял в горах Центральной Италии на семь часов из-за свирепствующего за окнами бурана. Дамы, непривычные к каким-либо задержкам, начали сходить с ума. В конце концов их высадили из шикарного поезда на одинокой станции в маленькой деревне. Все это происходило при нулевой температуре, и местные фермеры взирали на странных модных людей, раскрыв рты. Дамочки надели на себя по две шубы сразу, щеголяли в шляпах, сапогах и, естественно, солнцезащитных очках. Это напоминало сцену из фильма братьев

Маркс: итальянские железнодорожники загружают разодетый бомонд в крошечную электричку, пытаюсь решить, как лучше доставить важных журналистов во Флоренцию. Я живо помню редактора римского *Harpur's Bazaar*, которая из-за задержки совсем потеряла голову. Она высовывалась из окна поезда и орала на несчастных железнодорожников, при этом на ней было пальто из кожи аллигатора на толстом белом меху монгольской овцы. Она как раз передавала через окно носильщику футляр с драгоценностями, как поезд неожиданно тронулся. Никогда не забуду, как орала и отчаянно махала руками эта стильная дамочка, когда ее поезд уезжал в неизвестное далеко. Дамы из модных журналов внушают своим читателям, что нельзя терять лицо даже в кризисной ситуации, но сами-то, попав в переделку, выглядят так себе! Хорошо давать советы, запершись в своем уютном кабинете.

Неделя моды во Флоренции открылась с шиком. Местом проведения выбрали великолепнейший белоснежный балльный зал палаццо Питти, где принимали гостей итальянские короли, когда еще не было центрального отопления (после его изобретения они переехали в менее просторные и более комфортабельные апартаменты). Прессу холод, кажется, ни капельки не волновал, ведь раздутое самомнение журналистов могло согреть весь дворец целиком! С двух сторон высились длинные ramпы, отделявшие от подиума двенадцать рядов полотняных складных стульев для богатых байеров. В центре устроили продолговатый подиум Т-образной формы; модели дефилировали мимо байеров, чей орлиный глаз подмечал все, и становились на перекладину буквы Т лицом к тремстам

представителям прессы. В день открытия я всегда приходил пораньше, ведь наблюдать за тем, как в зале собираются приданнны, было интереснее всего. Вы даже не представляете, какие интриги и заговоры плели эти почтенные дамы, чтобы выбить себе место в первом ряду. У байеров все было просто: тот, у кого больше денег, получал лучшее место. Само собой, в первом ряду сидели сплошь богатые американцы. За следующие четыре ряда шла борьба между англичанами и немцами, а французам, бельгийцам и японцам ничего не оставалось, как сидеть сзади.

В секции для прессы получить место в первом ряду считалось вопросом престижа: одно это могло сделать редактору имя или опозорить его. Вот почему редакторы закатывали страшные истерики по поводу рассадки. Многие редакторы крупных журналов за час до показа отправляли в зал шпионов, чтобы те заняли им теплое местечко. Дамочки из прессы, особенно редакторы гляцевых журналов, планировали свое появление на показе так, будто главными звездами были они сами, и переодевались по три-четыре раза за день. Во Флоренции в первом ряду сидели американки, сбоку — итальянки, страшно неудобные, что их не посадили в центр, немки сидели с другого бока, но, похоже, не возражали: сидя рядом с выходом, можно было незаметно выйти во время скучных дефиле.

В начале все осыпали друг друга любезностями, называли «дорогушами» и «милочками» и целовали руки, но стоило начать показам, и атмосфера всеобщей любви мгновенно испарялась. Слишком много было противоречивых мнений по поводу коллекций, и никто не собирался уступать.

Утром было два показа с перерывом в пятнадцать минут, когда все заливались черным кофе, чтобы разлепить глаза, — ведь вечером приемы следовали один за другим. В это же время журналисты готовили свои ядовитые стрелы, а друзья дизайнеров распространяли лестные слухи. Редакторы, стремившиеся скорее сдать номер в печать, мчались на почту и телеграфировали горячие новости. Я часто сидел рядом с такими торопыгами и поражался, как мало они знают о моде. Они задавали самые тупые вопросы. Казалось, их интересовало лишь одно — придумать сенсационный заголовок. Если в моде ничего существенно не менялось, они брали заголовки с потолка. Я не раз читал, что «в этом сезоне юбки длиннее», хотя на самом деле длина юбок осталась абсолютно такой же.

Больше всего я любил перерывы: дизайнеры пускали заинтересованных журналистов за кулисы, где можно было близко разглядеть одежду. Вещи разрешалось снимать с вешалок, выворачивать, смотреть, как они сшиты, щупать материал. Закулисы модного показа — целый мир. Особенным размахом всегда отличались итальянцы. Каждый дизайнер привозил с собой собственного парикмахера, визажиста, модисток и с несколько десятков ассистентов, помогавших пятнадцати моделям надевать и снимать сто пятьдесят платьев, которые нужно было показать за час.

Напряжение при этом стояло невероятное. Воздыхатели из зрительного зала бросались за сцену и осыпали испуганных дизайнеров поцелуями в буквальном смысле, вокруг только и слышалось: «Он гений!» Гений — этим словом бросались почем зря. Если коллекция оказывалась успешной, модный бомонд

проталкивался за кулисы с таким рвением, будто какая-то кинозвезда устроила там стриптиз. И очень забавно было наблюдать за тем, как после неудачной коллекции журналисты тихонько смывались через черный ход, чтобы не пришлось ничего писать.

Гвоздем итальянской Недели моды всегда были показы купальных костюмов: дизайнеры постоянно придумывали новые способы попасть в газеты, и одним из таких способов было сделать самое крошечное бикини. В воскресенье утром под звон церковных колоколов, созывающих к мессе, модели в палаццо Питти исполняли стриптиз, а затворы фотоаппаратов щелкали без остановки. Подобно хищникам, байеры сидели и подстерегали успешные коллекции, чтобы проглотить их живьем. Национальность байеров легко можно было определить по аплодисментам. Когда на подиум выходили модели в самой простейшей одежде или в той, что выглядела как разогретый в микроволновке прошлогодний бестселлер, громче всех хлопали американцы. У немцев небывалый восторг вызывали рюшечки и перья. Англичане награждали сдержанными аплодисментами одежду, которая выглядела дорого. Хотя порой они вели себя странно: например, часто хлопали как сумасшедшие на самых скучных показах. Сначала я не мог понять, зачем они это делают, а потом догадался, что хлопки не дают им уснуть. Жаль только бедных дизайнеров, которые, верно, думали, что удача плывет им в руки. Если байерам действительно нравится одежда, они никогда не покажут этого и будут сидеть с каменными лицами. Ни один мускул не дрогнет, лишь иногда они могут бросить многозначительный взгляд на коллег, сидящих напротив. Все это нужно для того, чтобы сбить с толку конкурентов.

На вечерних показах происходило то же самое с той разницей, что зрители приходили в лучших нарядах и разглядывали друг друга, как завистливые райские птички. Часто сам показ казался скучным по сравнению с тем, что творилось в зале. Шоу заканчивалось около полуночи, и тогда-то крупные производители тканей и модные дома закатывали великолепные приемы, а титулованные флорентийские аристократы открывали двери своих дворцов для гостей частных вечеринок в честь любимого дизайнера. Веселее всего было бегать по дворцам! Каждый раз я умудрялся заблудиться и шнырял по комнатам, глядя, как живут особы королевской крови. Часто мне становилось любопытно, кто будет носить всю эту шикарную одежду с модных показов, ведь никто в Америке больше не ведет такую жизнь. Но вы удивитесь, узнав, сколько богатых итальянцев до сих пор живут по-королевски. Вопиющая европейская бедность заканчивается у порога дворцов; в этих стенах, которые снаружи часто выглядят полуразрушенными и одряхлевшими, течет настоящая дольче вита. Что до нас, журналистов, репортажи лучше было успеть написать до похода на вечеринку. Честно говоря, я не знаю, как большинство представителей прессы умудрялись не спать всю ночь и на следующее утро являться на показ.

Эта восхитительная модная оргия продолжалась пять дней. Подобно экзальтированным итальянским оперным примадонам, итальянские дизайнеры приводили с собой свиту почитателей, которые должны были поддерживать их дух в палатце Питти. Те становились у стен парадного зала, и когда пресса делала кислую мину, лица немецких байеров искажала

гримаса, означавшая «О боже, опять ничего нового», а американцы начинали шуршать конфетными обертками, почитатели, чей труд был щедро оплачен, оживали и начинали аплодировать, сбивая себе ладони. На самом деле для дизайнера это было очень унижительно, так как профессионалы отлично знали эту подставную публику.

Когда меня впервые пустили в шоурум, где проходила закупка коллекций крупными байерами, я спрятался за вешалкой с пальто, чтобы не мешать: байеры не любят сорить деньгами в присутствии сующих повсюду нос журналистов. И это неудивительно, учитывая, что мне довелось увидеть.

Три женщины-дизайнера с Седьмой авеню в роскошных сапогах и кружевных чулках срывали одежду с вешалок, а двое владельцев, продавщица и одна модель отчаянно пытались не дать им испачкать и помять белые вещи. Прозорливые бизнес-леди выворачивали модели наизнанку, ища потайные швы. В то же время двое грузных промышленников с Седьмой авеню с сигарами в зубах торговались почему зря, пытаясь отвлечь владельцев, а их тихоня-дизайнер, серьезный юноша, зарисовывал в блокнотике все модели, которые сто́ит украсть. В другом углу двое байеров из калифорнийского магазина заставили бедняжку-модель перемерить десять вещей за минуту — у меня аж голова закружилась, на нее глядя. Это тоже был отвлекающий манер: на самом деле байеры были в сговоре с промышленниками, которые выпускали клубы сигарного дыма, отчего в шоурум обравалась такая плотная дымовая завеса, что скопировать любую вещь не составило бы труда. Бедные итальянцы чуть умом не тронулись, пытаясь уследить за толпой воришек, готовых

украсть и зубной протез у любимой бабушки. Посреди этой суматохи двое фотографов из итальянской желтой прессы просунули головы в дверь и начали щелкать фотоаппаратами, пока дверь не захлопнули у них перед носом. Все произошло так быстро, что я сначала решил, будто это была полицейская операция, однако одна из дамочек с Седьмой авеню успела улыбнуться в камеру, а затем продолжила копировать дизайн. За дверью тем временем разразилась жуткая ссора: английские и немецкие байеры были страшно недовольны, что американцы так долго задерживаются. Американцы же перевернули шоурум вверх дном и после всего, что там устроили, купили одно-единственное платье. Я не мог поверить своим глазам! Измученные итальянцы упали в кресла, а в шоурум тем временем вторглись англичане и немцы и стали вести себя ничуть не лучше.

Каждый год итальянская Неделя моды заканчивалась большим приемом, который устраивал организатор показов, Джованни Баттиста Джорджини, для иностранной прессы. Обычно для этого открывали один из дворцов, принадлежащих государству, изредка — частный дворец, который по-прежнему использовался по назначению. Все это делалось с одной целью поддержать итальянскую моду, которая очень нуждалась в дополнительной рекламе, чтобы заинтересовать профессионалов индустрии. В том году журналистам и байерам разослали тисненые приглашения на бал, устраиваемый графиней Софией Пуччи у нее дома, во дворце Серристоры. Большинство американцев тут же выкинули приглашения, решив, что намечается очередной скучный прием в промозглом и холодном пустом дворце.

А мне было нечем заняться, поэтому я сохранил приглашение и пошел на бал, начавшийся ровно в десять вечера. Очувтившись во дворце, я сразу понял, что здесь живут постоянно, и прием оказался чудесным. Гостей, спускавшихся по парадной лестнице, приветствовали танцоры, исполнявшие венский вальс. По залу порхали дворецкие и горничные в накрахмаленной белой форме. Оказалось, дворец Серристоры был одним из самых роскошных частных домов в Италии. Здесь стояла резная позолоченная мебель, стены были обиты алой узорчатой тканью, с потолков свисали громадные хрустальные люстры, а в комнатах стояли полутораметровые вазы с охапками свежесрезанных чайных роз; потолочные барельефы изображали античных богов в натуральную величину, в белых мраморных каминах потрескивал настоящий огонь, а столы ломились от редчайшего фарфора и семейных фотографий в рамках. Парадных салонов было пять, и все обставлены в подобном стиле. Каждый вел в монументальный бальный зал, где, вероятно, уместилось бы все восточное крыло Белого дома. В шести гигантских канделябрах из венецианского стекла, выдутаго в форме роз и тонких, легких как перышко, веток, горели сотни свечей, заливая фрески на стенах и потолке мягким светом. Под тринадцатиметровым потолком тянулся ряд фронтовых окон, сквозь которые танцоров тайком разглядывали служанки. Графиня, похожая на чью-то добрую бабушку, была в алом платье с узором «дамаск» из ткани, напоминающей ту, которой были обиты стены, и совершенно точно сшитом до войны. Шею ее украшало восхитительное ожерелье из алмазов канаречного цвета, каждый размером с пенни. Волосы были стянуты

назад и завязаны бантом. Все целовали друг другу руки и ставляли лорнеты на приезжую публику; казалось, местные аристократы получают удовольствие, разглядывая чужаков-иностранцев. По правде говоря, итальянская знать и своих-то журналистов не каждый день приглашала на приемы, не то что иностранных. Титулованные гости щеголяли в бальных платьях с пышными юбками и без бретелей и с совершенно неприкрытым видом переходили из зала в зал сквозь арочные проемы трехметровой ширины. Все эти чудесные дизайнерские платья я уже видел на показах и часто думал, кто же станет их носить. Теперь я знал. Что до представителей модной индустрии, явившихся на прием, это было то еще зрелище. Восемьдесят процентов этой публики выглядели так, будто вообще не знали, что такое мода, и явились на бал напрямик с Сорок второй улицы, одетые во что попало. И эти люди всю жизнь указывали другим, как одеваться!

В полночь для гостей устроили роскошный фуршет. Я был просто потрясен, сколько человек в Италии и Испании продолжали жить как в сказке — или, отягощенные семейными традициями, просто вынуждены были держаться за эту бессмысленную роскошь? В какой-то момент я улизнул, сказав, что иду в туалет, а на самом деле хотел рассмотреть, что кроется за позолоченными дверями. Я слышал, что графиня втихую сдает комнаты во дворце в аренду, и что вы думаете — за небольшое вознаграждение горничная у входа в мужской туалет сообщила мне, что миссис Шервин-Уильямс из Чикаго — та самая, из лакокрасочной компании, — уже много лет арендует здесь апартаменты. Один байер из универмага

в Пенсильвании восемь лет назад приходил в гости к миссис Уильямс и утверждал, что та жила в спальне, некогда принадлежавшей свекру графини, брату Наполеона, королю Испании. В роду у графини было много царственных особ, в том числе один русский император.

*

После Италии амбициозные журналисты отправлялись брать осадой старушку-Англию, где никто уже давно не щеголял в котелке и с зонтиком-тростью. По Англии прокатилась волна модного помешательства. В маленьких ярких магазинчиках, открывшихся по всему Лондону, закупались самые стильные девушки в Европе. Английский истеблишмент взирал на эту революцию, разинув рот. Даже королева отказалась от меха белой лисы — традиционного символа королевской роскоши.

Почти пятьдесят новых дизайнеров открыли свои салоны в скромных апартаментах на первых этажах прелестных георгианских домов. Ни одному из них не было еще и тридцати, и одежда, которую они шили, предназначалась для новой Англии. Навестив каждого из дизайнеров, я выяснил, что почти все были выходцами из одной альма-матер — Королевского колледжа искусств. Я поспешил взглянуть, что за школа выпускает такое количество талантливых людей. Королевский колледж искусств оказался бесплатным: сдав вступительный экзамен, вы получали королевскую стипендию, и вас ждали три счастливых, но напряженных года упорного труда. В колледже учились всего сорок пять человек на всех трех курсах. Благодаря этому преподаватели могли уделять внимание каждому студенту, в то время как американские модные колледжи

с их «оптовым» обучением выпускали лишь бесчисленных клонов, которые только и умели, что копировать. Далее, педагоги Королевского колледжа не работали там пять дней в неделю. На должность педагогов приглашали ведущих дизайнеров, портных и модисток, активно работающих в индустрии, и те уделяли преподаванию всего один день в неделю. Таким образом, студенты из первых рук узнавали о реалиях модного мира. Осматривая восьмиэтажное суперсовременное здание колледжа, я чувствовал, что это самая правильная среда для обучения: здесь витал дух свободы. Хотя, отправляясь в самостоятельное плавание, молодые дизайнеры часто терпели крушение, было среди них на удивление много тех, кто удержался на плаву и начал отлично зарабатывать. Я наблюдал за некоторыми из них в течение двух лет и убедился, что они развиваются. Позднее их дизайн «вырос» до отлично скроенной повседневной одежды, которую с удовольствием носили обычные люди, не чувствуя себя белыми воротами.

Одной из интересных особенностей нового английского модного бума было большое число молодых женщин-дизайнеров. С 1930-х годов женщины в моде были редкостью. Но два самых успешных лондонских дизайнера новой волны как раз принадлежали к женскому полу. Ими восхищались, так как их одежда была удобной и они отлично понимали особенности женского тела. Именно это часто не давалось мужчинам, которые обычно шили одежду в Париже. Многим профессионалам тогда казалось, что знаковым дизайнером следующей модной эпохи должна стать женщина и, возможно, впервые — англичанка. Двум звездочкам английской моды — Мэри Куант

и Джин Мьюр — в то время не исполнилось еще и тридцати. Мэри говорила, что женщинам ее поколения больше не нужно одеваться «женственно», они могут сорвать с себя все дурацкие тряпки и одеваться так, как им удобно. А как быть с тем, что оба пола начали выглядеть одинаково? Мэри считала, что это неважно, ведь сам человек знает, какого он пола, — зачем доказывать это с помощью одежды? Джин Мьюр верила, что одежда не должна выглядеть как наряд, куда важнее удобство. Хватит спотыкаться, наступая на слишком длинные юбки, хватит подчиняться диктату Парижа. Одежда Мьюр обтягивала фигуру, но не зажимала ее в тиски. Иконам женской красоты прошлых лет — большегрудым и белокурым — не осталось места в современном мире. И действительно, Англия стала главным конкурентом Парижа в борьбе за лидерство в модном дизайне. Пятнадцать лет тому назад корону чуть не отхватили итальянцы, но слишком увлеклись дурной практикой копирования. А у англичан были все шансы: ведь они изобрели свой стиль, благодаря Beatles распространившийся по миру подобно эпидемии. Целое поколение молодежи во всем мире теперь предпочитало одеваться в британском стиле.

После Англии те журналисты, у кого еще остались силы и чернила, мчались в Испанию. Именно в Испании крупные байеры делали свои самые большие заказы: испанцы шили очень красивую одежду, а стоила она копейки по сравнению с ценами, которые запрашивали в Париже. Ведущим испанским дизайнером тогда был Мануэль Пертегас из Барселоны. Его модели отличала та же изысканная элегантность, что и одежду из лучших парижских салонов.

Несколько дней на знакомство с лондонскими и испанскими модными домами — и нам пора было отправляться в Париж. Приехав туда, я сразу шел на знаменитый цветочный рынок, где покупал несколько охапок свежих цветов, чтобы хоть как-то украсить унылый дешевый гостиничный номер, где мне приходилось жить. Бюджет репортера очень мал, а цветы оживляли обстановку и вдохновляли меня писать о жизнерадостном Париже и тридцати пяти коллекциях, которые мне предстояло осветить за десять дней. Мой отель был настоящей дырой, но чего можно ожидать за пару долларов за ночь? По кровати ползали тараканы, которых мне приходилось постоянно стряхивать, а когда я принимался писать свои элегантные репортажи о мировой моде, чертовы тараканы выпрыгивали из печатной машинки. Я бы, конечно, переехал в гостиницу почище, но эта была очень удачно расположена — в самом сердце модного квартала. Выглянув в окно своего номера, я видел мастерскую Кастильо, а из туалета в коридоре — салон Pierre Cardin. Ванная в отеле была общая, и горничная вечно жаловалась, что я чаще других постояльцев принимаю ванну. Поэтому с меня брали двойную плату: по шестьдесят центов за ванну, ведь я наполнял ее выше пятнадцатисантиметровой глубины. Как-то вечером я прохлаждался в ванне, когда в комнату случайно заглянула горничная и увидела, что я наполнил ванну до краев. Она чуть не упала в обморок, увидев, сколько воды я потратил. При этом моя нагота ее не смутила ничуть.

Второе по срочности дело, которым мне пришлось заняться в Париже, — просмотреть кипы приглашений и рассортировать их по степени важности. Каждый день меня ждали

на пяти показах и пяти вечеринках. График парижских показов раздражал даже бывалых журналистов. В отличие от итальянцев, которые организуют общий показ в большом бальном зале, куда усаживают всех, французские кутюрье устраивали свои показы в разных местах, причем время нередко совпадало с временем показа у конкурентов. В крошечных салонах никогда не открывали окна, даже двести человек в таком маленьком помещении сидели бы друг у друга на головах, но в Париже их было восемьсот. Репортеры из газет и журналов, с радио и телевидения ждали, когда же их пустят на премьерный показ. Что это была за кутерьма! Мне обычно присылали приглашения на второй или третий показ в лучшие дома. Но газетному репортеру очень важно попасть именно на премьеру и выпустить репортаж одновременно с конкурентами. Так что в первый день мне приходилось бегать по парижским улицам от одного кутюрье к другому и объяснять, почему я должен попасть на показ именно сегодня. Встречая жесткое сопротивление, я говорил, что моя газета просто не станет публиковать репортаж, если он поступит позже, чем репортажи конкурентов. Как правило, это срабатывало, и на показе я стоял, втиснутый в угол вместе с пятьюдесятью такими же несчастными, выбившими себе место таким же образом. Это был сущий ад, и неважно, какую газету ты представлял, пусть даже самую авторитетную. А вы бы видели продавщиц, выстроившихся на парадной лестнице в черных платьях, точь-в-точь хищные птицы: во всех модных домах они одинаковые и никого не пускают без приглашения. Настоящие церберы высокой моды, они получают истинное удовольствие, мучая нас,

журналистов. Наверное, это их месть за непостоянство прессы — ведь сначала журналисты локтями пробивают себе дорогу на показы, а посмотрев коллекцию, часто выходят, здоров нос, и громким шепотом сообщают, что зря потратили время. Но если вас не пускали, проще было сразу удавиться от стыда — ведь конкуренты видели, кто был на показе, а кого не было. Я знал некоторых редакторов модных журналов, ходивших на все вечеринки и показы, лишь бы конкуренты потом не написали, что их не пригласили. Разумеется, американская пресса была озабочена этим не так сильно, как несчастные европейцы, — ведь за нашей спиной всегда стояли богатые байеры. Бог нам в помощь, если наши байеры перестанут покупать! А наблюдать за перепалками английской и немецкой прессы всегда было очень интересно. Такое ощущение, что Вторая мировая все еще была в самом разгаре.

Показ Diог был сродни покорению модного Эвереста: для всех газет мира его имя было подобно заклинанию, ведь оно всегда попадало на передовицы. Естественно, именно в роскошном салоне Diог велись самые ожесточенные битвы за места. Все вели себя так, будто речь шла о попадании в рай, а не на модное дефиле. Вы бы слышали, какими эпитетами награждали друг друга дамочки из модного бомонда, сражавшиеся за стулья, — любой водитель грузовика зарделся бы. Мне было нечего бояться, так как я всегда стоял у подножия лестницы и разглядывал одежду через оперный бинокль.

В салоне Diог всегда толпились знаменитости и кинозвезды, в том числе пользовавшиеся скандальной славой; там можно было встретить и парочку герцогинь. Все это обеспечивало

хороший материал для прессы на случай, если коллекция оказалась неудачной. Помню, в один год за моей спиной на ступеньках сидели немецкие журналистки с недовольными минами: им не досталось стульев, а шоу запаздывало на полчаса. Два серых дивана в главном зале были по-прежнему пусты: их оставляли для самых важных персон. Триста зрителей расселись на крошечных золотых стульях. Эти стулья были настоящим орудием пытки: ни один зад не уместился бы на их узкие сиденья. Вдобавок церберы-продавщицы никогда не разрешали открывать окна из страха, что кто-нибудь заглянет в зал и украдет идею. Жара летом стояла невероятная, кондиционеров ни у кого не было.

В тот день обстановка накалилась до предела, а два дивана так и стояли пустые. Дамы из немецкой прессы судачили: что за важная персона задерживает весь показ? Я уж думал, они линчуют этих ВИПов, когда те появятся. Наконец в зал вошли самые влиятельные американские байеры и плюхнулись на атласные диваны. По залу пронесся раздраженный шепоток: «Американцы, кто же еще!»

Представление только началось, а ноги у меня уже занемели из-за неудобного положения, но если бы я пошевелился, то задел бы ногой немок, которые и так уже были на нервах. На протяжении всего показа — а в тот вечер нам представили семьдесят пять пальто и костюмов — я мучился от адской боли, а ведь мне при этом приходилось записывать важные факты. Мои локти при этом были плотно прижаты к бокам, так как по одну сторону от меня сидела итальянская журналистка весом не менее ста килограммов. Она трясла головой

и молила Бога, чтобы тот дал ей выйти отсюда живой. По другую сторону сидела шведка, одетая мужчиной, и курила вонючие французские сигареты, выпуская столько дыма, что коктейльные платья за ним было почти не разглядеть.

Богатым частным покупателям никогда не удавалось ступить в главный салон даже одной холеной ножкой. Приходилось довольствоваться местом в фойе. Бывшая миссис Генри Форд и ее дочь Шарлотта на протяжении всего показа обводили понравившиеся модели в списке, как будто те продавались по доллару штука. Шарлотта обвела шестьдесят восемь цифр, а мамочка берегла состояние Фордов и пометила галочками лишь четырнадцать. Я не хотел проявлять чрезмерного любопытства, но с моего места на лестнице, где сидели также и другие непрошенные гости, были прекрасно видны все пометки, оставленные их карандашами. В общей сложности двум фордихам приглянулись восемьдесят два новых пальтишка и костюмчика. Это грозило обеднить их на восемьдесят две тысячи долларов: в среднем один костюм Dior стоил тысячу. Правда, сомневаюсь, что они заказали все, что выбрали, хотя Барбара Хаттон однажды заказала все модели Lanvin с одного показа, заплатив за них около миллиона долларов.

В середине показа в салон вошла директор дома Dior мадам Брикар — одна из трех дам, основавших этот модный дом шестнадцать лет назад. Тогда Брикар считалась вдовствующей герцогиней модного мира, а в начале века была ослепительной красоткой и шикарной куртизанкой, которую осыпали драгоценностями короли, принцы и герцоги. Мадам возникла на верху центральной лестницы, и остаток показа мои глаза были

прикованы к ней. Эта необыкновенная женщина сияла, а ее костюм состоял из множества ингредиентов, которые вместе и складывались в это загадочное определение — *модный*. Она была как видение из великих французских романов, мадам Бовари 1960-х. Из-под высокой конусообразной нежно-голубой фетровой шляпы, обернутой несколькими метрами черной вуали-паутинки, выглядывали тщательно уложенные вокруг ушей черные кудри, а в ушах висели серьги из жемчуга и кроваво-красных рубинов. С поля шляпки, надвинутой на правый глаз, свисала брошь с подвеской-жемчужиной размером с соловьиное яйцо. Соблазнительная вуаль крепилась к шляпе жемчужной булавкой, а на лице под вуалью был не макияж, а полотно кисти художника: веки, лакированные и раскрашенные серебристо-зелеными переливами рыбной чешуи, клонились под весом двухсантиметровых ресниц, прикрывавших ее глаза цвета таинственного голубого сапфира. Все в зале сворачивали шеи, чтобы взглянуть на эту фантастическую женщину, чьи тонкие губы напоминали клювик неразлучника. Ее лебединую шею украшали шестнадцать нитей жемчуга непревзойденного качества и два кабошона размером с медаль. Легендарная мадам Брикар села на один из изящных золотых салонных стульев, и блик от хрустального канделябра ударил ей в глаза. В унизанных рубиновыми кольцами пальцах тут же возник черный кружевной веер, который мадам использовала как щит.

К тому моменту зрительный зал пребывал в трансе, вызванном появлением этой женщины. Она казалась столь совершенным воплощением модного искусства, что, лишь взглянув на нее, люди становились ее рабами. Я же подумал, что

во Франции, наверное, не осталось ни одного рубина: их все надела мадам Брикар!

В финале на подиум вышли модели в восхитительных балльных платьях, а кровообращение в моих ногах прекратилось окончательно. Когда показ закончился, все бросились к выходу, забросив в угол золотые стулья, в салон вышел дизайнер Dior, и женщины в истерике бросились к нему целоваться, обливаясь слезами радости. Толпа ринулась вниз по лестнице, а шестеро дворецких, наоборот, пошли наверх, держа высоко над головой подносы с шампанским. Это было подобно восхождению на Эверест в ураган. Я же сидел на ступенях, парализованный, и меня чуть не затоптали до смерти, пока я пытался размять затекшие ноги. Каким-то чудом я умудрился выбраться на улицу, а через полчаса та же самая сцена разыгралась на показе уже другой коллекции. Но я рад сообщить, что спустя несколько сезонов мое тело стало совершенно нечувствительным к таким мучениям. Мне даже кажется, что если бы можно было просто войти, сесть и спокойно посмотреть коллекцию, меня бы это расстроило. Без давки уже не так интересно.

*

Путешествие по модным салонам Парижа дарило море вдохновения, особенно когда мне доводилось бывать в салоне Chanel и своими глазами лицезреть эту восьмидесятилетнюю Ведьму Запада, Коко собственной персоной, раздающую последние приказы наверху зеркальной лестницы: там подшить, тут убрать. Вот что я увидел в ее салоне на показе коллекции 1965 года.

Врата в рай моды отворила сама богиня, великая мадемуазель Коко Шанель, хотя, на мой взгляд, створки слегка потускнели, а скрипящие петли не мешало бы смазать. Шанель открывала эти таинственные жемчужные двери дважды в год, и многочисленные представители модной прессы занимали назначенные места. В этот раз нескольким десяткам журналистов, включая одного редактора *Harper's Bazaar*, не удалось прорваться сквозь кордон, охраняемый местным святым Петром. Наверху, в райском саду высокой моды, где стены от пола до потолка были зеркальными и отражали каждое неверное движение гостей и вспышку камеры, огромные лампы с зелеными абажурами — такие вешают над боксерским рингом — освещали дорогу моделям, апостолам модного бога. В день премьерного показа у гостей был обычай: все приходили в оригинальных костюмах Chanel. Можно было подумать, будто это новая униформа для допущенных в рай. Женщины сидели в ряд, положив ногу на ногу, и вашему взору представляли десятки туфель с открытой пяткой — одинаковых, бежевых, с черными носами. Дамы из журнала *Vogue*, как всегда, восседали на громадном диване эпохи короля Якова, обитом бежевым бархатом. Три из четырех были в униформе — самом популярном костюме прошлого сезона, — а их тощие шеи обвивали несколько метров тонких золотых цепочек — фирменный знак Chanel. Рассадка в салоне весьма напоминала картину Судного дня, какой я всегда рисовал ее в своем воображении, дамочки из *Vogue* играли роль судей. Справа от них расположились *New York Times* и французский журнал *Elle*, а слева — *Harper's Bazaar* (этих изгнали в чистилище, так как они не поддерживали возвращение

Chanel в мир моды). Легендарная зеркальная лестница знаменовала путь к вечной жизни для тех, кто сидел на ступенях у ног великой богини моды; та наблюдала за происходящим с верхней ступени, укрывшись от любопытных глаз простых смертных, сидевших в нижнем салоне. В том году, как обычно, на лестнице сидели только мужчины (весьма привлекательные), но одному не повезло: ему досталась роль падшего ангела. Это был издатель одной нью-йоркской газеты о модной индустрии, который в предыдущие годы всегда сидел у самых ног великой Шанель и держал ее за руку во время показа. На этот раз он ютился на самой нижней ступени лестницы и ни разу не поднялся наверх, чтобы поприветствовать свое бывшее божество. У подножия лестницы стояли три десятка золотых стульев, предназначенных для частных покупателей. За пару секунд до начала показа известная английская журналистка, сидевшая рядом со мной, вскочила и осыпала Шанель проклятиями, которые слышали все. Оказалось, эту влиятельную англичанку тоже изгнали в чистилище за неблагоприятные отзывы. Показ запаздывал уже на сорок пять минут, вверх и вниз по лестнице сновали швеи в белых фартуках с костюмами в чехах. Отдельные храбрецы в зале начали хлопать в ладоши, как делают в кинотеатре, когда кино задерживается. Но их никто не поддержал, так как большинство собравшихся боялись даже покоситься в сторону Шанель из страха навлечь ее гнев, который и так уже клокотал из-за задержки с показом. Шанель была той еще мегерой и могла вышвырнуть всю эту шикарную толпу на улицу, лишь щелкнув пальцем. С появлением на подиуме первой модели в зале наступила мертвая, пугающая тишина:

такая воцаряется, лишь когда сам папа римский входит в зал для аудиенций. Модели еле шевелились, как на похоронах, чтобы полная энтузиазма публика могла разглядеть все новые детали каждого твидового костюма.

Костюмы Chanel выглядели очень знакомыми, и пресса не проявляла никакого энтузиазма, пока не вышли модели в платьях. Но даже тогда никто из журналистов не аплодировал, хотя частные клиенты заходились аплодисментами двадцать раз за показ. Все это очень напоминало одежду из бабушкиного сундука, и к концу этого длинного и душного показа стало ясно, что достопочтенная Шанель бросила нам всю ту же старую кость, которую модницы глодали уже одиннадцать лет. Жаль, что мяса на ней уже совсем не осталось. В тот вечер в Париже все задавались вопросом, откроются ли божественные врата Шанель еще хотя бы раз или надолго захлопнутся под порывом ветра, поднятого Молине, — так уже было в середине 1930-х. Показ Молине ожидался на следующий день.

Весь вечер и до самого утра в окнах элегантных модных домов, занавешенных атласными и бархатными шторами, горел свет, дарящий надежду шестистам пятидесяти редакторам журналов, газет и рекламных публикаций, которые одновременно требовали от своих репортеров, чтобы те сфотографировали лучшее платье в коллекции. Когда в семь вечера двери парижских домов закрывались и последний богатый байер садился в лимузин с шофером, отчаявшаяся от ожидания толпа посланников и редакторов врывается в кабинет, где их встречали четыре-пять девушек, отвечавших за связи с общественностью. В крупных домах вроде Pierre Cardin и Dior

образовывались огромные очереди за одеждой, а когда первыми пускали представителей престижных журналов, раздавались вопли негодования. Неважно, что вы разместили заказ заранее: если Vogue хочет сфотографировать ту же модель, что и вы, вам просто не повезло. Хотя в каждой коллекции около ста семидесяти пяти моделей, всегда есть одно платье, которые все решают назвать самым модным. Девушки из отдела по связям с общественностью рвут волосы на голове, пытаются поддерживать хорошие отношения с прессой, когда все тянут одеяло на себя и думают только о своей выгоде. Эти девушки работали с семи тридцати утра до трех ночи следующего дня с часовым перерывом на обед и ужин. Как-то раз сотрудницы дома Dior признались мне, что даже горничные в доме их родителей зарабатывают больше, чем они. Но эта работа считалась престижной, и здесь молодые дебютантки из хороших семей могли почувствовать пульс модной индустрии — а затем бежать к своим светским развлечениям, пока работа не утратила новизну.

На протяжении этой трехнедельной осады журналисты боялись только одного — заболеть. Крепкое здоровье — главное в нашей работе. Честно скажу: я все эти три недели питался только чаем с бутербродами. Мне нравятся ароматы французской кухни, но показы так изматывают, что мой желудок справляется только с привычной едой.

Еще одной достопримечательностью парижской Недели моды были шикарные фойе отелей, где устраивали тайные собрания байеры и журналисты. Они строили планы бесплатно проникновения на показы и обменивались фотографиями и набросками одежды. После показов двух самых влиятельных

дизайнеров — Баленсиаги и Живанши (оба запретили прессе доступ на свои дефиле на месяц) — журналисты надевали темные очки и накладные усы и прятались за каштанами на авеню Георга V. Стоило источнику выйти из салона кутюрье, как его тут же везли в тайное место. Там источник во всех подробностях пересказывал журналисту последние новости и, как умел, зарисовывал по памяти все, что видел на показе. Знаменитым местом тайных свиданий байеров и прессы был бар отеля Ritz. В любое время дня и ночи, тихо присев за барную стойку, здесь можно было услышать все инсайдерские новости о мире парижской моды. А после важных показов по коридорам Ritz шныряла всякая подозрительная публика.

Само собой, на показы третьесортных и четверосортных дизайнеров приглашали всех без исключения, но, когда речь шла о лучших показах — например, коллекции Андре Куррежа, самого смелого и креативного дизайнера того времени, у которого был самый маленький салон в Париже, вмещавший всего сорок человек, — попасть на них в день премьеры было сродни чуду. Я был большим поклонником Куррежа с начала его карьеры, и обычно мне удавалось достать приглашение на второй показ первого дня. В его салоне все было абсолютно белого цвета: ковры, лампы, стулья, шторы. Даже модистки ходили в белых больничных халатах — как и сам мистер Курреж. Выбравшись из гробоподобного лифта (в Париже такие лифты везде), нужно было позвонить в дверь и подождать часов сто, затем вам открывала дверь одна из продавщиц с орлиным взглядом. И вот вы стоите на пороге, зажав во вспотевшей ладони больнично-белое приглашение, а дверь приоткрывается всего на пару

сантиметров, и вас оглядывают с головы до ног. Затем суровый голос без нотки тепла вопрошает, кто вы такой и чего хотите, а вы машете приглашением на показ. Вас окидывают ледяным взглядом, который как бы говорит: «Какой показ?» И когда вы уже готовы умереть от страха, решив, что перепутали дни, дверь открывается примерно на тридцать сантиметров, и вам разрешают протиснуться в салон бочком. (Слава богу, что я худощав!) Внутри ярко-белый ковер возмущенно смотрит на вас и словно кричит: «Убери с меня свои грязные ноги!» Задрапированные белой тканью стены неприветливо молчат. Возникает управляющая салоном мадемуазель Бренер с длинным белым свитком в руках, который всегда напоминал мне тюремный реестр. Улыбаясь хитро, как Мона Лиза, она наслаждается каждой секундой вашего дискомфорта и отводит вас к одному из белых стульев с белой же бахромой, украшенной помпонами. Садясь на эти ужасно неудобные стулья, я каждый раз вздыхал с облегчением, будто попал на первый в мире космический корабль. Тот же ритуал проходили все тридцать девять прибывших, и если честно, я испытывал немалый восторг, на них глядя — особенно на влиятельных редакторов журналов мод, которые съезжались под взглядами местных продавщиц до размера букашечки. Это были те же дамы, которые в других домах обрушивали на головы продавщиц многословные проклятья и готовы были разнести все вокруг, если им не давали место в первом ряду. Здесь же они боялись лишний раз взмахнуть фальшивыми ресничками, не говоря уж о том, чтобы пересесть на другое место. И на всем протяжении этого действия за каждым движением собравшихся следил один большой карий фарфоровый

глаз, выглядывающий из просвета между двумя белыми кулисами, закрывавшими вход на подиум. От этого взгляда мурашки бежали по коже, вы высиживали весь показ от начала до конца, и казалось, что все это время он неотступно следит за вами. Но это было еще ничего по сравнению с другими модными домами, где обустроено по пять таких глазков для наблюдения за публикой.

Похоронную тишину в салоне нарушала оглушительная электронная музыка, включавшаяся в начале шоу без предупреждения. Степенные редакторы пугались до смерти. Курреж был дизайнером двадцатого века, его модели врывались на подиум и стремительно шагали по салону в такт холодной музыке, от которой кровь стыла в жилах. Они двигались как роботы, а Курреж, спрятавшись за кулисами, регулировал громкость музыки, акцентируя их повороты. Модели двигались так быстро, что редакторам приходилось писать скорописью, отчаянно пытаясь угнаться за темпом этого революционного показа. Нигде в Париже вы не ощущали дух новизны так отчетливо, как в этом доме. Курреж единственный из французов делал по-настоящему современную одежду. У моделей, марширующих по залам в белых сапогах, были юбки на восемь сантиметров выше колена. Курреж признавал один силуэт — абстрактный квадрат. Когда последний оглушительный аккорд замолкал, вы оставались в полной тишине наедине с холодными, больнично-белыми стенами салона, и все, что в вас осталось от девятнадцатого века с его романтикой, было заморожено без следа; рука, сжимающая ручку, обессиленно падала, а тело словно пропустили через мясорубку.

Если при этом вы что-то смыслили в моде, вы вскакивали и начинали аплодировать. Но старые консерваторы так и сидели, обмякнув на стульях, и ловили воздух ртом, как рыбы, выброшенные на берег. После этого показа не было никаких любезностей и слащавых поцелуйчиков с дизайнером: Курреж никогда не показывался публике и не отвечал даже настоячивым требованиям Vogue и Harper's Bazaar, которые, само собой, желали, чтобы их представили кутюрье. Вместо этого всех тихо и быстро выпроваживали вон. Мне казалось, что это жестоко — так безжалостно вышвыривать нас на грязные закопченные улицы Парижа, не дав даже времени поразмышлять об увиденном, но у Куррежа показы следовали один за другим, впритык. На улице творился хаос: все сорок человек одновременно пытались поймать такси.

Следующим был показ коллекции в честь возвращения Молине, великого кутюрье 1930-х годов. Много лет прожив на пенсии, в почтенном возрасте семидесяти лет Эдуард Молине, этот элегантный джентльмен, решил вернуться в мир моды. На торжественном мероприятии хотели присутствовать все без исключения. В новом, только что отремонтированном салоне в коричнево-бежевых тонах негде было яблоку упасть. Воздух был напитан предвкушением, а почтенные старые дамы обменивались воспоминаниями о прекрасных платьях, которые сшил для них месье в дни своей былой славы. Они едва сдерживали потоки слез, вспоминая, какими красивыми были когда-то. Мне досталось стоячее место. Обрадовавшись, я юркнул в главный зал и спрятался за вазой с цветущими ветками яблони: там как раз было свободное местечко, окошко примерно

двадцать сантиметров шириной. Я надеялся, что ваза спрячет меня от остроглазых продавщиц, которые неумолимо рассаживали гостей в зависимости от статуса. Но только я решил перенести вес с одной ноги на другую, как меня грубо окрикнули и велели выйти из-за вазы с хрупкими цветами, после чего выслали в фойе, где уже собралась вся третьесортная пресса и вела войну за каждый сантиметр свободного пространства. Я перелез через три ряда стульев, через стол орущей главной продавщицы и наконец поставил уставшие от упражнений ноги на клочок коричневого ковра. Вид мне загораживал большой цветущий гиацинт, источавший удушающий аромат, от которого я чуть не закашлялся. Я задвинул цветок под стол и увидел там знаменитого американского модного иллюстратора, нашедшего под столом безопасное укрытие. Обычно дизайнеры наблюдают за журналистами через потайные глазки. Молине сделал то, чего не делал еще никто: перед самым началом показа он просто вошел в салон и сел на диван с шоколадной обивкой, на самое видное место. Все чуть не умерли от страха, но оправились, и салон взорвался аплодисментами.

На подиум вышла модель в первом платье — саронге с запахом длиной восемь сантиметров ниже колена, из ткани с бежево-черным абстрактным принтом, и совершенно в духе 1940-х годов. По первому платью знающие люди из зрительного зала часто могут определить, будет ли коллекция удачной: первая модель обычно воплощает ее тему. Мой друг иллюстратор, прячущийся под столом, выглянул из-за гиацинта, внимательно взглянул на платье и громко провозгласил: «Это будет бомба!» — после чего снова залез под стол досыпать.

В момент электризующая атмосфера предвкушения рассеялась, и даже настоящие пробки почему-то перегорели. Остался лишь серый парижский свет, проникающий сквозь французские окна с видом на площадь Согласия, ту самую, где резвилась Мария-Антуанетта с компанией, прежде чем лишиться головы. Символично, ведь острые на язык журналисты в тот самый момент как раз готовились снести голову дизайнеру — в переносном смысле, конечно.

Следующие несколько платьев были повторением первого: из-за длины они выглядели как из прошлого века. Зрители начали ерзать на стульях и обмениваться скучающими взглядами. Из-за того, что Молине сидел прямо здесь, рядом, никто не мог шептаться. Возникло ощущение, что мы присутствуем на суде. Следующей на подиум вышла модель в прелестном костюме с жилетом. Зрители зааплодировали, хотя на показе другого дизайнера проигнорировали такую же модель. Но сейчас большинство все-таки желало Молине успеха. Несколько раз во время показа атмосфера радостного предвкушения вроде бы заглядывала в зал, но, увы, так и не согласилась вернуться.

Всезнающая пресса предполагала, что Молине возродит элегантность 1930-х, стиль, в котором он творил на пике славы (теперь этот стиль присутствовал в коллекциях всех парижских дизайнеров). Но этого не произошло. Молине начал ровно там, где и закончил, — в 1950-х. В Парижской библиотеке моды журналы 1930-х годов были зачитаны почти до дыр: не было такого дизайнера, который не листал бы эти страницы в надежде воссоздать дух Молине того периода. Разумеется, они зря теряли время, так как Молине стал звездой, создавая

дизайн для настоящего, а не прошлого. И именно поэтому его коллекцию нельзя было назвать провальной. Как первую коллекцию Шанель после ее возвращения — хотя все тогда смеялись и говорили, что лучше бы бабушка не распаковывала свой сундук. Но Шанель, поддерживаемая энтузиазмом редакторов Vogue, которые верили в ее философию, изменила свои костюмы в соответствии с духом времени. А Молине, в чьей коллекции было несколько чудесных идей — например, платья в восточном стиле, которые вполне могли бы стать для него спасительной соломинкой, — тоже должен был приспособиться к новым временам. После показа толпы бросились приветствовать его, рассыпаясь в похвалах. Но его было не одурачить. Под вспышками десятков камер, запечатлевших эти напряженные эмоциональные моменты, я внимательно смотрел на него и понимал: он отлично знает, что окружающие на самом деле думают о его коллекции. Тем же вечером Молине устроил грандиозную вечеринку в знаменитом ресторане Maxim's, располагавшемся на первом этаже его салона. Пригласили весь парижский бомонд. При мысли о том, что им придется праздновать «возвращение» мэтра, у многих подкашивались колени — ведь коллекцию нельзя было назвать успешной даже с натяжкой. Но все любили Молине, и вечеринка собрала несколько сотен человек, которые чувствовали себя как дома благодаря обходительной манере хозяина.

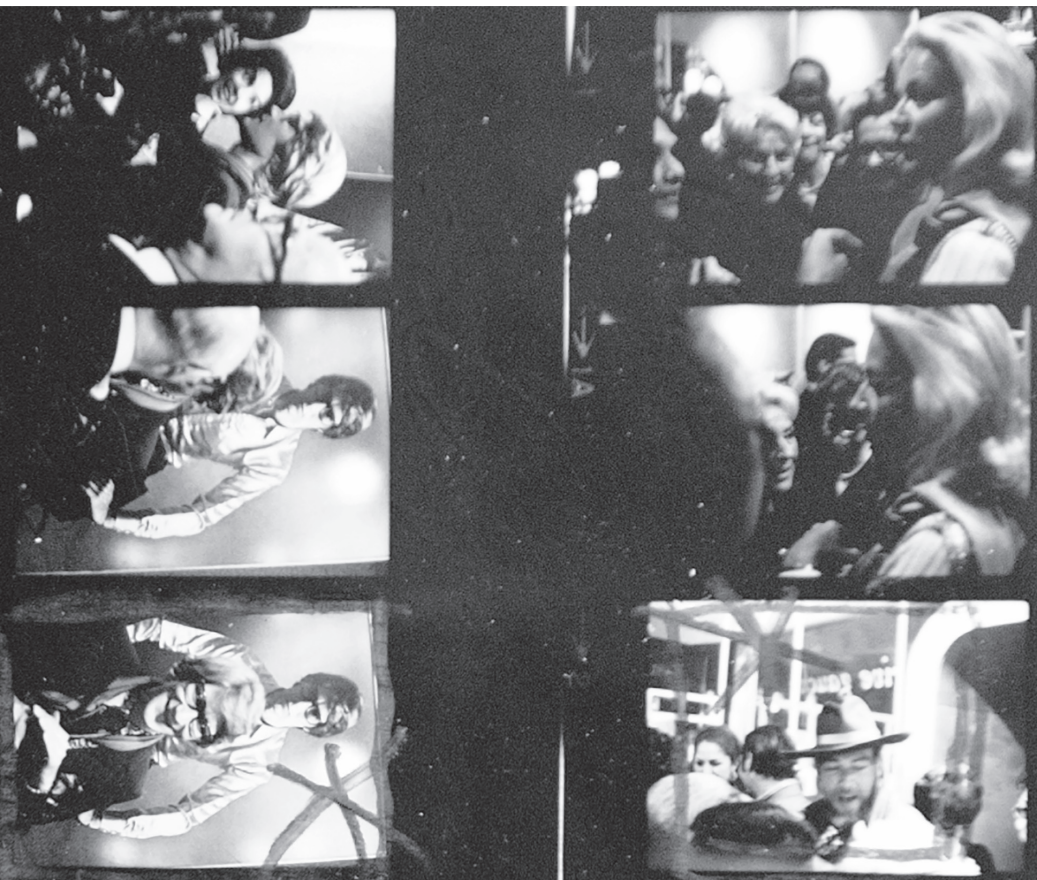
Выдержав десятидневный марафон из пятидесяти показов, большинство байеров и журналистов сразу уезжают из Парижа. Весеннюю Неделю моды на этом можно считать законченной, не считая показов трех самых влиятельных кутюрье,

которые устраивают дефиле для прессы на месяц позже. За три недели продавщицы так устают от всеобщей истерии, что под конец с трудом поднимают свои разболевшиеся кости со стульев в стиле Людовика XIV, чтобы выслушать жалобы задержавшихся байеров. В 1965 году в последние дни Недели моды разразился большой переполох. Оказалось, американские байеры, сами того не зная, закупили огромное количество одежды и тканей, импортированных из Китая, — а все по вине distinguished генерала де Голля, который пустил наше золото на торговлю с коммунистическим Китаем. Когда американцы начали проходить таможеню, им сообщили, что закупленную одежду нельзя ввозить в Соединенные Штаты, так как она сшита из китайских тканей. Сразу же последовала лавина отмен заказов у Dior и других дизайнеров, которым впоследствии пришлось снова перейти на европейские ткани.

Я остался в Париже: у меня было целых три недели до последних показов. За это время я облазил все салоны тканей и аксессуаров. Увидеть, пощупать фактуру материала, из которого были сшиты тысячи платьев и костюмов, — о, как же это вдохновляло! Прикоснувшись к материалу, сразу понимаешь, почему пальто, костюм или платье скроены именно так, а не иначе. Все зависит от веса ткани, от того, как она драпируется. У каждого дома тканей есть своя «книга моделей». Это книга с пробниками, где показаны все материалы, которые когда-либо покупал у фирмы тот или иной дизайнер. Только после посещения салонов пуговиц и ремней приходит осознание, почему именно Париж стал столицей моды. Здесь,

в одном городе, собрались сотни мастеров, создающих модные аксессуары. Нью-Йорку, Риму, Лондону и Калифорнии никогда не сравниться с Парижем до тех пор, пока там не будет ремесленников, вручную прокрашивающих каждый кушочек ткани, создающих особенные пуговицы, придумывающих именно такие тканевые цветы, как нужно. В Нью-Йорке пуговицы заказывают на вес, ткани — отрезами, а в Париже можно купить ровно столько, сколько необходимо для пошива одной оригинальной модели. В 1960-е мода здесь по-прежнему была частным бизнесом, в то время как в Нью-Йорке всех интересовал только опт и никакого пространства для экспериментов уже не осталось. В Риме костяк модной индустрии составляли наследственные итальянские портные, чье тонкое ремесло передавалось от отца к сыну в течение многих поколений. Но европейские дизайнеры уже начали перестраивать свои мастерские в соответствии с требованиями масс-маркета и производства одежды прет-а-порте. Недалек был тот час, когда одежда, сшитая на заказ, навсегда канет в Лету, а традиция, начатая в девятнадцатом веке отцом высокой моды Чарльзом Фредериком Уортом, похоже, была обречена.

Мода должна быть мгновенной, одежда — готовой к ношению сразу же, как только вы выйдете за порог магазина, в тот же день, а не четыре недели спустя. Да, это приведет к исчезновению прекрасной одежды, в которую вложено все воображение художника, но она, похоже, никому и не нужна. В женской моде прочно утвердилась функциональность, со всеми вытекающими. Что поделать, не век же ездить на повозке, запряженной лошаадьми, — тем более в нашу эпоху космических полетов.

Итак, проходило несколько недель, и первый из трех ведущих парижских дизайнеров, решивших захлопнуть свои двери перед носом прессы, надменно открывал их. Я был одним из немногих американских газетных репортеров, кто к тому времени еще оставался в Париже. Раньше на каждый показ Ива Сен-Лорана стекались толпы восторженных воздыхателей из прессы, которые расхваливали его работу на все лады. Но потом журналисты неблагоприятно отзывались об одной из его

коллекций, и Сен-Лоран обрушил на них свой гнев. В том году на показ пришло всего семьдесят два человека, хотя в предыдущие годы их было около трехсот пятидесяти. Все уместилось в одном зале, а винтовая лестница, где обычно сидело под сто душ, стояла пустой и одинокой. Два коричневых атласных дивана, привыкших к тому, что на них взгромождались самые важные журналистские зады, вынуждены были мириться с менее августейшими персонами. Каждый из пришедших сталкивался с атмосферой высокомерия: не нужна нам эта ваша пресса. Теплая, дружелюбная обстановка, царившая здесь в прошлом, сменилась застывшими лицами и формальностями. Но платья были очаровательны, и большинство журналистов, будь они здесь, сидели бы, зачарованные креативными идеями Сен-Лорана. Невеста в финале появилась не в традиционной фате, а в белой соломенной шляпке с двадцатисантиметровыми полями и вуалью в виде рыболовной сетки, усыпанной белыми весенними цветами. Вот только жаль, что модный дом напустил на себя такое высокомерие. В этом не было необходимости: прекрасная одежда говорила сама за себя, а знать о внутренних противоречиях дизайнера нам было вовсе необязательно.

*

Вторым кутюрье, запретившим вход журналистам на свои премьерные показы, был Живанши. Его дефиле состоялось сразу после показа Yves Saint Laurent. Салон Givenchy располагался в одном из самых внушительных парижских особняков (по крайней мере, таким он был снаружи). На первом этаже находился элегантный бутик: громадные персидские вазы, столы, накрытые скатертями из кожи цвета какао, свисавшими

до самого пола, витрины, где лежали шарфы и драгоценности. Перчатки пастельных оттенков были разложены веером на подушечке цвета какао с ручным золотым тиснением. В центре зала стояла золотая ваза эпохи Людовика XIV с весенними цветами. Счастливым обладателям билетов предстояло подняться по центральной лестнице в просторный салон, который под слоем скучной грязно-белой краски выглядел довольно уныло. Он явно был предназначен только для показов, а не для того, чтобы произвести впечатление на покупателей. Среди зрителей я заметил миссис Вриланд из американского Vogue, которая прилетела в Париж специально на этот показ.

За пару секунд до начала дефиле она бросилась в противоположный конец салона, где на сером диване сидела ее конкурентка из Harper's Bazaar. Миссис Вриланд расцеловала редактора Harpers Bazaar Мари-Луизу Буске, даму преклонных лет, и шоу началось.

На мой взгляд, все это очень напоминало старую добрую симфонию, которую никто не прочь послушать снова. Но коллекция не вдохновляла. Концепция Живанши, приведенная в идеальное равновесие с его исключительным вкусом, в эпоху модной революции почти устарела. Двухчасовое дефиле, безусловно, уже не казалось таким новаторским, как во времена расцвета Живанши, когда его главной целью было потрясти мир. Но все же он вложил в свои великолепные новые платья достаточно холодного просчитанного эпатажа, чтобы обеспечить себе продажи на два года вперед. Коллекция была на сто процентов заточена под Одри Хепберн, любимую клиентку

дизайнера. Сам Живанши наблюдал за показом через гигантский глазок в стене главного салона. В тот день редакторы потратили немного чернил, записывая свои впечатления от новых моделей, но Живанши никогда не интересовало мнение прессы, и тем более он не собирался ей угождать.

Байеры рассказывают историю об одном из его ранних показов. Живанши стоял за китайской лакированной ширмой с вырезанным глазком. В середине показа ширма упала, и оказалось, что за ней стоит сам Живанши, великий и ужасный! Нет ничего удивительного в том, что дизайнеры не уважают изменчивую прессу. Если бы вы видели эту толпу ужасно одетых людей, называющих себя экспертами в моде и диктующих всему миру, как одеваться! Девяносто процентов модных журналистов выглядят так, будто у них совсем нет вкуса. На показе Givenchy рядом со мной сидел один такой экземпляр, редактор одной из крупнейших немецких газет. Эта невысокая женщина с кривыми ногами и лицом, напоминающим старый сморщенный кожаный чемодан, в обрамлении вытравленных перекисью волос, носила твидовый берет, который совершенно не сочетался с костюмом золотисто-желтого цвета и блузкой с блестками. Она жевала жвачку, причмокивая неряшливо накрашенными красными губами. В ушах плясали бриллиантовые сережки размером с мюстры, а короткие пальцы-сардельки, которыми она строчила новости из элегантного мира моды, были унижены кольцами. На ней была юбка на восемь сантиметров выше колена (в положении сидя) и белые сапоги до колен. Я мог думать лишь об одном: и эта женщина учит других, как одеваться!

За показом Givenchy следовало самое важное дефиле из всех — коллекция знаменитого Баленсиаги. Меня на него не пригласили. Я знал, что Баленсиага очень выборочно рассылает приглашения, и жутко нервничал. Ворочался ночами, гадая, сумею ли проникнуть на показ. Наконец я набрался храбрости и позвонил в дом Balenciaga за два дня до показа. Мне прямо ответили, что на показ меня не пустят, так как я работаю на Women's Wear Daily, американскую газету для профессионалов модной индустрии, которая шпионит за каждым движением Баленсиаги. Пресс-атташе модного дома мадам Вера, с виду любезная седовласая женщина, похожая на чью-нибудь мамочку, обладала безупречной памятью и устанавливала правила, как будет проходить показ и кто его увидит. Мы проговорили по телефону двадцать минут, и я объяснил, что уволился из Women's Wear Daily еще два года тому назад. Меня подвергли перекрестному допросу и наконец пригласили встретиться с мадам Вера лично. Я не сомневался, что все это делается с одной лишь целью — унижить меня.

Бутик Balenciaga встретил меня аккуратно разложенными на столах шарфиками и перчатками. На изумрудно-зеленом диване лежали два очень больших норковых покрывала, в салоне стоял бронзовый олень и несколько зеркал эпохи Людовика XVI. Лифт, отвозивший гостей в святая святых, изнутри был полностью обит кожей винного цвета. Оказавшись там, где до меня бывали самые элегантные женщины мира, я, к удивлению своему, стал свидетелем небывалого оживления. Покупатели и продавщицы сновали туда-сюда и были заняты делом, что необычно для салонов парижских кутюрье.

Пожалуй, во всем Париже я не видел салона, где процветала бы такая кипучая торговля. Столы ломились от образцов тканей, а атмосферы элегантной роскоши, которая так часто отпугивает клиентов в салонах кутюрье, не было и в помине. Мадам Вера и Рене — две самые свирепые продавщицы в Париже, которых боялись даже самые наглые байеры, — неотрывно следили за всеми, кто входил в зал. Они дали отворот поворот многим богатым и знаменитым женщинам. Им было неважно, с кем вы пришли: как-то раз баронесса Ротшильд, одна из богатейших частных клиенток, привела с собой не менее богатую подругу-американку, но ту отказались обслуживать. За домом Balenciaga всегда оставалось последнее слово. В Париже у них был самый прибыльный бизнес, и они отказывали клиентам, за которых удавились бы другие модные дома.

Должен сказать, мой получасовой перекрестный допрос у мадам Вера оказался довольно приятным. Мы обменялись идеями и мнениями. В доме Balenciaga не терпели жуликов, пытавшихся проникнуть на показ с удостоверением какой-нибудь малоизвестной газеты или журнала. Пускали лишь тех, кто работал на авторитетные издания. И от каждого журнала мог прийти лишь один человек — такого не было нигде, в других домах на одну крупную газету высылали до шести приглашений. Затем следовало прислать в модный дом вырезку из газеты или журнала с вашим репортажем, и только в этом случае вас приглашали в следующем сезоне. К счастью, Баленсиага всегда был самым креативным дизайнером Парижа и отзывы о его коллекциях почти неизменно

оказывались положительными. В этом салоне журналистов держали в ежовых рукавицах (какая там свобода прессы, увольте), но хозяин барин, и, если вам хотелось увидеть коллекцию, вы играли по его правилам или не играли вовсе. Когда мадам Вера наконец вручила мне приглашение, моему счастью не было предела.

И вот наступил день показа — обычный холодный серый день в конце февраля. Накануне ночью я не мог уснуть и ворочался в своей гостинице, где номер стоил доллар шестьдесят пять в сутки. Я представлял себе все варианты кошмарного развития событий, все возможные катастрофы, которые могут помешать мне увидеть дефиле.

Когда я наконец уснул — это было примерно в два часа ночи, — меня тут же разбудил клекот, грохот и жуткий шум в крошечной батарее. Обычно я мог просидеть на этой батарее хоть целый день и не согреться ничуть. Но сейчас из нее шел пар, и я инстинктивно понял: что-то не так. Мой номер находился на чердаке шестиэтажной гостиницы, а французы, разумеется, никогда не слышали о такой штуке, как пожарный выход. Я соскочил с кровати и открыл дверь. Люди с криком бежали вниз по лестнице. Оказалось, взорвался бойлер, и хозяин гостиницы был на грани истерики. Я уже собирался выбраться через окно на крышу, когда меня успокоили и сказали, что никакой опасности нет. Стоит ли говорить, что больше уснуть я так и не смог. Лучше бы я сразу пошел к Баленсиаге и переночевал под его дверью!

Я явился на показ на два часа раньше и был первым журналистом, которого пустили в дом. Мадам Рене с видом

жандарма провела меня к моему стулу, и оказалось, что я сижу на отличном месте в самом центре салона. Я вздохнул с облегчением. У меня получилось!

Начали прибывать зрители, а меня вдруг охватила паника: а что, если я усну во время показа? В залах было очень душно: окна закрыты и плотно занавешены шторами, чтобы, не дай бог, никто не заглянул с улицы. В четырех стульях от меня сидела миссис Глория Гиннесс, одна из самых роскошных в мире женщин. Но когда шоу началось, сон как рукой сняло. Два часа я смотрел на дефилирующих моделей, и это было одно из самых захватывающих переживаний в моей жизни. Я ощущал полный покой, отдохновение, я грезил — наверное, именно так действует опиум.

В отличие от показов других дизайнеров, где представители прессы все время переговариваются между собой, здесь все смотрели только на подиум с того момента, как на нем появилась модель в первом костюме. Костюм был в совершенно новом стиле: жакет до бедер, застегнутый на золотые пуговицы размером с пятидесятицентовую монету, мягко облегал женственную фигуру модели. Но наибольший восторг у меня вызвали платья. Баленсиага придумал новый скользкий, соблазнительный, чувственный силуэт: платья, скроенные по косой, липли к телу, как будто модель только что вышла из душа. Открытыми оставались и плечи, и бедра, у некоторых моделей из-под подола выглядывали пояса для чулок. Модели скользили по серому салону, который не нуждался в лишних украшениях в виде хрустальных канделябров. Великолепные вечерние пальто до пола были сделаны

из жатой тафтовой розовой ленты и бутонов сирени, платья-сари из богато расшитой ткани сочетались с крупными бриллиантовыми ожерельями. Разнообразие и оригинальность аксессуаров поражали. Шляпки были сказочные — от конуса высотой сантиметров в тридцать с красными петушиными перьями до шляпы с метровыми полями в стиле Мэй Уэст из черной тафты. Показ Баленсиаги был подобен крещению в новую веру. Всю жизнь я считал, что дизайнеры должны оставаться собой и выражать свою индивидуальность, не задумываясь о том, что говорят друзья или недружелюбно настроенная пресса — ту вообще интересовали исключительно статусные символы. В девяноста пяти процентах случаев пресса пыталась повлиять на дизайнеров. С самого начала своей карьеры я слышал надменные возгласы редакторов глянцевого журналов. Я помню их любимую фразу в свой адрес: «Если бы можно было утихомирить твой энтузиазм и сделать тебя таким, как все!» Что ж, коллекция Баленсиаги поставила на место всех этих статусных снобов. Его дизайн был чистым творчеством, лишенным какого-либо постороннего влияния. Он нарушал все статьи модных законов, придумывал новые формы и крой и издевался над невеждами, сочетая твидовый пиджак с рубиновыми бусами или надевая на модель сразу два бриллиантовых кольца с вечерним платьем. Последним криком, возвещающим о его полной свободе, были два массивных бриллиантовых браслета, которые он надел поверх длинных белых перчаток. Снобы десятилетиями вдалбливали в головы своим читателям, что только проститутки носят украшения поверх перчаток.

Впервые за свою карьеру репортера я ушел с показа с мыслью, что моя мечта, возможно, не так уж недостижима. Этот человек верил во все, на что я надеялся. Мой дух воспарил. Мой длинный и тяжелый путь к вершине модного олимпа был полон беспрестанных разочарований. Но, очутившись на самом верху, я все-таки нашел свой горшочек с золотом на конце радуги. Я понял, что никто больше не сможет изменить мою философию моды, потому что увидел доказательство того, что истинное творчество существует, и ради него стоит взбираться на вершины и терпеть все невзгоды, что встречаются нам по пути.

О СВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В 1930-х и 1940-х годах мода вдохновлялась кино. В 1950-х и 1960-х главным источником вдохновения для кутюрье стало общество. С рождением стиля нью лук, изобретенного Кристианом Диором в 1947 году, социальный статус сменился модным статусом. Во время Второй мировой войны произошло мощное перераспределение капиталов, и половина семейств из аристократического списка осталась не у дел. У некогда шикарных курортов и частных клубов протекали крыши, и чтобы облагородить свою территорию, им требовались новые вливания. Белые горностаевые меха, в которые кутались элегантные снобы 1930-х, пожелтели или пошли на воротники и манжеты в последней отчаянной попытке сохранить иллюзию процветания. На преимущественно протестантской Парк-авеню, в этом излюбленном театре высшего

света, разыгрывались жестокие баталии. Толпы промышленников с Седьмой авеню и богатые техасцы пытались пробиться на самый верх, используя новый статусный символ — одежду. Бальные залы отелей Waldorf, Plaza и Astor стали самым роскошным полем битвы со времен великолепных средневековых турниров, когда рыцари в сияющих доспехах боролись за европейские титулы. Это была историческая битва,

орудием в которой стала мода. Вражеская армия наступала во всем своем сверкающем великолепии, а старая гвардия в поеденных молюю шиншиллах, потускневшей парче и сапфирах быстро сдавала позиции. Как и в старые времена, на помощь революционным силам пришли французы, и возглавлял их меcье Кристиан Диор. Он принес с собой новое чудо-оружие, аналог атомной бомбы в моде — нью лук. Бомба поразила Нью-Йорк и полностью уничтожила весь имеющийся арсенал. Обедневшая аристократия вынуждена была заложить летние дома в Ньюпорте и Саутгемптоне, а потом и величественные дворцы, выстроившиеся на золотом побережье Нью-Йорка — Пятой авеню. Тем временем вражеская армия промаршировала по зеленым лужайкам Центрального парка, а феодальные замки Пятой авеню не выдержали натиска новой амуниции — моды. Звучные аристократические фамилии меркли по сравнению с именами парижских дизайнеров, нашитых на воротники наступающей армии. В заголовках всех мировых газет теперь мелькали только они: Диор, Фат, Баленсиага. Теперь на любом благотворительном балу всех интересовал только один вопрос: «Откуда это платье?» Именно его задавали репортеры, прятавшиеся за пальмовыми кадками. Рубрики сплетен пестрели именами модных дизайнеров. Журналистам больше не было дела до самого владельца платья: им мог быть кто угодно, коль скоро на платье правильная этикетка. Потом старая гвардия тоже обзавелась новым оружием, и каждая вечеринка превратилась в модный турнир. Это напоминало захватывающую партию в шахматы, где все пешки одеты в платье от парижских кутюрье.

Тем временем в тени притаились американские дизайнеры, недавно прошедшие боевое крещение. Их игра пока напоминала шашки, их дизайн был менее впечатляющим, но они все равно вступали в битву каждый день в престижных ресторанах Colony и Le Pavillon, где лучшие столики доставались людям в самых красивых пальто и костюмах. Если на вечеринке накануне враги побеждали, на следующий день старая гвардия устраивала новый благотворительный бал. На этих балах собирали средства на лечение болезней, которых становилось все больше и больше, и новые появлялись каждый день. Кое-кто даже придумывал новые болезни, о которых никогда никто не слышал, главное, чтобы название звучало как нечто страшное и смертельное — значит, можно было устроить благотворительный бал, чтобы у противоборствующих сторон появился повод нарядиться во все лучшее. Крупнейшие бои, которые впоследствии войдут в историю, разыгрывались на балу «Апрель в Париже». Войска возглавляла генеральша Эльза Максвелл. На первом балу батальон мисс Максвелл разбил лагерь высоко на крыше отеля Waldorf, темой бала стал английский пикник, а билет стоил двадцать пять долларов с носа. В аудитории собралась в основном старая гвардия, а модники без роду без племени демонстрировали живые картины. Так, шляпник мистер Джон изображал Наполеона. Каждый год поле боя ширилось, а захватчиков неизменно сажали рядом с кухней и в самый дальний угол. Цены на билеты неуклонно росли. Однако новое обмундирование захватчиков затмило атлас и кружева старичков, изрядно пострадавшие в боях. Именно новички теперь блистали в светской хронике.

С каждым годом захватчики смыкали ряды, их наряды были все более ослепительными. Большие шишки из старой гвардии оказали успешное сопротивление лишь в 1958 году. Их предводительница тогда надела первое в истории платье, сплошь расшитое золотом. Захватчики в тюле и парче были потрясены и разгромлены. Светская львица и ее расшитое золотом платье попали во все газеты. На следующий год бальный зал Waldorf атаковали вражеские силы в золотых платьях. В том же году модницы взяли в привычку носить солнцезащитные очки по вечерам. Миллиарды блесков и бусин, украшающих зады воинствующих модниц, чуть не заставили оппозицию сдаться, но на последнем издыхании старая аристократия достала свои измученные швейные машинки и на следующий год предстала в костюме скромной служанки. Со времен пуритан никто еще не видел такой скучной одежды. А наступающая армия вышла вся обвешанная бриллиантами в несколько слоев, расшитые платья стали трехмерными: блески и бисер свисали сосульками. В 1963 году новых завоевателей показывали уже по телевидению — это была безоговорочная победа в войне за модное господство. Старая гвардия просто тихо сошла на нет. Дамы, некогда сидевшие у дверей кухни, пересели за центральные столики, а воевать стало не с кем. Захватчикам не осталось ничего, кроме как смотреть друг на друга, Вальхалла, куда все так стремились попасть, была разрушена в ходе боев.

Но из руин старой гвардии возникла новая, молодая гвардия, и у нее была стратегия, которой предстояло изменить мир моды. Этой стратегией стало раздевание. Годами старички пытались противостоять потоку новой одежды, в которой

щеголяли богатые захватчики, но молодая аристократия превратила Парк-авеню в сцену, на которой разыгрывался элегантный бурлеск. Стоило вражеским силам придумать новое оружие, как его тут же нейтрализовывали. Враги прохаживались по авеню в пальто-палатках, а навстречу им бойко маршировала молодая гвардия в самых коротеньких, самых облегающих пальтишках, которые вы когда-либо видели. Враги щеголяли в статусных норковых шубах до самого пола — их девиз был «чем длиннее, тем лучше», — а новая гвардия укорачивала шубы по самое не хочу. Для старых же богачей укоротить шубу было сродни ампутации. Мир моды никогда не видел столь элегантного стриптиза, и к концу 1963 года он достиг тревожных размахов: в моду вошли платья-майки и купальные костюмы топless. Это было начало конца моды как статусного символа.

Одежду американских дизайнеров использовали как эффективное новое оружие совсем недолго. Имена Норелла, Сарми, Chez Ninon, Мэйнбокера и Бена Цукермана звучали неожиданно и свежо и способствовали процветанию врага. Но сами дизайнеры слишком быстро взобрались на вершину общества и вскоре заняли места за лучшими столиками, а следовательно, оказались на линии огня. Новые захватчики пришли с Седьмой авеню по стопам женщин, которых сами же и одевали. Дизайнеров слишком часто стали замечать в той же одежде, что и клиентов, а какому генералу понравится носить ту же форму, что носят его рядовые? Опера и парад в пасхальное воскресенье тоже были красочными полями битвы, но их уничтожила бомба, даже более мощная, чем

мода, — телевидение, которое никогда не относилось к моде благосклонно. С момента своего появления телевидение вышло победителем из каждого боя.

Решая влиться в модное общество, вы вступаете в смертельно опасную игру. Тротуары модного Вест-Сайда испещрены следами погибших врагов. Вихрь вечеринок проносится быстрее бомбардировщиков и оставляет за собой не меньшие разрушения. Вы нужны этому обществу лишь в двух случаях: если вы в новостях и если вы в новинку. Стоит лидерам общества выжать из вас всю свежесть, все соки, и вы становитесь мусором. Единственный способ остаться на плаву — не показывать никому свою истинную сущность, потому что общество дружелюбно настроено лишь к новым лицам из страха, что вы окажетесь лучше них. Все светские персоны Америки страдают от этого комплекса. Восемьдесят пять процентов присутствующих на этих фантастических вечеринках не приходят туда ради удовольствия; они приходят, чтобы завязать нужные знакомства, взобраться на ступеньку выше, похвалиться богатством. Бедняги, они из кожи вон лезут и, вместо того чтобы весело проводить время и отдыхать, пребывают в напряжении, которое могут понять лишь генералы в пылу битвы. Стоит задуматься, сколько людей вознеслись на вершины общества под предлогом участия в смиренном деле благотворительности, стоит вспомнить все эти тысячи обедов, балов и театральных приемов, и мне страшно хочется вернуться во времена своей юности, когда женщины носили красивую одежду просто потому, что им это нравилось и приносило радость им самим и их друзьям.

О ВКУСЕ

Вкус — то, чем мало кто действительно обладает, хотя рекламные щиты на Мэдисон-авеню уверяют, будто достаточно купить то-то и то-то — и вот вы уже одеты со вкусом. Но это, конечно же, ерунда. Никому никогда не удастся вывести формулу хорошего вкуса и разлить ее по банкам. Вкус — врожденное качество, и если вы умны, то будете культивировать его всю жизнь, как редкий цветок. Вкус зависит и от самого человека, и от среды: на него влияет атмосфера, в которой растет ребенок, родители, вовремя познакомившие его с хорошей музыкой, книгами, искусством, компания друзей. А если ничего этого нет, остается надеяться на Божью милость. Многие из величайших художников и музыкантов мира родом из неблагоприятной среды. Но верно и то, что одежду haute couture носит отдельная

категория людей, утверждающих, что у них есть вкус. На самом деле у них просто есть деньги, чтобы купить творения модных дизайнеров, время, чтобы их носить, и они знают, где нужно появиться, чтобы привлечь внимание. Мнение, что вкус приходит с деньгами, — полная чушь; очевидно, что этого не происходит! Деньги лишь дают возможность плохому вкусу проявиться ярче и перерасти в откровенную вульгарность. Если вам кажется, что у большинства светских дам вкус хороший, знайте: это вовсе не так, просто большинство одевается по шаблону, заданному лидерами. В светском обществе все до смерти боятся выражать свою индивидуальность или вкус, так как не выносят критики. Женщины, не входящие в утонченные светские круги, часто пользуются гораздо большей свободой и одеваются в соответствии со своим личным вкусом, именно поэтому в Чикаго, Далласе и Сан-Франциско гораздо больше действительно стильных женщин, не следующих железным правилам, установленным меньшинством.

У светских львиц международного масштаба не больше вкуса, чем у любой среднестатистической женщины, но они поручают свой стиль опытным модным консультантам. Когда они выкладывают тысячи долларов за одежду, то платят не только за ткань и мастерство портных, но и за вкус дизайнера, «встроенный» в каждую вещь. Но, даже располагая всеми миллионами и позолотой мира, купить вкус нельзя, ведь многое зависит от того, как вы носите одежду, как двигаетесь. Есть еще и невидимое качество, спрятанное глубоко в душе носителя; оно так громко заявляет о себе, что

затмевает все. Вот почему мы так часто слышим: «Какая потрясающая женщина!» — но не понимаем, из чего складывается этот эффект. А ведь он является следствием индивидуального вкуса, и это качество настолько сильное, что затмит любую одежду. Вкус не ограничивается одним стилем. Можно одеваться со вкусом шикарно, как голливудская звезда. А можно со вкусом завязывать фартук, будучи прислугой. Вкус — величина постоянная, стиль меняется от сезона к сезону. Важно приспособить новый стиль к своим пропорциям. Самая распространенная ошибка женщин — одежда, не подходящая к пропорциям фигуры, уродливое сочетание броских текстур и цветов. Именно поэтому никогда не стоит покупать дизайнерскую одежду лишь потому, что газеты и журналы расхваливают дизайнера на все лады. Остановитесь, подумайте, выберите ту модель, которая, как вам кажется, больше всего соответствует вашему темпераменту и личности. То же касается дизайна интерьеров. Отдавайте предпочтение дизайнеру, чей вкус напоминает ваш собственный.

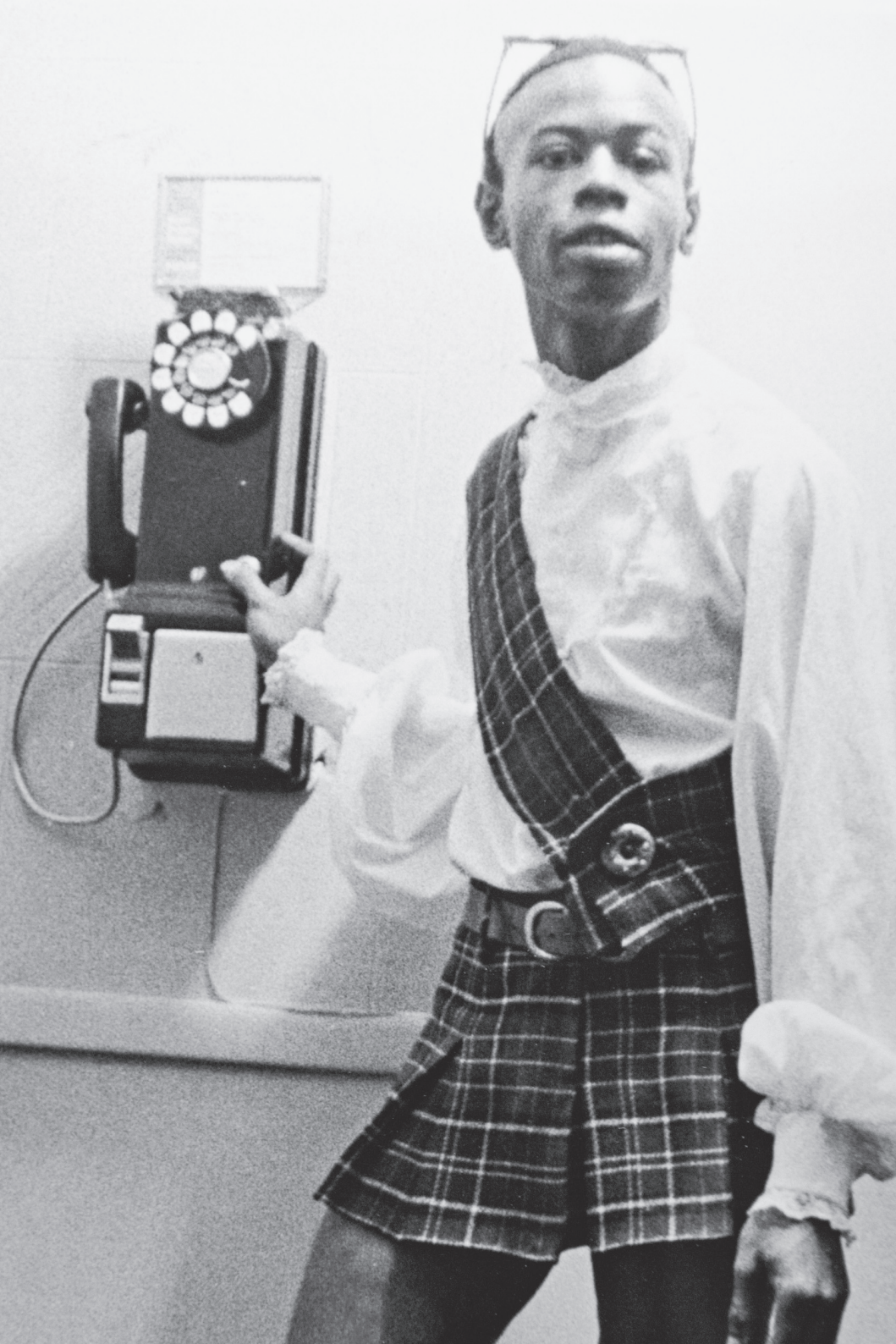
Именно так поступают стильные женщины. Они не бегают, лихорадочно скупая все подряд, — это верный путь к безвкусному облику. Каждый костюм собирается индивидуально, за исключением спортивной одежды, в которой можно эффективно сочетать необычные стили. Я побывал на сотнях премьер, наблюдал за людьми в шикарных ресторанах и на балах и сделал вывод, что хороший вкус — редкий дар. Для большинства людей мода — статусный символ, но их глубинное желание быть собой так и остается неудовлетворенным.

Поэтому все новое в моде так долго приживается: крайне редко встречаются женщины, настолько уверенные в себе, чтобы начать носить одежду в новом стиле раньше других. В любую эпоху, в любом месте всегда есть лишь несколько десятков женщин с безупречным вкусом. «Десятка самых хорошо одетых звезд» — это возмутительнейшая ложь! Разве могут редакторы составлять рейтинг из женщин, которых они в жизни не видели? Такие рейтинги — всего лишь рекламная постановка с целью раздуть покупательское эго или продвинуть очередную модную звезду.

Одежда, несомненно, способна влиять на личность носителя. Женщина, одетая безвкусно и неряшливо, вечно ноет и сама не знает, почему. Дух ее принимает ту же форму, что оболочка. Взгляните, как загораются глаза у большинства женщин, когда им на плечи надевают норковую шубку. Они сразу начинают чувствовать себя изысканными и элегантными. Но стоит надеть им на плечи старую поношенную шубу из ондатры, и им захочется идти домой проулками, чтобы никто их не увидел. Я не раз наблюдал, как чудесный праздник был испорчен требованием явиться в вечерних нарядах: непривыкшие к ним гости ощущали себя неудобно, а все потому, что хозяйке захотелось чего-то эдакого. Всегда нужно учитывать образ жизни, который ведут гости, и не заставлять их наряжаться. Вандербильты не стали бы просить гостей роскошного приема одеться как творческая богема, коль скоро это не маскарад! В непривычной одежде люди чувствуют себя странно, атмосфера мероприятия становится натянутой, из нее уходит вся радость, и гости боятся расслабиться. Все отчаянно пытаются изображать из себя кого-то, кем на самом деле не являются. Истинная изысканность приобретается с годами, хотя элегантность всегда идет изнутри.

Часто хорошо одетым богачам нравится притворяться битниками, надевать водолазки и черные чулки. Это весело, но лишь до тех пор, пока есть возможность снова переодеться в парадный костюм. А представьте себе эти полные официоза свадьбы, когда свадебные консультанты не дают расслабиться никому из гостей, заставляя их соблюдать устаревшие

традиции! Несчастливые семьи хотят, чтобы все было «как у людей», и в итоге свадьба превращается в те же похороны, только платья у всех не черные, а цветные! Лишь напившись шампанского, гости могут наконец забыть обо всей этой чепухе и начать отдыхать. Мне кажется, свадебных консультантов надо сразу усыплять хлороформом, еще до того, как они откроют свою снобскую книгу правил.

А посмотрите, что происходит с людьми, стоит им надеть военную или военно-морскую форму: меняется сама манера себя держать, возникает чувство превосходства и силы, а все благодаря отутюженной форме.

Выбирая одежду, многие женщины сталкиваются с отсутствием даже базовых представлений о моде. Обычно женщины так заняты копированием стиля подруги или знаменитости, что себя в зеркале даже не замечают, а видят лишь шикарный образ с картинки. Они не понимают пропорций своей фигуры, не видят, что те не соответствуют крою одежды. Не видят, что рукава, ворот, низ рубашки или жакета зрительно «разрубают» фигуру на части. К сожалению, продавщицы в модных бутиках тоже не владеют этой базой или же владеют, но им все равно, как сидит одежда, — главное, чтобы она продавалась. Цвет одежды должен гармонировать с тоном кожи, который в течение жизни может меняться.

Также важно, чтобы одежда соответствовала времени и месту. Вам наверняка приходилось видеть женщин, в девять утра разодетых как на вечеринку с коктейлями. А на бранчи до сих пор одеваются как на чаепитие у английской королевы, хотя шляпки лучше приберечь для вечера

или пасхального воскресенья. Решение отдать предпочтение простой одежде в классическом стиле также может оказаться не самым удачным. Повседневное платье или деловой костюм в опере или на концерте так же неуместны, как шляпа с перьями с утра. Что до отдельных моделей, показанных в Vogue или Harper's Bazaar, обычные люди не смогут носить их правильно и в нужном месте, даже если эта одежда достанется им бесплатно. Мода haute couture предназначена лишь для избранных. Лишь одна из десяти тысяч женщин поймет, как одновременно надеть меха, перья, драгоценности и атлас и не выглядеть проституткой. Кстати, о проститутках — как правило, у них прекрасный стиль, они роскошно одеваются и держатся очень элегантно. Черные атласные платья и сумочки, расшитые бисером, ушли в прошлое. Между прочим, одна из самых элегантных женщин нашего времени еще совсем недавно была ночной бабочкой, а сейчас она звезда в мире западной моды. И пусть кумушки из пляжного клуба в Саутгемптоне подавятся! Чтобы правильно носить haute couture, нужна безупречная манера держаться и выправка, изысканное воспитание и порода. Нарядить можно и свинью, но она по-прежнему будет хрюкать. Высокая мода — удел меньшинства, потому что у большинства просто нет на нее времени и денег, а также вкуса.

Но будем надеяться, что модные дизайнеры никогда не перестанут творить для тех, кто их вдохновляет и кто готов носить вещи, порожденные полетом их фантазии, ведь именно благодаря таким музам мода и становится живым искусством.

О вкусе

В моде есть лишь одно правило, о котором не стоит забывать ни клиентам, ни дизайнерам: когда вам начнет казаться, что вы все знаете и уловили дух времени, в ту самую секунду забудьте обо всем, чему вы научились, переверните это с ног на голову, найдите новое применение старой формуле. Мода живет и дышит постоянными переменами.

ФИЛОСОФИЯ ЛОРЫ ДЖОНСОН

Всем дизайнерам, которые с ней работали, Лора Джонсон говорила: «Когда вы делаете для меня одежду, не стойте — бегите, бегите, бегите, пока не выбьетесь из сил! Бегите, пока у вас не останется мыслей, а одни лишь эмоции. Они-то мне и нужны».

РИСОВАНИЕ И ХЭНДМЕЙД

ИСКУССТВО

КИНО И ФОТО

КРЕАТИВ

ДИЗАЙН И РЕКЛАМА

ВДОХНОВЕНИЕ

МИФ Творчество

Все творческие книги
на одной странице:
mif.to/creative

Подписывайтесь
на полезную рассылку:
книги, скидки
и подарки
mif.to/cr-letter

#miftvorchestvo
mif.to/MifART

Издание для досуга

Билл **Каннингем**
МОДНОЕ ВОСХОЖДЕНИЕ
Воспоминания первого стритстайл-фотографа

Руководитель редакции *Вера Ежкина*
Шеф-редактор *Ольга Архипова*
Ответственный редактор *Анна Кузьмина*
Арт-директор *Мария Красовская*
Редактор *Ольга Нестерова*
Верстка *Елена Бреге*
Вестка обложки *Юлия Анохина*
Корректоры *Анна Угрюмова, Мария Кантурова*

Благодарим за помощь в подготовке издания Катю Федорову,
журналиста, основателя telegram-канала Good morning, Karl!

ООО «Манн, Иванов и Фербер»
www.mann-ivanov-ferber.ru
www.facebook.com/miftvorchestvo
www.vk.com/miftvorchestvo

Билл Каннингем — легенда стрит-фотографии и один из символов Нью-Йорка. Но звездой и любимцем публики он стал еще в середине XX века, когда шил экстравагантные шляпы и вел колонки в модных изданиях.

В этой автобиографической книге Каннингем рассказывает о своих первых шагах в городе свободы и гламура, о золотом веке высокой моды и о пути к высотам модного олимпа. В самом начале у него не было ни денег, ни связей — только талант и невероятный оптимизм. Он разглядывал витрины самых шикарных бутиков в городе и мечтал посвятить свою жизнь моде. Взяв псевдоним William J., Билл стал одним из самых оригинальных и знаменитых шляпных дизайнеров своей эпохи.

Закулисье модного мира и свои в нем приключения Билл Каннингем описывает живо, остроумно и безжалостно.

Мы привыкли смотреть на моду сквозь объектив Билла Каннингема, но его автобиографические записки не менее увлекательны и живописны. Тем более что в них предстает не тот Билл, которого мы все знаем: легендарный репортажный и стритстайл-фотограф в неизменной синей куртке и на велосипеде, а юноша, модник и шляпник, готовый на все, чтобы стать своим в мире моды.

МАША ФЕДОРОВА, главный редактор Vogue Россия

Уличный фотограф Билл Каннингем многие годы был неотъемлемой частью модного олимпа. «Мы все одеваемся для Билла», — сказала как-то главный редактор Vogue Анна Винтур. Однако мало кто знал, что Билл начинал как дизайнер шляп и даже пробовал себя в роли модного критика. Его трогательный и честный рассказ о личных взлетах и падениях — еще и на редкость откровенная хроника модной индустрии Нью-Йорка и Парижа середины прошлого столетия.

КАТЯ ФЕДОРОВА, журналист, основатель telegram-канала Good morning, Karl!

Ставьте хештег *#модноевосхождение* и делитесь своими мыслями с друзьями

ISBN 978-5-00117-735-7

9 785001 177357 >

Максимально
полезные книги на сайте
mann-ivanov-ferber.ru

издательство
МАНН, ИВАНОВ И ФЕРБЕР

facebook.com/**miftvorchestvo**

vk.com/**miftvorchestvo**

instagram.com/**miftvorchestvo**